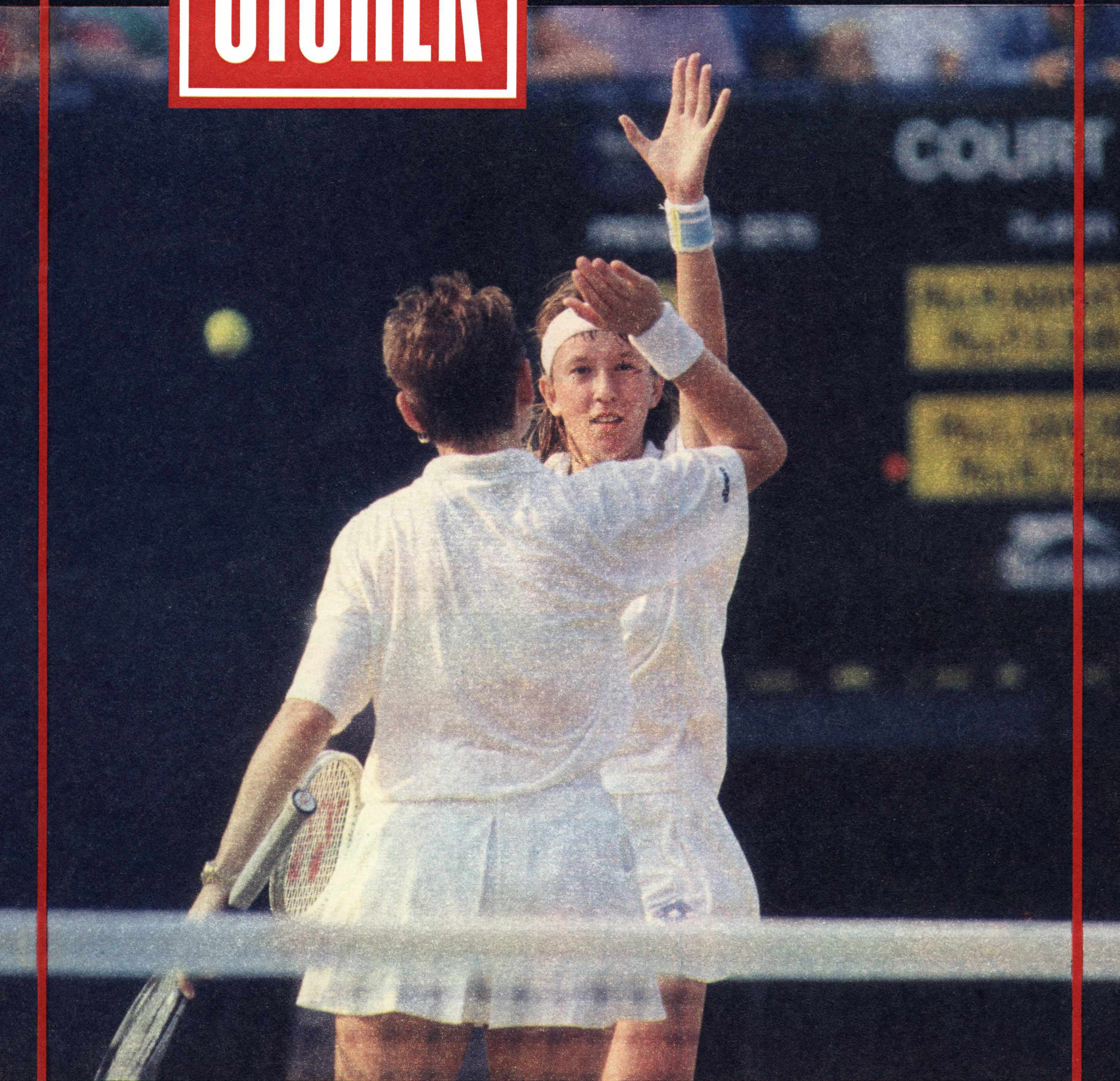
ISSN 0131—0097

АВГУСТ № 32 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

НАШИ БЬЮТ!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 32 (3342)
3 — 10 августа

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ

Редакционная коллегия:
А. Ю. БОЛОТИН,
В. Л. ВОЕВОДА,
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Г. В. КОПОСОВ,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Н. М. НОВИКОВ
(главный художник),
В. В. ПЕРФИЛЬЕВ
(ответственный секретарь),
Г. В. РОЖНОВ,
В. Б. ЧЕРНОВ,
А. С. ЩЕРБАКОВ
(заместитель главного редактора),
В. Б. ЮМАШЕВ.

Совет редакции:
П. Г. БУНИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО,
М. А. ЗАХАРОВ, Ю. В. НИКУЛИН,
С. Н. ФЕДОРОВ, Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Наталья Зверева и Лариса Савченко — чемпионки Уимблдонского турнира в парном разряде.
Фото Виктора Янчука

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии М. В. СТАРЦЕВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 15.07.91. Подписано к печати 30.07.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 688. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

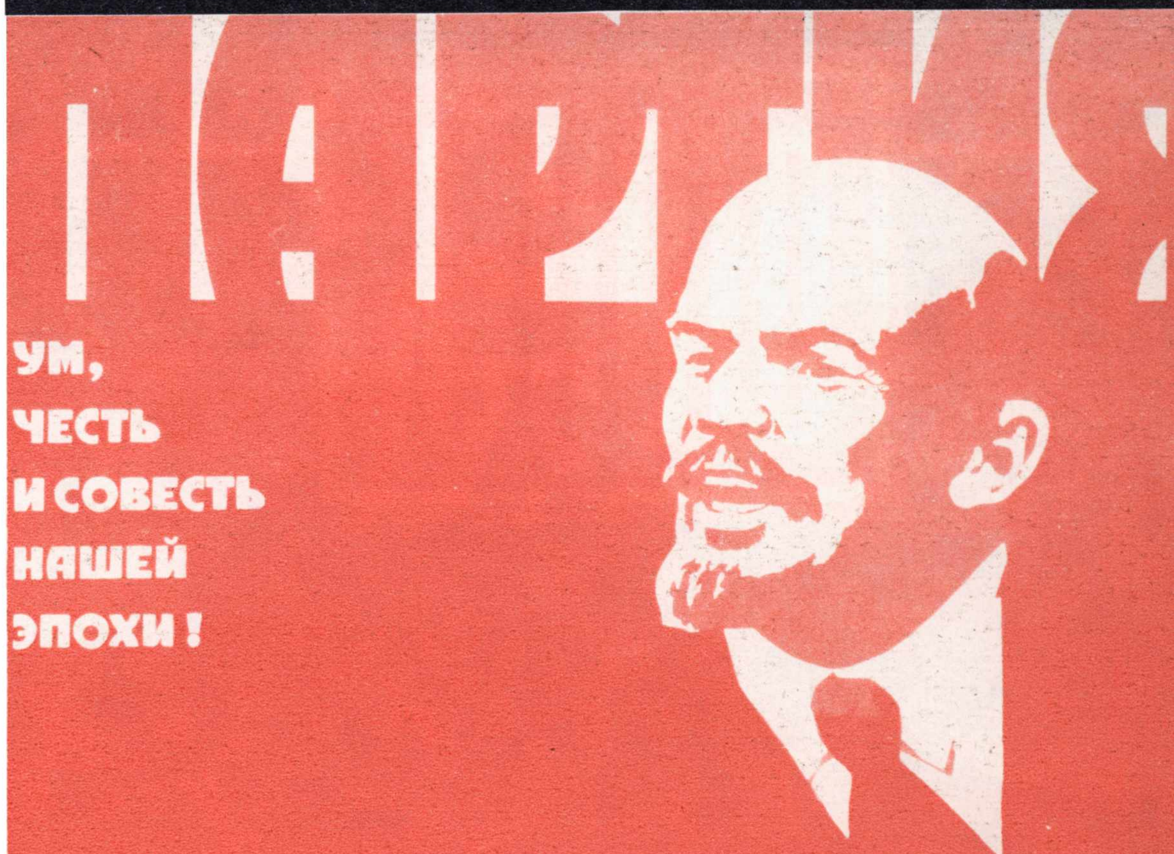
Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

© «Огонек», 1991.

Георгий РОЖНОВ

КТО ТАМ ШАГАЕТ ЛЕВОЙ?

Попробую заговорить, как в былые годы... Не сбиться бы с тона, не перепутать порядка слов. Это не ерничество, не пародия — серьезно. Со следующей строки и начну, один лишь абзац.

Весь советский народ, все люди доброй воли с огромным интересом следили за работой июльского (1991 г.) пленума ЦК КПСС. Его исторические решения, положения и выводы доклада генерального секретаря ЦК КПСС товарища М. С. Горбачева внимательно изучаются каждым, кому небезразличны судьбы страны, пути ее продвижения вперед.

Думаю, похоже. Но мне дороже отличие — в этом штампе все правда. Да, пленума коммунистов ждали. И у нас в стране, и за рубежом. Да, состоявшийся на нем разговор можно смело назвать историческим. Да, и у нас в стране, и за ее пределами доклад Горбачева и речи его оппонентов внимательно изучают, а уж выводы каждый делает сам. Не думаю, что с ними следует торопиться, и есть резон сначала поговорить не о самом пленуме, а о событиях, которые его предваряли и, по сути, предопределяли все, что на нем произошло. Но прежде, думается, надо объяснить, с чего бы это журнал, стоящий вне партий и уж никак не симпатизирующий коммунистам, так заинтересовался работой именно их пленума. Что ж, не одни мы здесь любопытствуем — все, что происходит в КПСС, одинаково небезразлично тамошним партийцам и их противникам, ортодоксам и новаторам, политикам и экономистам, верхам и низам. Хочется нам этого или не хочется, компартия с политической арены пока уходить не собирается и в нашей с вами жизни играет далеко не последнюю роль. Кто сомневается, пусть вспомнит, у кого в руках бюджет страны и ее казна, армия и госбезопасность, внутренние дела и внешняя политика? У кого, наконец, почта, телеграф, телефон? 501-я и 208-я базы в Москве (спецмясо, спецколбаса, спецрыба, спецводка)? То-то.

Если бы эти вопросы задали себе мои коллеги из тех изданий, которые принято называть демократическими, они бы повременили печатать статьи под заголовками типа «Финита ля КПСС» или «Партия проиграна» — все это пока не более чем заклинания.

Слышу, слышу вопрос: о какой это партии я рассуждаю, если даже генсек Горбачев видит былой монолит разделенным и втрое, и вчетверо? Ладно, пусть это было сказано образно, приблизительно, округленно — у нас есть возможность сосчитать реально, тем более что именно перед пленумом такая возможность и представилась. Назову пока тех, кто уже выступил под собственным флагом: большевистская и марксистская платформы в КПСС, движения «Коммунистическая инициатива» и «Коммунисты за демократию» — как раз четыре. С ними по крайней мере все ясно — чего хотят, с кем и с чем борются, чего добиваются. С точки зрения большевистских догм каждого, кто входит в эти платформы или движения, следует считать отступником, ренегатом и уж по меньшей мере гнать из партии взашей. Если этого не было сделано раньше, пленуму ЦК надлежало прибегнуть если не к оргвыводам, то хотя бы дать однозначную оценку подрывающим единство КПСС функционерам. Да и от них самих можно было бы ждать если не дежурных атак на ЦК и генсека, то хотя бы отстаивания своих позиций. Такой прогноз высказывали и справа, и слева, в предсказаниях раскола компартии недостатков не было. Не случайно ведь как раз накануне пленума «инициативники» и «большевики» провели свои крикливые, кликушествующие сходки, а марксисты пообещали собраться чуть позже, в августе. Именно к пленуму — это очевидно — поспешили со своим программным заявлением основатели движения «Коммунисты за демократию» и почти одновременно с ними — Движения демократических реформ.

Можно было с большой долей определенности предположить, что главный вопрос, вынесенный на пленум, — обсуждение программы КПСС едва ли не сразу утонет в спорах и вызовет новый шквал ожесточенной критики в адрес ее авторов, и прежде всего Горбачева. Еще в конце июня, когда программная комиссия обсуждала третий вариант своего сочинения, «все участники...,— как свидетельствует цековская «Гласность»,— были единодушны во мнении о том, что КПСС остается партией социалистического выбора, а большинство — и коммунистической идеи». И далее, там же: «Сейчас, когда четко выявились две крайние позиции среди коммунистов — бесплодный консерватизм и социал-демократическая безыдейность,— особенно важно собрать вокруг но-

Фото А. ФУРСОВА

вой программы здравомыслящий центр, который поведет партию и народ к гуманному демократическому социализму». Если лидером такого центра предполагался Горбачев, то неужели бы он мог счесть здравомыслием повторение уже навязших в зубах идеологических догм вроде социалистического выбора, коммунистической идеи, гуманного, демократического социализма и социал-демократической безыдейности? Что же было бы нового в программе с прежними постулатами, стоило ли тогда вообще огород городить?

Сегодня, когда Горбачев свой доклад произнес, мы удивляемся не столько тому, что он обошелся в нем без клятв в верности марксизму-ленинизму, походя помянул прелести коммунизма, предложил весьма вольные условия членства и сделал попытку покаяния, сколько тому, что эта крамола встретила весьма робкую отповедь несогласных. Более того — генсека защищали, перед ним едва не винились за травлю, предпринятую на прошлом, апрельском, пленуме. Почему вдруг сникли свыше тридцати руководителей областных парторганизаций, задолго до июля суливших словесные розги Горбачеву и политбюро?

Полагаю, в какой-то степени карты ортодоксам спутал указ Президента России Ельцина о департизации — едва не каждый из выступавших поминал его недобрым словом. Сработал инстинкт стаи, почуявшей опасность,— какая уж тут свара с вожаком, если не сегодня завтра попросят убраться подобру-поздорову? Если без привычных кабинетов, зарплат и харчей останутся почти сорок тысяч освобожденных секретарей парторганизаций?

Не стану поминать каждого, кто этот указ проклинал, полемизировать с ними бессмысленно. Однако мимо жалоб на то, что решение Ельцина было для партийных командиров нежданным, а потому коварным, пройти не могу. Вот в какое отчаяние в связи с этим повергнуто политбюро ЦК КПСС: «КПСС... не мыслит свое существование вне трудовых коллективов». Так ли уж не мыслит, такая уж ли безнадега настала? Неужто в политбюро забыли, что 16 июля, за четыре дня до подписания злосчастного указа, состоялось заседание секретариата ЦК КПСС с такой вот как нельзя более актуальной повесткой дня: «О работе по месту жительства»? На нем, как сообщает та же «Гласность», рассматривались рекомендации комиссии ЦК по обновлению деятельности первичных партийных организаций, касающиеся совершенствования работы. Секретариат под председательством заместителя генсека Ивашко «одобрил новые подходы в строении первичек по месту жительства, выработанные комиссией. Это, например, территориальные организации, в которые входят коммунисты, связанные по роду деятельности с населением. Их можно создавать при райкомах или на базе какой-то одной организации. Надо продолжать поиски новых, эффективных форм — их необходимость в современных условиях очевидна».

Видите, как славно все получается: можно, оказывается, создать территориальные организации, а можно и продолжить поиски. Ну и на здоровье — создавайте, ищите! А «Правда» 18 июля, за два дня до указа Ельцина, вот что писала, расхваливая работу Фрунзенского райкома компартии Таджикистана: «Центр тяжести политической работы райком перенес по месту жительства населения...» И переносите, как говорится, таскать вам не перетаскать — сейфы, столы, стулья, графин с водой не забудьте, таблички с дверей...

А сам Горбачев в докладе на пленуме что советовал?

Если кто-нибудь ожидал от Горбачева иных слов и иных поступков, если надеялся, что во имя комфорта партаппаратчиков генсек использует свои прерогативы Президента и ввяжется в междоусобицу с Ельциным, тот не знал ни Горбачева, не понимал текущего момента, который традиционно так обожают обсуждать на любых коммунистических сборах. В равной степени были наивны и те, кто подсовывал генсеку тексты программ со слегка припудренными большевистскими догматами — семь таких вариаций были выброшены в корзину. Только поэтому мы услышали доклад, который, как в былые годы, хочется прилежно конспектировать, но уже не по воле политгруппповода, а по своей собственной. Если кто-то завел себе такой цитатник, пусть сравнит его с моим — уверен, будет похоже. Я выпишу лишь то, что Горбачев не мог сказать ни в прошлом году, ни тем более на заре затеянной им перестройки — только сегодня. Цитирую.

«В прошлом партия признавала источником своего вдохновения только марксизм-ленинизм, причем само это учение донельзя искажалось в угоду прагматическим установкам дня, превращалось в своего рода сборник канонических текстов. Теперь необходимо включить в наш идейный арсенал все богатство отечественной и мировой социалистической и демократической мысли».

«Член партии имеет право свободно излагать свои взгляды, быть атеистом или верующим, по своему выбору работать в одной из организаций или оказывать поддержку партии иным путем и т. д.».

«Наша партия бесспорно несет ответственность за то, что не сумела поставить заслон самовластию, позволила использовать себя как инструмент тоталитаризма».

День 25 июля, когда Горбачев произнес свой доклад,— веха в его политической биографии, так нужное нам доказательство здравомыслия и порядочности лидера не столько партии, сколько страны. Эволюция Горбачева сродни нашей с вами, он так же трудно учится демократии, как и общество, разбуженное им после застойной спячки. Плохо скрываемый скепсис и откровенное неверие в искренность перемен взглядов Горбачева, которых он придерживался ранее, исходят прежде всего от тех, которые к таким переменам не способны вовсе. Уже во время пленума, на брифинге в «Октябрьской» я слышал ворчливое: «Что же он сразу, в восемьдесят пятом такими откровениями не поделился — сколько времени упущено». Речь, как можно догадаться, шла о Горбачеве, почти сразу после его доклада. Дома не поленился, отыскал состав политбюро, которое избрало Горбачева генсеком: Алиев, Воротников, Гришин, Громыко, Кунаев, Романов, Соломенцев, Тихонов, Щербицкий. Никто еще не вздрогнул, не сплюнул через левое плечо: «Чур, меня»? Требовать от политика поспешности, забвения реалий окружающей его действительности — значит отказать ему в удаче, которая прежде всего нужна нам самим. Нам важно понять это сейчас, когда неожиданная покладистость пленума лишь подтвердила сомнения в готовности ЦК безоговорочно принять новаторство своего генсека. Горбачев получил передышку до назначенного на зиму съезда партии, на котором уже не избежать ни размежевания догматиков и реформаторов, ни решения судьбы нынешнего генсека. Трудно сказать, что предпочтительнее — уйти самому или принять отставку от съезда. Для этого по крайней мере надо знать, какую партию будут представлять делегаты, и не случится ли так, что их попросту некому будет избирать,— вполне вероятно, что и указ Ельцина, и Движение демократических реформ, и воинствующий консерватизм РКП подтолкнут рядовых коммунистов к массовому исходу из КПСС. Что же касается ее элитного слоя, то наиболее даровитые и дальновидные его представители уже стали едва не авангардом среди новых предпринимателей и левеют прямо-таки на глазах. В демократы один за другим записываются крупные промышленные магнаты, первоначальный капитал которых — недавние высокие посты в КПСС. То, что многих из них мы видим сегодня в политсовете ДДР, вполне логично и объяснимо: каждый бизнесмен заботится о своем реноме, а партийное прошлое порядочной репутации вовсе не способствует. Можно предположить, что верховенство в движении демреформаторов многих бывших сановных партийцев удержало Горбачева и от критики в их адрес, и от похвалы — в своем докладе он вообще не упомянул о ДДР, а положение дел оценил «трезво», добавив для ясности, что «меньше всего хотел бы огульно обвинять коммунистов, которые по разным причинам присоединяются к тому или иному течению». Догадливые люди, разумеется, не восприняли эти слова генсека как индульгенцию всем без исключения «самостийникам» — и необольшевики Нины Андреевой, и «инициативники» Сергеева и Тюлькина получили от Горбачева сполна. Такая четкость позиции свидетельствует, на мой взгляд, о том, что на финише своего партийного лидерства генеральный секретарь прежде всего опасается прихода к власти именно правых радикалов, которые не просто вырвут власть на Старой площади из рук реформаторов, но и открыто направят КПСС против всех преобразований в стране. Против ново-огаревского процесса, против договоренностей в Лондоне, против рыночных отношений с их приватизацией, разгосударствлением и частной собственностью — достаточно вспомнить и выступления на пленуме, и речи на съезде рабочих Москвы.

Такая откровенная крайность позиций консерваторов и побуждает леветь тех, кто на своих командных высотах в КПСС еще не утратил чувства здравомыслия и самосохранения. Но если одни перебежчики вызывают у нас чувство обычного человеческого удивления, то другие уже заставляют встревожиться. Никак не могу понять, что заставило мэра Москвы Попова пригласить в свою команду череду бывших номенклатурщиков из партийного и комсомольского аппаратов. Они что — экономисты, промышленники, знатоки финансов? С чего же тогда прикажете считать их демократами и полезными москвичам специалистами? Вынужден повторить еще раз: к перемене взглядов на социализм способны многие, и попрекать человека за его прошлое и глупо, и безнравственно. Но при одном непременном условии — если это прошлое осуждено самолично, по собственной воле и потребности к покаянию.

Будем об этом помнить, когда осенью потянутся делегаты на съезды ДДР, ОДП или партии Руцкого, а зимой — и на внеочередной XXIX съезд коммунистов. Стоит внимательно присмотреться: кто там шагает левой? Уверен: походка многих покажется странной.

■ *В нашем городе Энгельсе Саратовской области есть клеевой завод, где из костей изготавливают столярный клей, костную муку и другие продукты. В районе этого завода я был свидетелем того, как группа детей примерно 10—12 лет дралась с собаками из-за кучки костей, привезенных на завод, видимо, с нашего Энгельсского мясокомбината. На шум прибежали, надо полагать, сторожа и отобрали кости и у собак, и у детей. Детям пригрозили, что в следующий раз отправят их в милицию за хищение социалистической собственности. Я спросил у плачущей девочки: зачем она хотела взять кости? Ответила, что мама из них варит суп. Детей у мамы трое, а папы нет. Пришла за костями второй раз за неделю. Раньше покупали их в магазине по 18 копеек за килограмм. Сейчас они стоят 1 рубль 60 копеек.*

Действительно, есть в городе один такой магазин. До повышения цен, то есть до апрельской реформы, там задолго до открытия магазина выстраивалась огромная очередь с надеждой, если повезет, что-либо купить из субпродуктов.

Преобладающее большинство очереди составляли старые люди, для которых и субпродукты в радость.

Сейчас в магазине покупателей очень мало. Субпродукты лежат и даже заметно пахнут. Потому что по цене они стали многим малодоступны.

Ю. БОТАНЦЕВ
Энгельс

■ *Не от добра пишу. Жить мне стало тяжело. В следующем году девяносто лет мне будет. Осталась одна после войны, хозяин-то мой под Сталинградом лег, а сынки кто где, велика Россия. Думала ли тогда, что так жить буду. Не поверите, иной раз воды попить нету. Сама-то я слаба стала, ведро не поднять, да и колодец далеко. Летом соседи-дачники еще помогут, да у них своих дел полно, зимой одна, помру — месяц буду лежать, не зайдет никто.*

С хозяйством справляюсь пока, а вот с продуктами худо стало, уж три месяца нет ни масла, ни сахару, про чай и забыла уже. Колхоз раньше молоко давал бесплатно, а с прошлого года перестал — плати, говорят, 50 копеек за литр. Ну, да Бог с ними, плачу, пенсия большая нынче, 110 рублей дали. Носить тяжело, сто раз отдыхаю, пока банку донесу.

Ко мне знакомый заходил из Митякинской станицы, удивился, как же я так живу. У него, говорит, таким помогают.

Сынки, вот бы и мне кто помог?

А. МАКСИМЕНЦЕВА
хутор Елань Тарасовского района Ростовской области

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Журналистский коллектив и редакционная коллегия «Огонька» признали лучшим из материалов на экономическую тему, опубликованных во втором квартале 1991 года, очерк Людмилы Сальниковой «Будем воровать дальше?» (№ 17).

Ей присуждена премия, учрежденная норильским центром научно-технического творчества молодежи «Резонанс».

О ЛИТЕРАТУРНОМ ПРИЛОЖЕНИИ К «ОГОНЬКУ»

Дорогие читатели!

Приближается подписная кампания, и среди многочисленных ваших вопросов все чаще звучит один: как будет организована подписка на литературное приложение к «Огоньку»?

Это естественно: до сих пор наша редакция не имела к этому делу доступа и подготовленные нами книги распределялись по неведомым нам и вам чиновничье-партийным каналам. И часто обладателями подписки оказывались люди, не имеющие отношения к аудитории нашего журнала. Этой ненормальной практике пора положить конец.

К сожалению, тираж наших изданий, как и прежде, ограничен дефицитом бумаги. И поэтому мы вынуждены вводить свои «привилегии» и ограничения.

В 1992 году владельцами литературного приложения станут прежде всего (как давно предлагали наши читатели) подписчики «Огонька».

ЧИТАТЕЛЬ, ОФОРМЛЯЮЩИЙ ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ НА ВЕСЬ ГОД, ИМЕЕТ ПРАВО ПОДПИСАТЬСЯ НА ОДНО ИЗ СОБРАНИЙ СОЧИНЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В ПРИЛОЖЕНИЕ. При этом подписка на приложение остается по-прежнему лимитированной.

Его состав ныне таков:

А. Конан Дойл — 12 томов — 96 руб.,
Ф. Скотт Фицджеральд — 5 томов — 35 руб.,
В. Ходасевич — 3 тома — 18 руб.,
Библиотека сатиры и юмора — 4 тома — 28 руб.

Подписка проводится Центральным рознично-подписным агентством в отделениях связи.

Всякие попытки введения каких-либо иных, дополнительных условий подписки на литературное приложение должны рассматриваться как нарушение принятого порядка.

Относительно же собрания сочинений А. Дюма, которое мы хотели дополнительно выпустить для подписчиков «Огонька» 1991 года, сегодня можем повторить то, что говорили в прошлом году: редакция старается осуществить это издание. Камнем преткновения стало отсутствие бумаги, которой нынче в России не хватает и на школьные учебники. Решится вопрос с бумагой — и мы выполним наше намерение.

Так что не спешите выбрасывать отслужившие свое квитанции на «Огонек» 1991 года. И подписывайтесь на 1992-й!

Рисунки Вячеслава Лосева к Собранию сочинений Артура Конан Дойла.

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»: ПОДПИСКА НА 1992 ГОД

Серия «Библиотека «Огонек» издается с января 1925 года. Все наиболее значительное и примечательное в прозе, поэзии, искусстве, публицистике, что появилось за эти годы на страницах журнала, выходило потом в этой серии. Это маленькая энциклопедия нашей жизни, развития нашей (и не только нашей) литературы, искусства.

В этом году в «Библиотечке» вышли: совсем неизвестный «Технический роман» А. Платонова, малоизвестные или почти неизвестные очерки и воспоминания К. Бальмонта; Б. Зайцева — о «братьях-писателях»; находятся в производстве стихи З. Гиппиус, написанные ею в годы первой мировой войны и по горячим следам первого года революции; статьи неистового полемиста Петра Струве; воспоминания поэта Б. Слуцкого.

Наше время — время бурных споров о путях развития нашего общества. Неудивительно, что не только видный экономист В. Селюнин, но и писатели Л. Чуковская, Ф. Искандер предложили нашей серии публицистические, горячие и актуальные статьи. Вряд ли будут обойдены вниманием книжки этого года таких авторов, как Б. Окуджава, С. Антонов, Н. Ильина, С. Липкин, Н. Коржавин, В. Солоухин, В. Токарева, Р. Рождественский, Ю. Карабчиевский, А. Вознесенский, Виктор Ерофеев, Б. Ахмадулина...

В конце этого года и в 1992 году мы предполагаем опубликовать прозу М. Цветаевой, К. Чуковского, Ю. Трифонова, Д. Гранина, А. Битова, Д. Самойлова, Ю. Карякина, Э. Радзинского, статьи И. Бунина, В. Короленко, стихи В. Набокова, И. Бродского, Е. Евтушенко, публицистику А. Приставкина, О. Лациса, Марка Захарова и многое другое, что войдет в 52 выпуска нашего издания.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 1992 ГОД — 12 рублей. Индекс издания 70668.

ТРИ БОГАТЫРЯ

Итоги июньского опроса Службы изучения общественного мнения VP

(руководитель — профессор Б. А. ГРУШИН)

1. Процедура опроса

Опрос проводился по телефону с 15 по 25 июня. Из 750 предусмотренных выборкой лидеров общественного мнения, принимающих активное участие в формировании и выражении взглядов населения нашей страны, было опрошено 749.

В отличие от предшествующих пяти опросов, в которых определялся «человек месяца», июньский был посвящен относительно молодым политическим деятелям, недавно появившимся на общественной арене, но уже имеющим широкую известность. Более подробно с процедурой опроса можно ознакомиться в №№ 8 и 12 журнала за текущий год.

2. Результаты опроса

Ответы на первый вопрос — «Кто из названных людей, на Ваш взгляд, наиболее перспективен, будет играть заметную роль в политической жизни страны?» (в % к общему числу опрошенных, по мере убывания величин):

1. Явлинский Г. А.	— 45
2. Станкевич С. Б.	— 17
3. Бабурин С. Н.	— 9
4. Болдырев Ю. Ю.	— 8
5. Алкснис В. И.	— 4
6. Лубенченко К. Д.	— 2
7. Румянцев О. Г.	— 2
8. Бузгалин А. В.	— 1
9. Голик Ю. В.	— 1
10. Коган Е. В.	— 1
Другие ответы	— 5
Затруднились ответить	— 4
Отказались отвечать	— 0,5

Лидирующее место, как мы видим, в списке занял Г. А. Явлинский, которому было отдано предпочтение (причем со значительным отрывом от остальных) практически во всех группах опрошенных, за исключением представителей коммунистической партии и журналистов. Одни отдали пальму первенства С. Н. Бабурину, другие — Ю. Ю. Болдыреву, при этом, правда, называя и Г. А. Явлинского, но вторым в списке наиболее перспективных политических деятелей.

Приобретя известность в качестве одного из создателей программы «500 дней», Г. А. Явлинский сегодня вновь оказался в центре внимания, на этот раз став инициатором разработки новой программы экономического развития страны. Возможно, первое место Г. А. Явлинского в определенной мере — дань уважения государственному деятелю, который в свое время настоял на собственной отставке, но не ушел от активного участия в практической политике.

С. Б. Станкевич — один из самых многообещающих депутатов ВС СССР в первые годы работы Верховного Совета — был назван наиболее перспективным политиком в предложенном списке шестой частью опрошенных (17%). Эта цифра может восприниматься по-разному. Одни сочтут, что она означает падение популярности С. Б. Станкевича. Другие, напротив, увидят в ней свидетельство стабильности его позиций и в нынешней основной должности заместителя председателя Моссовета. Но, по-видимому, ни у кого не вызовет сомнений, что С. Б. Станкевич по-прежнему останется в числе заметных политических деятелей.

С. Н. Бабурин, сравнительно недавно заявивший о себе в большой политике, называется наиболее перспективным деятелем преимущественно представителями коммунистической партии, составляющими более половины всех придерживающихся этого мнения (51%). Будет ли в дальнейшем расти его популярность среди других групп — покажет время.

Ответы на второй вопрос* — «Какие именно качества Г. А. Явлинского, С. Б. Станкевича, С. Н. Бабурина, по Вашему мнению, обеспечат им успех в будущем?» (в % к числу отвечавших на вопрос):

Отвечали на вопрос	Г. А. Явлинский 334	С. Б. Станкевич 127	С. Н. Бабурин 70
профессиональная компетентность	53	31	47
целеустремленность, настойчивость, умение доводить дело до конца	17	19	4
принципиальность	8	13	26
умение убеждать людей, взвешенность принимаемых решений, терпимость к другой точке зрения, демократичность	13	32	46
интеллектуальные способности: умение адекватно и быстро анализировать ситуацию, предвидеть ближайшие и отдаленные последствия	22	28	33
высокая общая культура, образованность, широта взглядов	17	16	19
независимость, оригинальность мышления	13	6	4
честность, порядочность, бескорыстность	8	9	16
другие ответы	6	5	6

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что опрошенные лидеры общественного мнения, отдавая предпочтение тому или иному лицу, в качестве критерия оценки выбирали одни и те же качества, связывая с ними успех в будущем своего «избранника». В этом ряду первой (по удельному весу ответов) была названа профессиональная компетентность. Этот факт может свидетельствовать об изменении в общественном сознании представлений о государственном деятеле: политика — особый род деятельности, и далеко не «каждая кухарка может управлять государством».

Другой, как кажется, обнадеживающий симптом — достаточно дружное неприятие экстремизма со стороны наших респондентов. Значительная доля опрошенных (13, 32 и 46%) полагает, что названные ими политики имеют серьезные шансы на успех на политическом поприще при наличии у них умения убеждать людей, проявлять терпимость к иной точке зрения.

Наконец, интеллектуальные способности значительное число респондентов также рассматривает как неотъемлемую черту перспективного политика. Верится, что нет возврата к «добродетели» прошлого — «академий не кончали».

Высокую общую культуру, широту взглядов считает необходимыми для успешной политической карьеры приблизительно пятая часть респондентов (17, 16, 19%), отдавших предпочтение Г. А. Явлинскому, С. Б. Станкевичу, С. Н. Бабурину (соответственно).

Следует заметить, что лишь небольшой процент лидеров общественного мнения (по сравнению с назвавшими функциональные характеристики) отдает должное таким нравственным чертам, как честность, порядочность, бескорыстность. Имеются различия в оценке качеств названных трех деятелей. Респонденты, отдавшие предпочтение Г. А. Явлинскому, по-видимому, воспринимают его не только (или не столько) как политика, но и как ученого. Возможно, поэтому интеллектуальные способности в перечне его качеств занимают более высокий ранг, чем у С. Б. Станкевича и С. Н. Бабурина.

В заключение мы хотели бы обратить внимание на то, что портреты политиков, «нарисованные» респондентами, в той или иной мере отличаются от их живых прототипов. Тем не менее, будучи отражением представлений, бытующих в общественном сознании, они могут быть ориентиром для всех тех, кто занимается или собирается заняться большой политикой.

***Пресс-служба* VP**

*** Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответов, и поэтому их сумма превышает 100%.**

Это, наверное, чисто советская ситуация — мы все время «на марше», постоянно нас куда-то ведут, то к одной цели, то к другой, а завтра уже к третьей. Сейчас мы идем к рынку. И мы все вместе прошли только маленькую частичку пути, потеряв время, но и приобретя драгоценный опыт, как и что не надо делать. Но восприняли ли мы его, сумели ли понять и сделать выводы? Нам все время казалось — в политике главное выбрать тех, кто просто больше нравится. Мы прощаем отсутствие серьезных идей, реальных программ, прощаем обман, виляние, дешевый популизм. Все прощаем. Ищем или выдумываем аргументы и... голосуем.

Но сейчас появляется тревога, ощущение, что это не то. Мы раздражены, впереди нет ясных перспектив, ищем виновных, не хотим разобраться, в чем же дело.

Но давайте вспомним: а мы-то сами какую позицию заняли во всей этой истории? По существу, отдавая все управление рулевым, мы не настояли на создании для себя механизма постоянного воздействия на них. У нас с рулевыми нет обратной связи. Но она необходима, если мы говорим о настоящей демократии.

Если мы знаем, чего мы хотим, то это должны знать и те, кто управляет всем кораблем. И не только знать, но и делать так, как мы того хотим. И наше воздействие должно быть постоянным, а не только тогда, когда случается нечто экстраординарное и на улицах появляются танки. В этом случае мы все будем нести ответственность за свой выбор и только тогда будем действительно представлять, куда мы идем. Для этого и на этой позиции мы должны объединиться. Объединиться всем, кому небезразлична судьба нашей страны, судьба детей, да и собственная судьба. Объединиться даже не в организацию, хотя и это тоже далеко не лишнее в нашем положении, но объединиться в понимании того факта, что рулевые, выполняя свою собственную волю, или, как им кажется, нашу, не решат главных проблем. Все зависит от нашей позиции.

Всякая работа только тогда бывает вовремя, когда ее начинают с опережением. Наше единение нужно было еще вчера. К завтрашнему дню мы уже

НЕИС

опаздываем, но ведь можно опоздать и навсегда.

Последнее время часто спрашивают: «Не появился ли комплекс неполноценности оттого, что вы все время что-то делаете, но ничего не получается?» И еще — почему экономист занимается политикой, а не сконцентрировал все внимание, и свое, и товарищей, на чисто экономической проблематике?

Да, конечно, такой комплекс можно «заработать» (а в нашем случае и очень даже просто), но только если не рассматривать изначально возможность именно такого развития событий, и не быть готовым к продолжению работы, но уже на другом этапе, уже опираясь на приобретенный и нами, и обществом

Есть еще один вопрос, который задают в последние дни особенно часто. Это вопрос о причинах моего отказа от поездки в Лондон.

Отказаться от этой поездки было непросто во всех смыслах. Каковы же были причины?

За несколько дней до Лондона наша пресса сообщила о том, что в Ново-Огареве состоялась очередная встреча «9+1» и было заявлено, что предложения Президента, с которыми он направлялся в Лондон, всеми поддержаны. Хочется задать вопрос: знаете ли вы, уважаемый читатель, что конкретно было представлено на встрече «большой семерки»? Нет, не знаете. Боюсь, что и руководители республик помнят уже только общие слова.

А знаете ли вы, о чем конкретно договорились в Ново-Огареве перед Лондоном? И знают ли те, кто договаривался, о чем они договорились? Если вы спросите, вам скажут пять фраз о том, что в Лондоне Горбачев будет представлять эти республики, и то, что он не едет с протянутой рукой и нужно сотрудничать, привлекая инвестиции. Все. Но ведь ясно было, что нужен целый комплекс четких, понятных, конкретных, грамотных, соответствующих сложившейся ситуации мер. Вариант такой программы был подготовлен. И она была известна. Все знали и про негативную реакцию на Западе на антикризисную программу, и можно было весьма определенно прогнозировать те или иные результаты встречи от содержания наших предложений.

Обсуждать серьезно ничего не стали.

Что же получилось? Подписана антикризисная программа — значит, она всех устраивает. Отлично. Из всех предложений в очередной раз сделали «солянку». Опять всех устраивает? Хорошо. Но это лишь значит, что то, что происходит, и, главное, будет происходить в экономике, а следовательно, и во всех других сферах жизни, устраивает всех.

Но тогда это уже вопрос не к Президенту, а ко всем. И в первую очередь к нашим «великим демократам». Значит, Президент верно улавливает и отражает то, что подходит всем?

Тщательно разобравшись в том, что готовится для Президента, я понял, что независимо от будущих итогов Лондонской встречи это расходится с моими представлениями и убеждениями. Вот и все — мое решение было принято. Теперь очевидно: встреча «большой семерки», вернее, наше участие в ней, пока не стала поворотным пунктом для нашей экономики, а ее политические результаты хотя и существенны, но в принципе едва различимы в соседстве с достигнутыми договоренностями в области сокращения стратегических наступательных вооружений. Стоит ли удивляться — ведь в области экономики мы сами не дали согласия на имевшийся шанс. Но хорошо уже и то, что решения «семерки» оставляют нам возможность со временем попытаться использовать его еще раз. Не хочется говорить, что он будет последним, но в нашем положении время работает против нас.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ПОЛЬЗОВАННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ НА ШАНС

опыт. В этом случае нет поражения, есть лишь продолжение «партии». Если пользоваться спортивной терминологией, у нас не любительская встреча и в ней не три раунда... Жаль только упущенные время и возможности — ведь на каждом следующем этапе социальная цена реформ растет.

В Центре экономических и политических исследований мы занимаемся макроэкономикой и анализом политики, пытаемся определить социальную цену реформ. Кстати говоря, большинство моих товарищей занялись этими проблемами далеко не сразу, а тогда, когда стало ясно: предлагая решить что-то на предприятии, в городе или даже отрасли, нас по большому счету морочат. По-настоящему, фундаментально на таком уровне многого сделать нельзя. Можно подладиться, сообразить, как «урвать деньгу», но экономику в полном смысле слова так не трансформировать.

Я, например, пришел ко всему этому после работы в отраслевой и конкретной экономике. После окончания института занимался вопросами экономики труда, зарплаты, стимулированием. Диссертацию делал по организации труда на предприятии — Воскресенском химическом комбинате. Понял: на уровне предприятия нет и не может быть решения проблем. Затем три года работы в угольной промышленности. Занимаясь проблемой организации управления, убедился, что и здесь нельзя создать систему, стимулирующую человека нормально работать. Затем был заведующим сектором тяжелой промышленности в НИИ. И анализ вновь показал, что и на уровне управления отраслями решения тоже нет. Выводы, которые я сделал, привели меня к макроэкономике, к политике.

Программа «500 дней» была для нас важной работой в этой области. Ее судьба показала мне, что в нашей стране проблема экономики вне политики решена быть не может. Именно поэтому последняя моя инициатива была во многом политической. И в основе ее лежало все то же желание начать эффективную реформу.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ОКОПЫ

Анатолий ГОЛОВКОВ, обозреватель журнала «Огонек»

О «ПИСЬМЕ ДВЕНАДЦАТИ» И ДРУГИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В ЖАНРЕ ПАРТИЙНОГО ПЛАЧА

ж чем порадовала держава этим летом, в чем уж нет недостатка, так это в письмах и воззваниях. Едва перевели дух после счастливого соединения демократов с коммунистами, только-только навострили лыжи, чтобы примкнуть к сознательным народным массам, как грянул новый призыв, «Слово к народу». Теперь двенадцать единомышленников претендуют собрать население под своими, опять-таки красными знаменами.

Не позавидуешь членам КПСС, которые слышат зов полковой трубы то слева, то справа. Да и только ли им? Представляю ужас, охвативший 1 миллион 900 тысяч читателей «Советской России», раскрывших любимую газету утром 23 июля. «Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники! — известила читателей газета в письме «Слово к народу».— Случилось огромное небывалое горе». (Помнится, последний раз говорили о «небывалом горе», когда усоп один из генсеков, кажется, Черненко.) Что же за апокалипсис разглядели авторы в дождливом июле? Оказывается, «Родина, страна наша, государство великое... гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие».

Разве усидишь дома, узнав про такое? Вышел на улицу, огляделся, готовя себя к худшему. Ничего у нас на Беговой в тартарары не провалилось, все на месте. ГАИ на углу все так же берет сотенными за нарушение правил. Реклама на автобусных боках призывает покупать аппаратуру фирмы «Sharp». Кваском торгуют. В гастроном, говорят, утром молоко завозили, но остались только масло и сметана, батоны трех сортов по новым павловским ценам, опять-таки вареная колбаска. Не Гамбург, конечно, не Лондон, но прокормиться можно. Так где же руины, где пепелище в России? Или, может быть, это всего лишь метафора?

По литературному жанру «Слово к народу» хотелось бы отнести к плачам. Однако перед нами особый, большевистско-аппаратный плач, злобный, хамоватый, агрессивный. Так сказать, рыдания с автоматом Калашникова под полой. Судя по былинному размаху и эпической удали, чувствуется рука писателя Александра Проханова, в чем, впрочем, легко и ошибиться.

Жалоб, свойственных древним русским плачам (например, плачу Ярославны), в письме немного, и они быстро и плавно переходят в угрозы. Например: «Братья, поздно мы просыпаемся, поздно замечаем беду, когда дом наш уже горит с четырех углов, когда тушить его приходится не водой, а своими слезами и кровью». Торжественно и скорбно отзываются авторы воззвания о «певцах национальной идеи». Суровы и беспощадны, когда стремятся пригвоздить к позорному столбу демократические власти и общественность. Изобретательна и широка их творческая палитра в поиске эпитетов к тем, кого мы впервые выбрали в мэры, в президенты России.

Оказывается, предпочтение населения России было отдано: **«лукавым и велеречивым властителям», «умным и хитрым отступникам», «жадным и богатым стяжателям», «не любящим эту страну и раболепствующим перед заморскими покровителями», «губителям и захватчикам», «разрушителям деревень и творцам утопических программ», «фарисеям», «демагогам и злоумышленникам», «безответственным политиканам», «безнравственным лукавцам», «губителям Родины», «алчущим нуворишам»** и, наконец, **«новоявленным мессиям»**. Уф! Тут бы сам Франсуа Рабле позавидовал! Набор брани, очевидно, принятый за норму в салонах Союза писателей РСФСР и армейских казармах, вполне тянет на статью Уголовного кодекса, будь названы в письме конкретные имена.

С точки зрения гносеологии, обращение генералов, писателей, партийных работников, одной певицы, одного скульптора и одного председателя колхоза восходит к большевистским плачам 20—30-х годов. Сходные мотивы, правда, куда более умеренные по тону, можно найти в различного рода письмах Зиновьева, Каменева, Бухарина, попавших в чугунные объятия их личного друга и соратника Иосифа Сталина. Однако если принять во внимание призыв авторов «Слова», вроде: «Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну», или: «Положим предел нашему **отступлению** на последнем рубеже **сопротивления**» (подчеркнуто мною.— **А. Г.**), возникает ассоциация с более ранним периодом, когда в целях защиты большевистского переворота от несогласных Владимир Ульянов-Ленин развязал «красный террор», затянувшийся на несколько десятилетий.

Тут необходимо отдать должное богатому опыту коммунистов. Наследники ВЦИК и ВЧК, они куда более изощрены в стратегии и тактике, чем «малоопытные демократы», не спешат и не суетятся. Между прочим, в «Слове к народу» ничего не сказано о приверженности авторов к всепобеждающему марксистско-ленинскому учению (видно, в духе последнего проекта программы КПСС), ни слова о грядущем коммунизме или даже о «гуманном демократическом социализме». Ясно, что ничего, кроме неприязни и брезгливости, у реально мыслящих людей такие постулаты не вызвали бы. Тут все тоньше. Фактически авторы желают того, против чего трудно возразить: «чтобы каждый мог жить по труду, совести и справедливости». А нынешние реформаторы, по мнению подписантов, «тащат страну назад, во мрак средневековья (?), туда, где культ денег, силы, жестокости, похоти».

Все продумано, даже подписи под воззванием. Так, например, имена Валентина Варенникова и Бориса Громова призваны напомнить нам о том, что нынешняя политическая ситуация крайне не устраивает (мягко выражаясь) командование Сухопутных войск Вооруженных Сил СССР и Министерство внутренних дел. Что одного короткого приказа достаточно, чтобы привести в движение десятки тысяч вооруженных людей, бросить их на подавление собственного народа. В этом случае, думается, ни Дмитрий Язов, ни Владимир Крючков не стали бы особенно возражать — их идеологическое кредо общеизвестно.

Учитывая, что с коллективными воззваниями, предназначенными для газет, нередко происходят различные неприятные истории, когда выясняется, что тот или иной деятель ничего такого не подписывал или не видел текста, я решил позвонить некоторым авторам.

С генерал-полковником Борисом Всеволодовичем Громовым, первым заместителем министра внутренних дел СССР, побеседовать не удалось: он уехал в отпуск. Не повезло и с главнокомандующим Сухопутными войсками Валентином Ивановичем Варенниковым: главком устал после командировки и ничего комментировать не стал. Жаль.

Дозвонился Ю. В. Бондареву.

— Юрий Васильевич, в «Слове к народу» содержится призыв к созданию нового народно-патриотического движения. Означает ли это, что речь идет об альтернативе Движению демократических реформ?

— Вы знаете, в письме все сказано (вздыхает)... Все сказано в письме...

— То есть вы, очевидно, отказываетесь его комментировать?

— Вы, конечно, напишете в своем журнале, что Бондарев отказался комментировать письмо. Я понимаю... Потому что в «Огоньке» ничего еще хорошего, значит, что касается Российского Союза писателей, я еще не читал, а читал только извращенные тексты моих выступлений и выступлений моих коллег. И мне странно, что вы ко мне обратились, потому что я уверен, что появится все это совсем не так, как мне хотелось бы.

Не знаю, устроит ли Юрия Васильевича текст, но, видит Бог, ни одного слова здесь не изменено.

Позвонил Г. А. Зюганову, опытному политику и, пожалуй, самому умному из руководства полозковской партии.

— Геннадий Андреевич, если вы подписали «Слово к народу» как член Политбюро ЦК Компартии РСФСР, то означает ли это, что ваша партия целиком разделяет текст воззвания?

— Я подписал это письмо прежде всего как гражданин... Наверное, не со всеми резкими выражениями в письме можно согласиться. Но главное — это призыв к единению всех здоровых сил в стране.

— Думается, что речь идет не столько о единении, сколько об окончательном размежевании с законно избранными властями и демократической общественностью...

— А, по-вашему, можно спокойно смотреть, как они разваливают государство? Неужели нормально, что Борис Николаевич, вместо того чтобы углубиться в решение насущных народнохозяйственных задач, решил изгнать парткомы с предприятий? Я был крайне удивлен этому указу, зная, что Ельцина окружает немало здравомыслящих людей... Русские воспитаны в духе коллективизма издавна, они привыкли решать проблемы сообща. А теперь удар нанесен в тот период, когда возникла опасность недособрать около 30 процентов урожая, а значит, недопоставить продукты в северные районы, где и без того обстановка накалена. Не стоило бы забывать, что большинство председателей колхозов, руководителей предприятий — члены КПСС. К чему может привести реализация указа в стране, нашпигованной ядерным и химическим оружием, какую опасность повлечет за собой обострение обстановки, можно себе представить. Думаю, однако, что еще одной гражданской войны нашей нации не выдержать. Я боюсь этой войны, ибо перед глазами — события в Закавказье, которые, похоже, ничему Россию не научили. Не учит и Югославия. Трудно себе представить последствия вооруженных конфликтов внутри нашей страны для всего мира...

— Но ведь «Слово к народу» тоже вряд ли способствует консолидации и миру. Или вы полагаете, что коммунистическая партия свободна от ответственности за происходящее?

— Если вы внимательно читали письмо, то наверняка заметили и критику в адрес КПСС. Лично я считаю, что если наша партия в чем-то и должна покаяться, то главным образом в том, что отказалась от власти и доверила ее неопытным парламентариям. КПСС несет ответственность за провалы последних шести лет потому, что не сумела удержать управление на местах, оказалась не в состоянии убедить общество в постепенности и осторожности в проведении реформ.

— Можно ли считать людей, подписавших воззвание, оргкомитетом или политсоветом нового движения?

— Вряд ли. Скорее всего нас можно было бы назвать инициативной группой. А там пусть люди решают, подходит им это движение или нет. Если народ сочтет нужным, движение состоится.

«Слово к народу», понятное дело, было рассчитано на широкий общественный резонанс. А его, если не считать выступления Виктора Астафьева по Российскому телевидению, не получилось. Вяло отозвалась на этот «крик души» независимая пресса, да и большевистская повела себя не слишком активно. Инициаторы «народно-патриотического движения» малость не подрассчитали, поскольку почти одновременно с публикацией их письма вышел Указ Бориса Ельцина о департизации, разнеслась весть об окончании обсуждения Союзного договора в Ново-Огареве, а тут еще и Пленум ЦК КПСС... Однако поклонники жанра партийного плача не перевелись.

«Правда» откликнулась на Указ о департизации статьей «Ирония судьбы» (наверное, автору заметки не дают покоя лавры Эльдара Рязанова). Какие только имена не привлекла газета, чтобы пролить слезу над решением российского президента, чтобы вызвать у читателя праведный гнев по поводу вполне нормального, логичного решения законно избранной власти! Нынче орган Центрального Комитета КПСС, партии, причастной к самым тяжким преступлениям против собственного народа, ссылается на имена Сергея Булгакова, Николая Бердяева, имена, которые были ею самой просто вычеркнуты из истории. Эта газета вдруг, заламывая руки, всплакнула по Мартемьяну Рютину и Федору Раскольникову. Будто бы совсем не «Правда», а какое-то другое издание обрушилось на «Огонек» лишь за то, что журнал первым опубликовал письмо Федора Раскольникова Сталину.

Особенно же умиляют попытки партийных бюро армии, КГБ и МВД запугать общественность «свертыванием демократических процессов и установлением диктатуры (!)», ссылки большевиков разного калибра на Международную декларацию о правах человека — документ, который всегда нагло попирался тоталитарным режимом. Диктатуры вдруг убоялись те самые круги, которые организовали террор в Вильнюсе и Риге, которые превратили Арцах в концлагерь. О правах человека вдруг заговорили деятели той партии, которая все семьдесят с лишним лет боролась со свободомыслием, коверкала судьбы десятков диссидентов, выталкивала за пределы страны самых талантливых и честных людей. Партия, для которой ложь и насилие всегда были основой политики, нынче жалобно твердит о совести и чести, об искренности и вере, о правовом государстве... Не странный ли выбран способ самозащиты?

...Наверное, у читателя тоже возникнет вопрос: стоило ли браться за перо ради разбора очередного воззвания консервативных сил, привлекать внимание к новой, «исповедальной» форме статей в партийной печати? А и вправду, наверное, не стоило бы. Если бы не одна деталь. Как бы за победой демократов на выборах, за активизацией реформистских сил, за успехами ново-огаревского процесса, за оптимизмом Президента не проглядеть подводные рифы.

События последних недель показали, что за коллективными письмами, статьями, высказываниями политических лидеров справа ясно проглядывается то, из-за чего всем нам в скором будущем может быть уже и не до смеха. Поляризация сил в стране нарастает. Раскол в КПСС на фоне игрищ в социал-демократию — слабое утешение для тех, кто выступает за прогресс, демократию, гуманизм, равные возможности для всех членов общества. На мой взгляд, возникла реальная опасность новой, куда более мощной, чем все предыдущие, волны консолидации ортодоксального партаппарата, реакционных сил в среде армейского генералитета, КГБ и МВД с национал-патриотами, а также (о чем объявлено в «Слове к народу») с либералами, монархистами, централистами, земцами... Если все это произойдет, мы получим мощную оппозицию, опирающуюся главным образом на серых недоумков, неудачников, бездарей, тоскующих по канувшему в Лету «золотому веку» брежневщины, когда воистину тот, кто был никем, стал всем и распоряжался судьбами миллионов. Указание на конкретного врага, виновника всех бед (евреи ли это, велосипедисты или демократы), уже не раз за историю XX века привлекало к себе многочисленных сторонников. У нас еще достаточно людей, для которых призыв «К топору!» выглядит проще, понятнее и доступнее, чем «К цивилизованному демократическому обществу, свободе и процветанию!».

■

В первом разделе проекта Договора о союзе суверенных республик записано, что каждая республика — участник Договора — является суверенным государством.

Там же записано, что Союз ССР — суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате добровольного объединения равноправных республик (а из сказанного выше — суверенных государств) и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его наделили участники Договора. Получается, что, к примеру, два десятка или больше суверенных республик (государств) объединяются в союз, и этот союз становится государством, и тоже суверенным.

Что же тогда является суверенитетом? В новейшем словаре русского языка читаем: «Суверенитет — полная независимость государства от других государств в его внутренних делах и во внешней политике». Согласно ст. 5 проекта, республики — участники Договора лишены десятков полномочий в решении вопросов внутригосударственной деятельности и внешней политики. Непонятно, как после этого они могут оставаться суверенными государствами? Или, может быть, еще существует суверенитет неполный, социалистический, развитой, обновленный, регулируемый или еще какой-нибудь, не предусмотренный никакими словарями?

П. ПИВОВАР
Хмельницкий

■

Если бы меня спросили, какое главное занятие солдат и офицеров нашей части, где я служил, я бы сказал — безделье. Если бы в нашу часть попал инопланетянин, который не знал бы, что задача армии — это ведение боевых действий, то он, наверно, подумал бы, что эти зеленые человечки собрались за забором для того, чтобы прожить вместе два года. За время службы я пришел к выводу, что все эти нелепые караулы и прочее придумано специально для того, чтобы занять нас чем-нибудь в течение двух лет. С этой же целью в свободное от нарядов время мы выполняли другие важные «боевые» задачи: убирали территорию, собирали листики, подметали дорожки. Каждые полгода проводили побелку во всех помещениях, перекрашивали свежей краской машины.

Ради объективности надо сказать и о так называемой «боевой учебе». Ею мы занимались в основном перед итоговыми проверками каждые полгода. Так, 4 раза (за два-то года!) по 9 патронов стреляли. Но главное, чему нас учили,— это «действовать по тревоге». Вскочить, затемнить окна, схватить автомат и встать в строй. А что дальше делать с этим автоматом, над этим мало кто задумывался.

Или еще один пример: несколько раз мы ездили на учения в район Даугавпилса. «Учения» заключались в том, что первый день мы ехали туда, там «разворачивались», на следующий день «сворачивались» и ехали обратно. Сельские ребята по этому поводу говорили: «Лучше бы этот бензин дали в колхоз, а то уборка — комбайны стоят — бензина нет, а тут кататься — пожалуйста».

А вот когда в мае 1986 года грянула настоящая тревога и было приказано ехать в Чернобыль, полк выезжал вместо положенных летом 40 минут... неделю. Взяли с собой все, даже ленинскую комнату в отдельной палатке. Правда, вот работы всем не нашлось, поэтому половина бездельничала: ловили рыбу, ели недозревшие радиоактивные яблоки... Но не беда, вскоре выручил испытанный способ — снова пошли ежедневные караулы (охрана знамени, боевой бездействующей техники и так далее).

Впрочем, кое-кому польза от нашего пребывания в армии все же была. Это наши офицеры. Начальник службы вполне может, например, во время рабочего дня взять дежурную машину и поехать по магазинам. Ремонт его квартиры тоже делали солдаты, так же как и ремонт в квартире начальника штаба; на «губе» солдаты работали на генеральской даче. И так везде. Но я нисколько не осуждаю офицеров: все равно ведь мы ничего (имею в виду полезного) не делаем, а так хоть одному человеку польза. У меня было несколько приятелей, которые мечтали поступить в военные училища. Все они после армии передумали...

За два года службы я научился тому, чему можно было научиться и за 2—3 недели. Два года я ел не заработанный мной хлеб. Полгода я сторожил пустые бочки на берегу Киш-озера, полтора года я засорял латвийский эфир. Но я делал это не по своей воле...

П. ГОЛОВАНЕВСКИЙ,
бывший военнослужащий,
студент Львовского университета

■

Мы живем в мире глухих. Нас, гражданских инвалидов, поставленных на грань нищеты, никто не желает выслушать. Законом об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР, Указом Президента СССР и постановлением КМ СССР «О реформе розничных цен и социальной защите населения» предусмотрен ряд конкретных мер и льгот для инвалидов, в том числе выдача наборов продовольственных и промышленных товаров первой необходимости с частичной компенсацией их стоимости или бесплатно, оплата счетов за лекарства, бесплатное питание, предоставление льгот при пользовании городским и пригородным транспортом. Но эти меры плохо реализуются.

Для возможности выжить в это трудное время мы все вступили в общество инвалидов, видя в нем своего социального защитника. Но правление общества не поднимает эти вопросы. А местные власти, на которые возложено выполнение решений правительства, ничего не предпринимают для облегчения жизни нетрудоспособных инвалидов II группы.

Что же нам остается делать? Входить в рыночные отношения с нашими возможностями. Кто желает по сходной цене приобрести аттестат зрелости отличника, диплом инженера, диплом кандидата наук, аттестат старшего научного сотрудника и профсоюзный билет? Больше ничего у меня нет, кроме болезни сердца. Пустил бы в оборот и партийный билет, но в прошлом году его сдал, так как после 31 года работы, заболев, я стал не нужен КПСС с ее многомиллионным состоянием, как и государству.

М. КУЦЕВАЛОВ,
нетрудоспособный инвалид
II группы
Воронеж

ОБМАН В РАМКАХ ОБМЕНА

■

Мне хочется сказать несколько слов по поводу статьи С. Непомнящего «Обман в рамках обмена», опубликованной в 26-м номере журнала «Огонек». Ради справедливости необходимо уточнить, что «ресторанная культура» — это лишь одна из многочисленных граней культуры в целом, а США — лишь одна из стран, где наши художники и артисты гастролируют. Поэтому не слишком ли наивно было искать подлинные сокровища нашей современной культуры в Америке, а тем более в ее ресторанах? Ведь не «Гоп-стоп» и не «песня для тети Симы...» (как пишет Непомнящий про «маленькую Одессу») ассоциируются у нас сегодня с Одессой, а искрометные шоу «Клуба одесских джентльменов»! «Сколько по-настоящему больших художников осталось еще в Союзе?» — спрашивает Непомнящий, подводя читателя к ответу: «Никого». Позвольте не согласиться с этим! Далеко не вся художественная интеллигенция ринулась «на Запад», и Западу предстоит еще приятная возможность открыть для себя многих наших талантливейших артистов самых разных специальностей, работающих дома, на Родине, и не форсирующих свой приезд в Америку. В мае этого года с большим успехом прошла в Харькове премьера нового фортепианного сочинения композитора Марка Карминского «Лакримоза». Почитатели народных традиций с интересом следят за новыми вокальными и оркестровыми работами Фируза Бахора (Душанбе)... Это лишь первые пришедшие в голову примеры, их число легко умножит любой, кто серьезно интересуется нашей художественной жизнью, ибо искусство, как говорят, в отличие от огурцов может расти и развиваться не только «благодаря», но и «вопреки».

Л. НЕВЕДОМСКАЯ
Москва

В своей статье «Не наливают новое вино в старые мехи...» («Огонек» № 29, 1991) Владимир Солоухин приводит впечатляющий перечень исторических и личностных злодеяний ВКП(б) — КПСС. Никогда не поздно еще и еще раз суммировать хорошо известные факты хотя бы для того, чтобы не распылялись они суматохой перестройки, однако в контексте статьи неизбежно возникает вопрос, на который мы не получаем от автора ни ответа, ни даже намека на ответ.

Вопрос этот до удивления прост: когда в ходе своего сорокалетнего большевистского стажа Солоухин узнал эти факты? Если он узнал хотя бы половину скорбного перечня хотя бы в середине этого стажа, то как он мог еще столько лет состоять в этой партии, получать от этой партии премии и ордена, занимать номенклатурные должности в СП СССР, с полной лояльностью, а иногда и не без рвения выступать на собраниях? Если же эти откровения пришли к нему лишь после 1986 года, то как мы можем не думать, что они пришли опять же по велению и хотению его партии?

Владимир Солоухин раздает индульгенции детям свирепых революционеров. Говоря на актуальную нынче тему «покаяния», он считает, что даже им, исчадиям, не следует сейчас каяться за дела своих отцов. От этого вроде бы гуманного, как бы христианского постулата вдруг начинает разить язычеством. С какой стати вообще возникает этот вопрос? Кому, если не язычнику, вообще может прийти в голову, что дети отвечают за отцов? Каждый отвечает за себя, Владимир Алексеевич; вы — за себя, я — за себя. Простите, но мне вовсе не кажется, что вы достигли моральных высот с этими индульгенциями.

Рискуя, как он сам говорит, «совершить перекос в построении статьи», Солоухин вдруг начинает предвзято и беспардонно цитировать книгу моей матери Евгении Гинзбург «Крутой маршрут». Цитаты эти, вернее их толкование, и в самом деле вызывают перекос, увы, не только в архитектуре сочинения, но и в нравственном стандарте автора.

Взяв, например, описание дома отдыха столичной партийной знати, Солоухин намеренно не замечает иронии и представляет все как естественную среду Евгении Гинзбург, в которой она — свой человек.

Моя мать, разумеется, была членом той же партии, что и Солоухин, но в другое время. Психологически она принадлежала к левому, интеллигентскому крылу и с сарказмом относилась к бонзам новой бюрократии. Взяли ее за полгода до ареста отца, пришив «террористическую троцкистскую организацию».

Далее Солоухин приводит ностальгическое воспоминание Е. Гинзбург об ее «замечательной юности» и комментирует это воспоминание, как «чудовищное», поскольку «ее юность пришлась на самые страшные, кровавые, голодные, тифозные, братоубийственные годы России». Предвзятость, желание подверстать все к своей атавистической схеме мешают писателю заметить даже элементарную хронологию. Жене Гинзбург было 11 лет, когда произошла революция, ей было 14 лет, когда окончилась гражданская война, юность ее пришлась на самые мягкие и самые «сытые» годы за всю историю советской власти, то есть на нэп. Ту же самую подтасовку делает В. Солоухин и с одногодкой Е. Гинзбург — матерью писателя Юрия Трифонова, приписывая ей комиссарствование в отрядах ЧОНа и участие в расказачивании. Трудно не предположить какую-то другую цель в этих трюках, кроме установления исторической правды. Е. Гинзбург не скрывает своего увлечения революционными идеями и «романтикой» первых лет советской власти, однако гораздо больше этого она увлекалась лирикой Пастернака и Маяковского, Гумилева и Ахматовой, театром Мейерхольда. Так или иначе, она оказалась бунтарем в своей семье, в среде разрушенной мелкой буржуазии. Ее отец, убежденный н. д., никогда не скрывал своего презрения к большевикам. Два ее кузена принимали активное участие в самарской неантисемитской ветви белого движения и отступили с войсками за границу. Юная Женя после вступления в комсомол была практически изгнана из дома. Говоря «Как нам было интересно жить! Как все было хорошо!», она совсем не то имела в виду, что Вы сейчас имеете в виду, Владимир Алексеевич. Она была романтиком, не видела или, может быть, и не хотела видеть уродства Совдепа. Революционеры, в том числе мой отец, рязанский коммунар Павел Аксенов, казались ей мифическими героями.

Сколько раз на протяжении жизни я слышал от нее восклицание «Какая я была дура!». Историю развития ее души прочтет всякий, кто не желает извлечь из «Крутого маршрута» матерьяльчик для мрачных языческих концепций. За свою «дурость» она заплатила 18 годами тюрьмы, лагеря и ссылки. Следующее поколение партийцев, то есть поколение В. Солоухина, к счастью, избежало подобного чистилища.

Стереотипы властвовали над людьми с поразительной стойкостью. Даже освободившись из ГУЛАГа, мать восстановилась в партии. Без этого реабилитация казалась ей неполной. Это была дань дракону, пожалуй, весьма наивная дань. В главной своей сути моя мать оказалась героем: она написала свою потрясающую книгу, которая для миллионов людей является эталоном честности, она стала христианкой, и она умерла христианкой.

Владимир Солоухин — христианин. Я — тоже. Должен сказать, что я был неприятно поражен его криводушным использованием мемуаров моей матери. Не помогает ли это тем, кто втайне от самих себя отвергает Иисуса Христа и его двенадцать апостолов?

Василий АКСЕНОВ

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНКИЙ МЯЧ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

Две тренировки в день, в перерыве сбегаешь в столовку, что рядом с кортами в Сокольниках. Вечером, часов в одиннадцать, когда отбитый мяч уже растворяется в сумерках, бредешь на четвертый трамвай — и домой.

Когда это было?..

Для юных теннисистов Детской спортивной школы олимпийского резерва это настоящее. Кого-то привели на Ширяево поле родители, специально к заслуженному тренеру СССР Ларисе Дмитриевне Преображенской, воспитавшей пять чемпионов страны; кого-то тренеры приглядели на обычных уроках физкультуры, как когда-то Татьяна Федоровна Наумко, нынешний старший тренер школы, открыла Андрея Чеснокова, одного из лучших теннисистов мира прошлого года.

Он тоже играл здесь, на кортах школы, два фирменных ежегодных турнира — летний чемпионат и зимний «Мемориал Борисовой» — в честь замечательного тренера К. А. Борисовой, работавшей в Сокольниках в 50-е годы.

Воспитанники школы много ездят по стране, успешно выступают в зарубежных турнирах, например, в прошлом году в Италии. С итальянским клубом города Террамо завязались дружеские отношения, обмен спортивными визитами.

Все вроде есть у школы — славное имя, прекрасные тренеры, талантливые ученики. Все, кроме одного,— сильных спонсоров, которые помогли бы с инвентарем, финансированием поездок на турниры... Будут в наше рыночное время спонсоры — будут и новые Андреи Чесноковы.

ОГОНЁК

Инна ШУЛЬЖЕНКО

УТИЛЬ

БРÓНЯ И ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Дело в том, что Броня мечтает о Большом. То есть натурально мечтает о сцене Большого театра Союза ССР. Она ковыляет за Петлюрой и с нечеловеческим светом из глаз задает свой главный вопрос:

— Когда мы будем петь в Большом?

А Петлюра, тихонько похлопывая по ее правому плечу своей правой рукой, так, что получается крест-накрест, отчего все 150 орденов, медалей и брошек на ее концертном френче празднично позвякивают, отвечает:

— Скоро, Броня, скоро. Вот сейчас и споем. На дискотеке.

И Броня поет. В микрофон. А Петлюра ей аккомпанирует. Есть у них такая штука — вроде детского игрушечного рояльчика, но с усилителем. (А если это окажется синтезатором, я не удивлюсь. В темноте ведь не видно.)

Впечатление — атас.

Атасность умножает наличие у Брони своего собственного дирижера. Это ее муж, и он тоже мечтает о Большом, и они так едины в этом своем мечтании, что совместный их прорыв к гармонии стремителен и немало впечатляет окружающих. Муж стоит на квадратной коробке из-под чего-то малогабаритного и дирижирует самозабвенной импровизацией жены. Ему, как и Броне, лет много. Строго говоря, они уже очень давно просто старик со старухой. Он как бы карлик, а может, таковым кажется во фраке или во мраке, и ручки у него воткнуты в туловище, как ветки — в бока снеговика; есть у него еще одна примечательная черта: он считает, что он — Ленин.

...Честно говоря, именно эту пару мне бы живописать и не хотелось. Потому что примечательные двое «отъехавших» стариков совсем не своим убожеством, и не своими хворями, и даже не степенью своей оставленности, брошенности всеми в этом уже и неизвестно когда выселенном центровом доме, той оставленностью, которая иногда поразит в самое сердце и заставит подумать о человеке, как о пространстве: Богом забытый угол.

А тем примечательны дирижер и певица, что ведь надо же было: жизнь прожить и уже помирать собраться, как нарисовался вдруг в их жизни...

ПЕТЛЮРА

...и жизнь эта, представьте себе, обрела вдруг и форму, и цвет, и смысл, и творчество, и праздничность. Рехнуться можно!

(По факту, а не по чувству, это выглядело так: Петлюра, он же Саша Ляшенко, арендовал этот самый выселенный дом под мастерскую. Вернее, остов дома, в завалах которого развеселая команда петлюриных подельников и обнаружила парочку, которая, надо понимать, была оставлена здесь уже навсегда.)

Концерты свои Броня обожает. По ночам ей стали сниться песни. «Айн-цвай-д'гай» вот приснилась. И она ее теперь исполняет — на фоне неожиданно качественных слайдов, правда, каких-то гинекологически-остросюжетных.

Сказочный Бронин принц — Петлюра — существо неклассифицируемое. Сложный, значит, персонаж. Ну, то есть, что художник — это ясно, раз мастерская... и что «аван'гардист» — тоже. А дальше: «Утильщик»,— рекомендует себя сам Петлюра.

О его творческой самостоятельности я узнаю среди вони черного подъезда, за полшага до многолюдья, приветствий и распевки петлюриной «дискотеки». Рядом спотыкаются респектабельные молодые люди в шубах до пят, и сладкий, как духи хозяйки «Анне Клейн», голос произносит: «криминогенная обстановочка»... Я узнаю, что у Петлюры коллекция — зашибись, и музей — на третьем этаже. И что-то он со всеми этими подлинными вещами такое делает...

Мое ознакомление с фактом существования в московской тусовке некоего Петлюры восходит к одному малозначительному светскому рауту несколькогодичной давности. Гарик Коломейчук (Гарилла) — личность, надо сказать, в некотором смысле просто легендарная — тогда объявил себя модельером для советских панков («Советские панки — самые панки в мире»,— или — «... самые советские в мире»?). В присутственные места таскалась за ним вереница вполне отупелых, как это у них, у панков, водится, на вид пэтэушников, но — с цветными ирокезами на затылках, и освaивала несколько ностальгические гариллины прикиды даже не без какого-то неведомого свойства, шика. Сам Гарик выступал в крайне элегантной упаковке средней руки чикагского мафиози 30-х годов (в моем представлении по «Однажды в Америке»). Так вот, среди этой витиеватой цепочки как бы проваливалось одно звено, обрывалось: человек без гребня на макушке, с каким-то искалеченным голым пупсом в руках, шизоватый, тонкокостный, опасный. Петлюра.

И вот нá тебе: коллекция, модели...

«МУЗЕЙ»,—

старательно нарисовано на куске картона. Картон — на двери. Дверь — на третьем этаже. А за дверью — что называется, «туши свет».

«Мне интересно интересное»,— говаривал Д. С. Мережковский во вполне свойственной ему манере. Но это как раз не классический пример масла масляного: я понимаю, о чем речь. Мне тоже интересно интересное.

И именно поэтому я не хочу (и могу ли?) долго тут распрягаться про коллекцию. Поэма. Песнь о Гайавате. Любовное собирательство по комкам и Тишинкам (хотя она — одна, как первая любовь), по старушкам из бывших и из настоящих какой-то чудесной ветоши, подлинность которой и есть, может быть, главное: вот в этом платьишке чувствовало чье-то тело, под этой тканью чьи-то плечи обнимали мужские руки в рукавах — допустим — этого пиджака, вот этот бант... Поэма, короче, я же говорю. А совпериод?! А милые сердцу завихрения — штучные штучки: лента с вышивкой, полуосыпавшийся бисер кокошника, обгоревший клок дореволюционной фаты...

Платья, костюмы, шляпы и шляпки и тульи от шляпок, фуражки и кепи; и кокосовые гроздья галстуков; и обувь... обувь, уникальными парами которой можно было бы (случись у Петлюры выставка в Союзе) уставить оба пролета эскалатора от Киевской-кольцевой снизу доверху, до выхода к вокзалу. И на каждой ступенечке.

И крошечные розовые пуанты, драненькие, лет от роду ста, рядом с телефоном — тема для рассказа.

Петлюра, верно, страшно сентиментальный человек?..

ДИСКОТЕКА

А внизу распевает Броня (и в окошке сверху такими тупыми и неуместными кажутся паркующиеся у темного дома автомобили: девятки, БМВ, интересно, подкатит ли зайделевский СААБ?).

И Владимир Ильич дирижирует, Петлюра тюкает по игрушечным клавишам. В «зале» поприбавилось публики, стоим тесно — прикурить можно, только извинившись на все четыре стороны. И тем не менее по комнатке летают веревочные, какие-то дачные качели, а на них — Катя Рыжикова, девушка, имея в виду которую мы в нашей глубокой старости будем бубнить: вот в наше время были красавицы — вашим не чета.

А я разглядываю Брониных зрителей и думаю вот что: ну ладно я — понятно, тусовка — тоже понятно: встретиться, потрындеть, кто-то забил здесь стрелку. Все ясно. Но что здесь обретает этот хай-лайф, эти то ли юппи, то ли мажоры, то ли рэкетиры, то ли путаны, то ли депутаты, и просто португалец Жози, утираясь одноразовыми платочками, повторяет без счету: «Нет, это не-ве-ро-ятно! Нет, в Москве этого не может быть!» Что им Петлюра? (Что они Петлюре — я как раз разумею.) Публика первых рядов партера на Пинк-Флойде и пугачевских Рождественских встречах, публика, хоть раз в жизни да откушавшая под живого Вилли Токарева... И когда песнекрики Брони достигают кульминационного рыда, врубаюсь: сто лет тому назад я была вечерним завсегдатаем «Этажерки», «Туриста» и в файф-о-клоке попыхивала на Ноге, и тусовка по стриту классически завершалась большой вероятностью найта в родном 108 о/м... Но, какие бы расклады ни случались, я прекрасно знала, что так или иначе, утром или послезавтра я доберусь до дома — родительского дома на Юго-Западе столицы, вымоюсь, наемся и лягу спать на смененное бабушкой постельное белье... Такой хиппицей мне быть нравилось, хотелось и моглось. Таких хиппей — нас — было 80%. А остальные 20 — сторчавшиеся, с покосанными до локтей руками, завшивевшие, хайратые останки советской мечты об американском кампусе образца 62-го года,— со страшными ломками и в ритме нон-стоп продолжали выяснять свои отношения с совком, отношения, замешанные на крутом инцесте.

Но именно эти 20% верных, к сегодняшнему дню перемершие от передозировок или перепиханные по пересылкам «за хранение и распространение» (хотя хранили и распространяли все те же будущие предприимчивые юппи),— именно эти 20%, о которых сегодня я не могу вспомнить без содрогания,— поубавили стопроцентности жлобства в подрастающей комсомолии предперестроечных лет.

...Вот и эта молодая леди в бобровой шубе до миллиметрового каблука лакированной «лодки» («ну ладно тебе, милый, я же только в машину и из машины»), представим себе, вернется сегодня с «дискотеки», где «пела эта забавная Броня», бросит в синюю ванну кубик ароматической «Магнолии» и не так сразу даст своему бравому мажору. Она предастся раздумьям: а кто знает? — вдруг завтра она станет любить какого-нибудь санитара леса в обличии завербованного СП люберa или там шурави, проливавшего кровь за красивое — за нее, например,— а те, кто не шурави или, допустим, с хайром до попы, или что угодно еще в его представлении о Прекрасном категорически не входит... И тогда моя Магнолия тормознет расправу, припомнив вдруг песню «Айн-цвай-д'гай» и вишневые глаза Бульвара. Собаку так зовут, Петлюра подобрал — ясное дело, где. Классическая, надо сказать, дворняга.

Здесь все по-честному, как у тех 20%: если ночью здесь пьют портвейн, то днем, отсыпаясь, им поят клопов.

УТИЛЬЩИК

Вот и Петлюра: «Что не нужно вам — все несите мне»... Старые, никому не нужные вещи (а что есть его коллекция, как не потерявшие своего прикладного значения шмотки, если рассуждать здраво?), старые, никому не нужные и вполне уже идиотские картины; опять

ПарКультуры

же — старый, никому не нужный дом, который и снести-то грозятся со дня на день, а Петлюра и его «команда» на три месяца обустраивают его под оттяг: под «дискотеки», музей, стрелки, выгребают дерьмо с первого, «концертного» этажа, в закутке рядом с «залом» в баре (...) развешивают поразившие мое воображение десять тусклых цветных лампочек — и эта пыльная гирлянда оказывается не чем иным, как цветомузыкой, предынфарктно подрагивающей в такт Брониным песням. «Не-е-т, Петлюра классный, он добрый та-акой. Другой бы захапал себе весь этот дом под мастерскую, и никого бы больше не пустил, и фирму́ бы водил,— а она за ним кругами ходит,— и продал бы давно всю свою коллекцию за х... тучу СКВ»,— говорит элегантная девушка, которая знает, что говорит, и я ей верю.

Действительно, утильщик: старье, тряпки, картинки, картонки, старый дом с новыми машинами у подъезда и душистой публикой внутри, с красками и кисточками повсюду — здесь все рисуют, кому не лень (и больше остального мне понравились белые санитарские носилки на полу в каком-то закуте, разрисованные огуречками-человечками),— Петлюра, получалось, наполняет смыслом смысл утерявшее. При всей кажущейся бессмысленности его действий. Задачка-то для «интеллектуала европейского масштаба»,— как определял себя один довольно безграмотный человек из числа моих знакомых. Ведь даже Броня и ее Владимир Ильич оказались в музее — коллекции Петлюры именно как утиль: когда уже никому не нужны, никому и незачем, оказались — «и засверкали в высоте, на радость нам и восхищенье вам!» (Из новогоднего поздравления на Кремлевской елке.)

В принципе можно было бы сейчас «в духе времени» распрячься о социальной бездомности Петлюры и его коллекции: мол, помещение нужно, потому что, к сожалению, из этих платьев не сделаешь гербарий, не переложишь папиросной бумагой, не спрячешь в столе; мол, он уже раз хотел все это дело сжечь — удержал всеобщий неподдельный ужас; мол, продаст ведь в конце концов фирмачам и все; мол, был вот у нас уже один такой «помоешник», Саня Васильев, свалил в Париж, теперь вот лекции читает по всему миру, известный коллекционер, в Союз вот наведался — тоже учить стал, как надо, а как не след; мол, Петлюра на самом-то деле — кладезь для киношников и театральных людей, мол, каталог бы издать, и эта коллекция костюмов поработала бы еще, да как поработала бы: с Брониным вдохновением, вот как. А это немало.

Но расписывать все это в жгучих призывах остановиться, оглянуться — занятие бессмысленное, я же понимаю, когда в утиль сдана страна,— не до драненьких пуантов в музее костюма Саши Ляшенко.

P. S. Милый Петлюра, если что не совсем так, не огорчайся: все равно 7 из 10, прочитавших о тебе, в итоге будет мучить один вопрос: почему «ПЕТЛЮРА»?

P. P. S. Творческое объединение «Белая Река» благодарит Свердловский исполком, 17 о/м г. Москвы, депутатскую группу № 2 и лично Лазареву Татьяну Филипповну, а также жителей микрорайона за моральную поддержку и возможность работать.

БАЛАЛАЙКИ В ЕВРОПЕ

В один из весенних дней на улице западногерманского (впрочем, теперь просто германского) города Фрейбурга раздались развеселые звуки гармошек и балалаек... «Русиш, русиш!» Русские музыканты на улицах Европы? И сюда добрались... Кто они? И как?

Кончился импровизированный концерт, и в футляре от балалайки зазвенели марки и пфенниги... Но, поверьте, не за деньгами приехали сюда эти ребята. Группа из девяти человек — фольклорная студия из Ленинграда под руководством Александра Ромодина. Здесь они в гостях у немецких друзей — по совершенно частным приглашениям. Как получали паспорта, доставали билеты — особый остросюжетный рассказ. Валюты, понятно, ни цента. Ни воды попить, ни в туалет сходить...

На концерты, которые прошли в Лёрахе, Брайзахе и Фрейбурге, ехали на машинах, держа на коленях драгоценные инструменты и костюмы. Мне удалось побывать только на одном выступлении. В очень уютном зале человек на сто шагу нельзя было ступить. Музыка и настроение — это понятно и без языка. А потом был чудный теплый дружеский вечер с цыганскими романсами, танцами и душевными разговорами, для которых тоже, оказы-

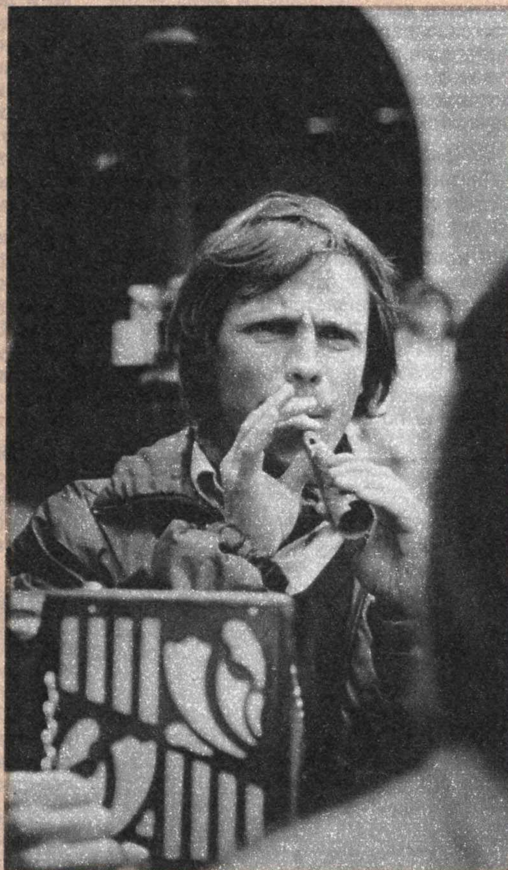

вается, необязательно знать много немецких слов. Во Фрейбурге в университете они прочитали лекцию о русском фольклоре, сделали студийную запись, правда, за нее пришлось целиком отдать выручку от одного концерта. Кто-то из профессионалов может сказать: могли бы такие «бабки» сделать! Но не за этим они сюда ехали. Им очень хочется посмотреть мир, а главное — показать настоящий, не экспортно-матрешечный, русский фольклор.

И хотя многих музыкантов после поездки на работе и в институте уже ждали строгие выговоры, я уверен, они еще споют и сыграют на европейской сцене. Или по крайней мере на европейских улицах...

Юрий ФЕКЛИСТОВ
Фото автора

Наша пропаганда и публицистика еще долгое время после войны нередко пробавлялись избитыми штампами типа «бесноватый фюрер», «колченогий уродец» и тому подобными карикатурными клише, изображая преступных нацистских главарей сплошными физическими и умственными ублюдками. Однако они отнюдь не были столь примитивны и однозначны. Враг был не только опытен и силен, но и коварен, хитер, изворотлив, достаточно умен и весьма изощрен.

Об этом свидетельствуют и публикуемые ниже дневниковые записи Йозефа Геббельса, охватывающие временной отрезок от октября 1939 года до июля 1941 года. Они интересны тем, что в них раскрываются скрытая от постороннего глаза и не предназначенная для огласки нацистская политическая, военная и идеологическая «кухня» второй мировой войны и агрессии против Советского Союза, методы и провокационные приемы фашистской пропаганды, которой Геббельс командовал в течение многих лет в качестве ее имперского министра.

Судьба сурово покарала этого циничного преступника против мира и человечности. Будучи назначен по завещанию Гитлера рейхсканцлером уже рухнувшего рейха, он после неудавшейся попытки избежать безоговорочной капитуляции Германии, в страхе перед неотвратимым возмездием, 1 мая 1945 года, в окруженной советскими войсками Имперской канцелярии, вместе с женой Магдой покончил жизнь самоубийством, первоначально уколом яда умертвив своих шестерых малолетних детей.

Наедине с самим собой ему, очевидно, не было нужды хитрить, лицемерить и лгать, а потому из его записей читатель узнает много доселе неизвестного и потаенного. Они — документ, расширяющий наше представление о событиях, предопределивших ход истории.

Мы сознательно воздерживаемся от комментирования, доверяя политическому чутью, историческому сознанию, интеллектуальному уровню да и просто здравому смыслу сегодняшнего читателя, который, по нашему мнению, в состоянии сам разобраться, где — пусть и горькая — правда, а где заведомый вымысел и клевета.

Фрагменты даются выборочно и с сокращениями, вызванными объемом журнальной публикации. Публикуются по книге «Дневники Йозефа Геббельса. Все наличествующие фрагменты». Изданы Эльке Фрёлих по поручению Института современной истории в контакте с Федеральным архивом ФРГ. Часть I. Записи 1924—1941 гг. Том 3-й: 1.1.1937 г.— 31.12.1939 г.; том 4-й: 1.1.1940.—8.7.1941 г. Издательство К. Г. Заур, Мюнхен — Нью-Йорк — Лондон — Париж. 1987 г.

В более полном виде дневники Геббельса будут напечатаны в готовящемся Издательством политической литературы сборнике «Вторая мировая война — глазами противника. Свидетельства и признания». Отрывки из этой публикации мы предлагаем сегодня читателю.

ЙОЗЕФ ГЕББЕЛЬС: «ВОЙНА — НАЧАЛО ВСЕХ НАЧАЛ»

ИЗ ДНЕВНИКОВ

12 октября 1939 г. (Четверг)

Москва присоединяет Вильно к Литве в благодарность за отказ от суверенитета. А добропорядочные литовцы вывешивают по этому поводу флаги.

22 октября 1939 г. (Воскресенье)

Договор Анкара — Лондон — Париж — крупная тема для разговора во всем мире. В инспирированной Сталиным статье, помещенной в «Известиях», Анкара ставится на место и еще раз совершенно четко подчеркивается германо-советская дружба. Для нас — исключительно ценно.

27 октября 1939 г. (Пятница)

Фюрер готовит войну (против Запада). Он очень серьезен. Весь в работе и заботах. Русские в крайне резкой ноте ставят английских политиков на место. Это срывает с англичан маску. Нота эта нам весьма кстати. Мы добросовестно используем ее. В Берлин для торговых переговоров прибыла русская делегация. В Москве мы заключили договор о поставке нам 1 миллиона тонн фуражной пшеницы. Это большой человеческий, а также и деловой успех.

3 ноября 1939 г. (Пятница)

Англичане никак не могут избавиться от иллюзии, что Москва — на их стороне.

9 ноября 1939 г. (Четверг)

Коминтерн в довольно нахальном воззвании обращается к пролетарским массам с призывом бороться против «ведущей войну буржуазии». Все еще та же старая песня. Иногда от совместных действий с Москвой становится как-то не по себе.

11 ноября 1939 г. (Суббота)

Вчера: у фюрера. Русская армия большой ценности пока не имеет. Плохо руководима и еще хуже оснащена и вооружена. Нам ее помощь оружием не нужна. Хорошо только то, что нам не надо вести войну на два фронта.

14 ноября 1939 г. (Вторник)

У фюрера. Он вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Ее едва ли можно использовать для боевых действий. Отсюда, видно, и такое упорство финнов. Вероятно, и уровень интеллигентности среднего русского тоже препятствует современному вооружению. В России, как и повсюду, где-нибудь в другом месте, централизм как отец бюрократии является врагом всякого развития личности. Там нет больше никакой частной инициативы. Отсюда и крестьяне, которые только и делают, что лодырничают. Затем невозделанные поля пришлось снова объединить в своего рода государственные домены. То же самое происходит и в промышленности. Тот же самый порок оказывает свое воздействие на всю страну и делает ее неспособной правильно применить все ее силы. Хорошенького же союзника мы себе выискали!

28 ноября 1939 г. (Вторник)

Конфликт Москва — Финляндия сложен. Большевики утверждают, что финны включили в свой состав их территорию. Ха-ха-ха! С этим они связывают сформулированный с некоторыми оговорками ультиматум об отводе финских войск на 15 километров от границы. Финны упираются.

3 декабря 1939 г. (Воскресенье)

Москва массированно наступает на Финляндию. Бомбы падают на Хельсинки. Театр с коммунистическим контрправительством. Мировая совесть негодует.

22 декабря 1939 г. (Пятница)

Сталин отмечает свое 60-летие. Фюрер поздравляет его телеграммой. Краткие статьи в германской печати. Своего рода танец меж разложенных яиц. Слабые бои между русскими и финнами. Русские продвигаются вперед лишь медленно. Но, кажется, они все-таки своего добьются.

29 декабря 1939 г. (Пятница)

Вопрос о России весьма интересует фюрера. Сталин — типичный азиат-русский. Большевизм уничтожил в России западноевропейский руководящий слой. Он один был в состоянии сделать этот гигантский колосс способным действовать. Хорошо, что этого сегодня уже нет. Россия останется Россией, кто бы ею ни правил. Мы можем радоваться, что у Москвы руки заняты. Распространения большевизма на Западную Европу мы сумеем не допустить.

19 января 1940 г. (Пятница)

Русские совсем застряли в Финляндии при этих сибирских морозах. Второго фронта в обозримое время бояться не приходится.

22 января 1940 г. (Понедельник)

Московская пресса оказывает нам великолепную помощь в борьбе против Лондона. По всей видимости, русские находятся в отчаянном положении.

23 января 1940 г. (Вторник)

Финская кампания, а особенно наблюдающиеся до сих пор неудачи навредили России.

14 марта 1940 г. (Четверг)

Вчера: мир Россия — Финляндия подписан. Финляндии пришлось понести страшный ущерб, она вышла из этой истории с хорошим синяком под глазом. Для нас — большая дипломатическая победа. В Лондоне и Париже словно оцепенели. У нас великолепная пресса, и мы хорошо используем это. Нанесем такой удар, что только пух и перья полетят.

У фюрера. Там находится Колин Росс. Очень симпатичный человек. Россию Росс рисует как просто безотрад-

ную страну. Нигде ни улыбки, ни радости. Несмотря на это, Сталин пользуется популярностью. Ведь он — единственная надежда. Наследник Петра Великого. Представитель панславизма. Вероятно, мы, германцы, никогда не поймем этих славян. Сталин для русских — папаша. А то, что он, как заботливый садовник, отрезает слишком разросшиеся ветки, то есть ликвидирует генералов и журналистов, это заложено в самой сущности большевизма.

Не ликвидирует ли Сталин постепенно и евреев? Вероятно, он только для того, чтобы ввести в заблуждение весь мир, называет их троцкистами. Кто знает? Во всяком случае, мы с Россией — союзники. До сих пор мы имели от этого только выгоду. Фюрер видел Сталина в одном кинофильме, и тот сразу стал ему симпатичен. Тогда, собственно, и началась германо-советская коалиция.

16 марта 1940 г. (Суббота)

Что нам за дело в конечном счете, каков социальный и культурный уровень московского большевизма! Но таким образом мы имеем войну только на одном фронте. Мы хотим сделать Германию сильной и великой, а вовсе не преследовать утопические планы улучшения мира.

10 мая 1940 г. (Суббота)

Фюрер отдает приказ по войскам Западного фронта: час пробил. Эта борьба — решающая для всей тысячелетней германской истории. Исполните свой долг! Таким образом, решение принято. Напряжение разрядилось. Теперь все мы испытываем чувство обеспеченного покоя и выполняем свои задачи. Боже, храни фюрера и народ! Я по горло в работе. Теперь по крайней мере стоит потрудиться. Есть цель, есть задача.

16 мая 1940 г. (Четверг)

Вчера: предыдущей ночью приходят сообщения о просто непредставимых победах. Голландская армия полностью капитулировала.

19 мая 1940 г. (Воскресенье)

Известие из штаб-квартиры фюрера: все идет хорошо, даже более чем хорошо, просто блестяще. Фюрер сам лично руководит всеми операциями. Он стоит на вахте и не упускает ни одного благоприятного случая. Господину Вейгану придется узреть невиданное чудо. Настроение в Париже и Лондоне все больше падает. Его можно охарактеризовать как своего рода фаталистическую безнадежность. А у нас в стране все великолепно. Народ преисполнен абсолютной и неограниченной веры в победу. Битва близится к своей кульминационной точке.

23 мая 1940 г. (Четверг)

Англия потребовала в Москве ограничения германо-русской торговли. Получила заслуженный твердый отпор. Тяжелые времена для Альбиона.

24 мая 1940 г. (Пятница)

Я усиливаю деятельность наших тайных радиопередатчиков. Распускаю слухи о мире, а потом через сутки сам опровергаю их, заявляя, что он торпедирован Англией. Это должно постоянно действовать французам на нервы. Впрочем, эти слухи уже проникли в прессу нейтральных стран. Оно и хорошо. Сумятица может быть нам только полезна.

1 июня 1940 г. (Суббота)

Вчера: сообщение из Москвы. Там не особенно-то расхваливают наши успехи, чтобы в связи с финской кампанией не выглядеть слишком жалкими. В остальном же никакого омрачения (германо-русских) отношений констатировать нельзя. Сталин твердо остается с нами, несмотря на все лондонские соблазны. Однако определенная партийная бюрократия нас терпеть не может.

2 июня 1940 г. (Воскресенье)

Мы понесли все же большие потери. Но эта война должна принести решение, ибо иначе все наши жертвы напрасны. Европа должна наконец обрести покой, сделать же она это сможет только тогда, когда ею будет руководить самая могучая нация, а это — мы. Значит, надо стиснуть зубы и идти до конца.

6 июня 1940 г. (Предположительно)

Фюрер высоко возвышается над всеми нами. Он — исторический гений. Какое великое время, какое счастье тоже трудиться в это время! А затем должен наступить великий покой, о котором все мы мечтаем, а фюрер, верно,— еще больше, чем все мы. Тогда мы построим новую Европу. После войны покончим со всеми евреями. А церквам беспощадно и ясно дадим понять: в государстве есть только один авторитет, от которого исходит любой авторитет вообще: это — само государство.

9 июня 1940 г. (Воскресенье)

Вчера: ситуация во Франции обостряется и становится все драматичнее. Наше наступление после прорыва уже далеко оставило линию Вейгана. Во Франции впервые заговорили о мире.

15 июня 1940 г. (Суббота)

Литовский ответ Москву не удовлетворяет. Русские вступают в Литву. Свержение кабинета в Ковно (Каунас.— *Пер.*). В Прибалтике шум продолжается. Такое впечатление, что Москва хочет сделать там tabula rasa*. Самое умное, что она сейчас может сделать.

17 июня 1940 г. (Понедельник)

Вчера: литовские министры и президент бежали через германскую границу. Деликатное дело, к которому мы относимся весьма тактично.

Москва предъявила Латвии и Эстонии такие же ультиматумы, как и Литве. Ответа пока нет.

18 июня 1940 г. (Вторник)

Вчера: Латвия и Эстония принимают московские ультиматумы.

20 июня 1940 г. (Четверг)

В Ковно новый премьер-министр пресмыкается перед красными.

22 июня 1940 г. (Суббота)

Вчера: в 15.30 начинаются переговоры в Компьене. В том же вагоне-салоне, в котором в 1918 году Германия была так унижена. Фюрер лично руководит переговорами самим фактом своего присутствия. Кейтель (тогда — генерал-полковник, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта — ОКВ.— *Пер.*) зачитывает преамбулу к германским условиям. Никакая месть, никакая ненависть не руководят нами. Условия должны диктоваться исключительно германской безопасностью и определяться тем фактом, что Франция не смеет и не может больше поддерживать Англию в борьбе против Германии. Затем фюрер покидает вагон-салон.

Фюрер подробно рисует мне всю эту сцену: французская сторона была потрясена, вдруг увидев его перед собой. Он не произнес ни слова. Ситуация была совершенно драматическая. Большой камень, триумфальный памятник и вагон-салон будут доставлены в Берлин. Итак, позор смыт. Чувствуешь себя словно на свет народившимся. После переговоров в Компьене французская миссия должна отправиться в Рим. Задача у нее незавидная. Но таков Суд божий, который свершается здесь во имя ближайшей исторической судьбы.

23 июня 1940 г. (Воскресенье)

Вчера: переговоры в Компьене все еще ведутся. Французы очень упорны и действуют чрезвычайно ловко. Утверждают, что могут принять все наши условия, но никак не итальянцев, которые действительно весьма ненасытны. Муссолини пожелал в Мюнхене, чтобы фюрер представлял и их. Но фюрер от этого отказался. Пусть господа итальянцы делают это сами. И прежде всего пусть воюют, а не только требуют. Они просто губят нам все дело. Их престиж в нашем народе упал до нуля. Потому что они ничего не делают, а все боевое перекладывают на нас. Это весьма мало восхищает фюрера. У нас желают такого же храброго союзника, какими являются французы. Они же, как нарочно, истекают кровью за таких подонков, как англичане.

24 июня 1940 г. (Понедельник)

Вчера: русские еще сильнее опровергают приписываемую им попытку проведения враждебной Германии политики. Это производит глубокое впечатление.

25 июня 1940 г. (Вторник)

Сталин сообщает Шуленбургу, что намерен действовать против Румынии. Это противоречит нашей договоренности. Посмотрим.

26 июня 1940 г. (Среда)

Москва действует в Бухаресте очень энергично. Румыния просит нас быть снисходительными и пытается привлечь Россию на свою сторону. Но ей вряд ли повезет.

29 июня 1940 г. (Суббота)

Румыния уступила Москве. Бессарабия и Северная Буковина отойдут России. Для нас это что угодно, но только никак не приятное дело. Русские используют ситуацию.

5 июля 1940 г. (Пятница)

Славизм распространяется по всем Балканам. Россия использует момент.

16 июля 1940 г. (Четверг)

В народе царит некоторое беспокойство насчет России. Но мы не даем никакого успокоительного опровержения. Это хорошо, что народ и дальше остается в некотором напряжении.

17 июля 1940 г. (Среда)

Русские продолжают стягивать войска. Мы — не менее. Король Кароль желает германской военной оккупации. Страх перед Москвой.

19 июля 1940 г. (Пятница)

Русские стали довольно дерзкими. Молотов не принял Шуленбурга. Но сегодня нам еще от этого никакого вреда нет.

20 июля 1940 г. (Суббота)

Вчера: напряженность во всем мире растет. Распространяются самые дикие слухи о намерениях фюрера.

Поездка на заседание в рейхстаг через бесконечные толпы народных масс. Великий час! Чиано тоже там. Заседание открывает Геринг. Говорит фюрер. Изложение обстановки и описание хода войны. Высокая оценка военных свершений, 12 новых фельдмаршалов. Геринг произведен в рейхсмаршалы и получает Большой крест к Железному кресту. Он действительно заслужил это. Названо несколько имен: Гесс, Риббентроп и я. Гордая радость. Сильное подчеркивание нашей дружбы с Италией и добрососедских отношений с Москвой. Призыв к Лондону с сильными драматическими акцентами. Теперь слово за Лондоном. Я не верю в мир. Сначала — война!

27 июля 1940 г. (Суббота)

Русские поставляют нам даже больше, чем мы хотим иметь. Сталин не жалеет труда нравиться нам. У него, верно, достаточно причин для этого.

Рейхсминистр иностранных дел Риббентроп приветствует наркома иностранных дел Молотова во время приема в Берлине 12 ноября 1940 г.

* чистая доска (лат.).

В августе Москва получит кое-что с Финляндии.

30 июля 1940 г. (Вторник)
Распоряжение гауляйтерам: они должны не допускать вызывающих тревогу слухов насчет возможных действий против России.
Речь Молотова потрясла Лондон. Этого и следовало ожидать. Лопнул еще один мыльный пузырь.

9 августа 1940 г. (Пятница)
Мы говорим с фюрером о Прибалтийских государствах, в которых русские устанавливают свою террористическую диктатуру. Но нам нечего проявлять к ним сострадание, а без интеллигенции они для нас менее опасны.
Россия все же всегда останется нам далека. Мы констатируем это даже по московским еженедельным киножурналам. Необходимо установить между Москвой и нами непреодолимую стену. Ведь большевизм — это мировой враг № 1. Когда-нибудь мы тоже столкнемся с ним. Фюрер тоже считает так. Гиммлер сообщает о переселениях. Он уже добился в этом многого, ибо мы должны заселить пустынные пространства на Востоке.

15 августа 1940 г. (Четверг)
Русская армия упраздняет политических комиссаров. Сталин отказывается от большевистских абсурдностей. Мы перебрасываем огромное количество дивизий на Восток. Обоснование: небезопасность их пребывания на Западе из-за воздушных налетов. Действуем по принципу: осторожность прежде всего.

16 августа 1940 г. (Пятница)
В России точка зрения «быть хозяином в собственном доме» снова пробилась в отношении промышленности. Совершенно твердо — в армии. Большевизм постепенно отбрасывает то, что в нем есть большевистского. Фильм о красной спортивной Олимпиаде. Он хорош. Показывает живое и жизнерадостное лицо России. Другое лицо большевизма, крупные организаторские дела. Большевизм всегда будет оставаться загадкой для нас.

22 августа 1940 г. (Четверг)
Покушение на Троцкого в Мексике. Тяжело ранен. Этого дьявола не жалко. Я еще раз запретил печатать в германской прессе дружественные к России статьи. Русские снова ведут себя бесстыдно. Троцкий умер. Одной преступной еврейской свиньей меньше. Он заслужил куда худшей смерти.

24 августа 1940 г. (Суббота)
Мы постепенно делаем наш народ освоившимся с мыслью о второй военной зиме. Это лучше всего, а если она не наступит, легко будет переиграть. Наоборот же — куда сложней. Я запрещаю всякое заискивание перед Россией. Москва в настоящий момент настроена весьма экспансионистски. Правда, красные газеты помещают статьи с воспоминаниями о заключенном год назад германо-русском соглашении. Но ведь это делаем и мы. Обергруппенфюрер (СС) Лоренц доносит из Москвы. Он совершенно восхищен. Хвалит чистоту, порядок и дисциплину в Москве. Я в это не верю. Во всяком случае, финская война показала обратное. Итак, не попадаться на удочку потемкинских деревень. Тут я очень сдержан и германская пресса тоже. Ведь однажды нам все-таки придется разделаться с Россией.

5 сентября 1940 г. (Четверг)
Трения с Москвой из-за Румынии и Мемеля (Клайпеда.— ***Пер.***), частично нашедшие отражение в русских протестах, которые мы отклоняем.

13 сентября 1940 г. (Пятница)
Небольшой конфликт с Москвой. Мы отстаем со своими поставками. Торговые переговоры прерваны.

15 сентября 1940 г. (Воскресенье)
Москва ведет себя довольно нагло. Шуленбург собственной персоной приезжает в Берлин, чтобы сообщить об этом.

19 сентября 1940 г. (Четверг)
Короткое секретное заявление Москве. Должно быть направлено против Англии. Фюрер решил не предоставлять России больше ни одной европейской области.

20 сентября 1940 г. (Пятница)
Риббентроп повсюду садится между двух стульев. Если он и во внешней политике оперирует столь же гениально, как во внутренней, то я смотрю на это мрачно!

1 октября 1940 г. (Вторник)
Сталин публикует в «Правде» заявление насчет пакта Трех держав. Весьма позитивное. Мол, Россия была заранее ориентирована и никаких опасений не имеет. Это выбивает оружие из рук плутократов, которые спекулятивно рассчитывали на помощь большевизма. Заявление Сталина воспринято фюрером с удовлетворением. Оно помогает нам продвинуться еще немного вперед.

17 октября 1940 г. (Четверг)
Москва публикует наглое опровержение по румынскому вопросу. Она, мол, не приняла своевременного участия и т. п.
В США твердо говорят о вступлении русских войск в Румынию. Но это неумно. На это Москва никогда не отважится.

24 октября 1940 г. (Четверг)
Москва и Токио намерены прийти к согласию на базе договора о ненападении.

1 ноября 1940 г. (Пятница)
Страшные сообщения из Лондона, но англичане — народ упорный. Они еще продержатся. Фюрер будет атаковать их до тех пор, пока они не окажутся разгромленными и повергнутыми наземь. Когда это произойдет, не знает никто. Но цель ясна. Они должны окончательно убраться из Европы. И здесь им не найти своей континентальной шпаги. Россия? Для этого Сталин слишком хитер. А наш вермахт слишком силен. Сталин же хочет что-нибудь заработать на этом деле, но отнюдь не идти на неопределенный риск. К румынским нефтяным промыслам мы не подпустим никого.

9 ноября 1940 г. (Суббота)
Вчера: умер Чемберлен. Морально и физически сломался под тяжестью наших ударов. А ведь хотел увидеть конец фюрера и его рейха!
Готовится визит Молотова. Но я лично буду держаться несколько на втором плане. Визит вызывает величайший интерес во всем мире.

13 ноября 1940 г. (Среда)
Вчера: Молотов прибыл в Берлин под проливным дождем. Холодный прием.

14 ноября 1940 г. (Четверг)
Вчера: утром — завтрак у фюрера в честь Молотова. В узком кругу. Молотов производит впечатление умного, с твердым характером человека, но слишком застегнутого на все пуговицы. Лицо восковой желтизны. Из него почти ничего не вытянешь. Слушает внимательно, но не более того. Молотов — своего рода форпост Сталина, от которого все и зависит. Впрочем, Россия находится в исключительно благоприятном положении, с которым она вряд ли захочет расстаться. Сопровождающие Молотова лица более чем посредственны. Ни одной личности большого формата. Словно они хотели во что бы то ни стало подтвердить наши теоретические представления насчет сущности большевистских масс. На их лицах был написан страх друг перед другом и комплекс неполноценности. Даже невинная беседа с ними почти полностью исключена. ГПУ бдит! Это ужасно. В этом мире человеческая жизнь не имеет жизненной ценности. Совместные с Россией действия и в будущем должны определяться политическими целесообразностями. Чем больше мы политически сближаемся, тем больше будем становиться чуждыми идейно и по своему мировоззрению. И это хорошо.

15 ноября 1940 г. (Пятница)
Молотов уехал. «Достигнуто соглашение по всем интересующим вопросам». Холодный душ для лондонских друзей Советов. Все дальнейшее зависит от Сталина. Его решение пока еще заставляет себя ждать.
Греки сражаются уже на албанской земле. Они сделали из итальянцев котлету. Досадный срам для всех нас.

12 декабря 1940 г. (Среда)
Фюрер выступает перед гауляйтерами: войну в военном отношении можно считать выигранной. Англия изолирована, под нашими ударами она все больше и больше приближается к своему падению. Как в прошлом году фюрер предсказал крах Франции, так сейчас он предсказывает крах Англии. Он и теперь согласился бы на мир на приемлемой основе. И при этом он никак не хотел войны. Вторжение на Британские острова пока не планируется. Он испытывает боязнь перед водой. К тому же неохотно идет на рискованные эксперименты, если можно обойтись без них. Он хочет избежать больших потерь. Это хорошо и правильно. Самые резкие слова против итальянцев в связи с их греческой операцией. Он же предупреждал, хотел еще раз предостеречь во Флоренции, но было уже поздно. Все плохо подготовлено. А в итоге — гигантская потеря престижа. И в Египте положение тоже гадкое. Итальянская армия полностью обанкротилась.

12 января 1941 г. (Воскресенье)
Вчера: Москва в опровержении ТАСС насчет Румынии действует против нас. Но это вряд ли следует принимать всерьез. Во всяком случае, в вопросе о Румынии мы должны, учитывая позицию Москвы, а также Антонеску, оперировать весьма осторожно.

5 марта 1941 г. (Среда)
Вчера: Москва публикует наглое коммюнике: занятие Болгарии усиливает опасность войны, и поэтому Россия больше не может поддерживать политику Софии. На мой взгляд, это бумажный выстрел в воздух. Мы даже на это никак не реагируем. Лондон подает это как наше гигантское поражение. Уже вскоре будет забыто. Решают не коммюнике, а реальности. Несмотря на это, мы должны Москвы остерегаться.

25 марта 1941 г. (Вторник)
Вчера: Мацуока принят в Москве весьма дружественно. Даже демонстративно. Но я большевикам больше не доверяю.

26 марта 1941 г.
Вчера: Мацуока принят Сталиным. Отношения Москва — Токио начинают проясняться. Москва публикует коммюнике о том, что Россия в случае борьбы за территорию Турции не ударит ей в тыл. Бумага! Там видно будет.

28 марта 1941 г. (Пятница)
Вчера: на первом плане стоит визит Мацуоки (в Берлин). Лондон слегка огорчен. В Югославии происходит государственный переворот. Принц-регент Павел и Светкович свергнуты. Образовано правительство во главе с 17-летним королем. Невероятная неразбериха. Черчилль приветствует эту акцию восторженной речью. Но ничего в точности неизвестно. Следовательно — выжидать.

29 марта 1941 г. (Суббота)
Крупная же операция последует позже против Р. (Здесь и далее буквой Р. обозначена Россия.— ***Пер.***) Она будет тщательно замаскирована, только самые немногие знают о том. Начало ей будет положено переброской войск на Запад. Мы направим подозрение куда угодно, но только не на Восток. Будет подготовлена ложная операция против Англии, а затем все будет внезапно отменено и дело пойдет молниеносно. Украина — прекрасная житница. А окажемся там, сможем выдержать еще долго.
Тогда вопрос с Балканами и Востоком будет решен. Психологически все это дело имеет свои трудности. Параллель с Наполеоном и т. д. Но мы это легко преодолеем посредством антибольшевизма. Тогда станет ясен также вопрос о Прибалтийских государствах и Финляндии. Поначалу объектом нашей пропаганды будут они, а затем русское крестьянство. Мы покажем все наше мастерство. Главное — чтобы это началось. Нас ожидают огромные победы. А потому надо сохранять нервы и не терять трезвой головы. И все тщательно подготовить.

10 апреля 1941 г. (Четверг)
Вчера: Салоники в наших руках. Македонская армия греков после упорного сопротивления капитулирует. Линия Метаксаса прорвана. Неописуемый успех. Какая у нас великолепная армия! Великий день! Можно начищать фанфары на радио.
К США мы теперь не питаем слишком большого уважения. Тамошним евреям импонирует только развертывание силы. Москва тоже держится теперь в стороне. Никто не хочет угодить на линию нашего огня. И это — самое лучшее.

14 апреля 1941 г. (Понедельник)
Большая сенсация: русско-японский договор о дружбе и ненападении. Взаимная гарантия Маньчжурии и Монголии. Сталин и Молотов провожают Мацуоку на вокзале. Сталин обнимает германского военного атташе и при этом заявляет: Россия и Германия будут вместе идти к одной цели. Это великолепно и в настоящий момент должно быть отлично использовано нами. Мы уж постараемся с соответствующей силой звука донести это до всеобщего сведения. Как хорошо обладать силой! Сталин явно не имел охоты познакомиться с германскими танками. Сегодня для Англии — мрачный день. Рухнула одна из ее последних иллюзий. Это постепенно становится войной нервов. Я провел весь этот день в лихорадочном ощущении счастья. Какая Пасха! Какое воскресение из долгой зимней ночи!

15 апреля 1941 г. (Вторник)
Договор Москва — Токио у нас замечен лишь между делом и воспринят совсем не драматически. Согласно известным далеко идущим планам, это фюрера совершенно не устраивает. Сцена с военным атташе была им вообще не замечена. Но в остальном это дело психологически нам очень пригодится. На США оно произвело просто шоковое воздействие.
Пакт Москва — Токио все же является крупной сенсацией. Жаль, что мы не сможем выжать из этого большего.

20 апреля 1941 г. (Воскресенье)
Получено сообщение агентства Трансоцеан: в нем содержатся наши глубочайшие военные и дипломатические тайны. Я приказываю его немедленно уничтожить. Итак, наша маскировка против России немногого стоит. Сталин будет все знать. Мы сможем скрыть это только широкими контрмерами.

22 апреля 1941 г. (Вторник)
Вчера: статья в «Правде». Ничего против Германии там не имеют. Москва, говорится в статье, хочет мира и т. п. Значит, Сталин почуял, что уже запахло жареным, и машет пальмовой ветвью мира. Русская карта больше не бьет.

23 апреля 1941 г.
Японцы сообщают о Мацуоке и Сталине. Это кажется чисто азиатским братанием. Во всяком случае, Япония очень рада. Но мы все равно не дадим сбить себя с толку в наших мерах против Востока.

Публикация и перевод с немецкого Григория РУДОГО.

(Продолжение следует.)

КАК МЫ УХОДИЛИ ИЗ АНГОЛЫ

Сергей БОБКОВ

ЗАМЕТКИ ВОИНА-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТА

— Хватит хмуриться,
хватит злобиться,
Ворошить вороха былого;
Но когда по ночам бессонница —
Мне на память приходит снова...
А. Галич

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Надо сказать, что в Луанду я влюбился сразу и по уши еще в той первой, далекой командировке, когда и бывал в столице разве что наездами. Влюбился, несмотря на грязь и вонь городских улиц, разбитые витрины, опрокинутые фонарные столбы, затопленные подвалы недостроенных небоскребов и водяные феерии, происходившие в самых неожиданных местах по причине изуродованного водопровода.

Город умирал под торжественные звуки партийных гимнов и военных маршей, и я, совсем еще юный младший лейтенант, недавний выпускник курсов португальского языка при Военном институте, не знавший ни Оруэлла, ни Замятина, наблюдал, затаив дыхание, за рождением новой антиутопии на Юге Африки. Но вот в столице наступал вечер — и уже пахло не помойками, а акациями. Запрограммированные на долгие десятилетия фотореле зажигали огни реклам, город преображался, оживал до следующего утра, словно призрак. И тогда, не слишком напрягая воображение, я видел Луанду другой — с вымытыми набережными, потоками сверкающих в неоновом зареве лимузинов, шикарными витринами магазинов Кардена и Тиссо, видел бесшумно входящие в зеркальную бухту пассажирские суперлайнеры, красивых женщин, сидящих у столиков открытых ресторанов и кафе, и мулатов в белых штанах.

Объективности ради не мешает заметить, что феномен разлагавшегося колониализма действовал гнетуще не только на меня, морально не созревшего переводчика, но и на закаленных коммунистов-ленинцев с полковничьими, а то и генеральскими погонами на плечах. Советские военные советники (СВС) разъезжали в силу своей сугубо интернациональной деятельности по всей Анголе и, к немалому своему удивлению, постигали ту очевидную истину, что проклятые колонизаторы вместо того, чтобы грабить и разорять порабощенную страну, напротив, ее благоустраивали. Возводили в самой девственной глуши чудные города и рабочие поселки с фешенебельными отелями, с красивыми, не похожими друг на друга особняками, прокладывали сквозь непролазную сельву и дикую саванну первоклассные шоссейные дороги с безупречным покрытием, строили взлетно-посадочные полосы, приспособленные для приема самолетов различных типов.

Коль скоро я заговорил о таких таинственных категориях, как «интернациональная деятельность», то просто необходимо задержаться на содержании одной статьи, которую я прочел в газете «Красная звезда» года четыре назад. В той статье, отвечая на многочисленные вопросы читателей, заинтригованных завесой загадочности, окутывающей деятельность СВС за рубежом, уважаемый генерал из ГУКа* поведал в свете гласности о том, что, мол, для работы за границей в странах третьего мира отбираются самые лучшие и наиболее подготовленные специалисты из числа офицеров Советских Вооруженных Сил. И так далее в том же духе.

Насколько скрупулезно отбирали советников, я могу только догадываться, но наверняка знаю, что с партийностью там все в порядке и что в Анголу в результате попадали в большинстве своем люди случайные, не имевшие ни малейшего представления об истории, нравах, обычаях, языке страны пребывания, военно-политической обстановке и не вполне представлявшие, чем им, собственно, предстоит заниматься.

В контексте сказанного исключение традиционно составляли специалисты-техники, в основном прапорщики и младшие офицеры, круг обязанностей которых мало чем отличался от работ, выполняемых в Союзе. Все же карданный вал — он и в Африке карданный, к тому же ребята просто привыкли вкалывать. Кстати, именно благодаря им, а не иным советникам, исхитрявшимся в течение всей командировки не выдать ни одного дельного совета, в Анголе летали вертолеты, стреляли орудия, ездили танки и БТРы. Именно они и занимались делом, не только ремонтируя и обслуживая матчасть, но и обучая местный технический персонал. Советники же, если верить газетам вроде той же «Красной звезды» и руководящим документам, строили в НРА национальные вооруженные силы. Добавлю: по образу и подобию. И тут не обойтись без цифр и некоторых фактов.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Вплоть до победы «самой романтической революции XX века» в Португалии вооруженные силы метрополии в Анголе насчитывали приблизительно 40 тысяч человек и, имея в своем составе три полка, дислоцировавшихся в крупнейших городах (Луанда, Уамбо, Лубанго), и отдельные подразделения, включая специальные, фактически контролировали всю территорию страны. Управление ВС занимало небольшое трехэтажное здание в центре Луанды. Два помещения отводились соответственно ВМС и ВВС. В период наибольшего подъема партизанской войны, в начале 70-х годов, полностью обеспечивалась жизнедеятельность городов и промышленных центров, бесперебойно работала отлаженная до предела индустрия туризма. Но к апрелю 1974 года повстанческие отряды были заблокированы на Севере и Востоке, и МПЛА *, едва пережившая два внутренних кризиса, оказалась на грани катастрофы.

Не менее печальным выглядело состояние ангольских вооруженных сил спустя 15 лет. Численность их достигла рекордной для развивающейся страны отметки — 130 тысяч человек, и, несмотря на высокую техническую оснащенность, они сохраняли крайне низкую боеспособность, удерживая под своим контролем едва ли 40 процентов территории. Командно-бюрократические структуры ФАПЛА ** разрослись настолько, что занимали более десятка зданий в столице. Пышным цветом расцвела невиданная даже на африканском континенте коррупция.

Не знаю, у кого как, а у меня сами собой приходят в голову некоторые аналогии. В принципе я допускаю ту мысль, что хотели построить совсем не то, но, видимо, не получилось, да и не могло получиться, коль создавалось, повторяю, по образу и подобию непобедимой и легендарной.

О советских военных советниках можно рассказывать долго. Встречались ли среди них компетентные, ду-

Продолжение на стр. 26.

* Главное управление кадров Советской Армии.

* МПЛА — Народное движение за освобождение Анголы.
** ФАПЛА — Народные вооруженные силы освобождения Анголы.

Павел
КРИВЦОВ

Фото
автора

В составе небольшой группы фоторепортеров я посетил Англию. За три недели предстояло не только познакомиться с этой загадочной для многих из нас страной, но и отснять материал для совместной фотокниги британских и советских фотожурналистов с названием «Восток встречает Запад». Согласитесь, задача не из легких.

В основу изучения английской действительности был взят метод пристального и внимательного наблюдения, внутренний анализ увиденного. А дальше, как только представится возможность,— схватить на пленку такой момент из жизни британцев, который донес бы до вас, дорогие читатели и зрители, образ страны «туманного Альбиона».

Мне повезло! Я жил в английской семье. Хозяйка Пен и ее муж Фред окружили меня теплом и вни-

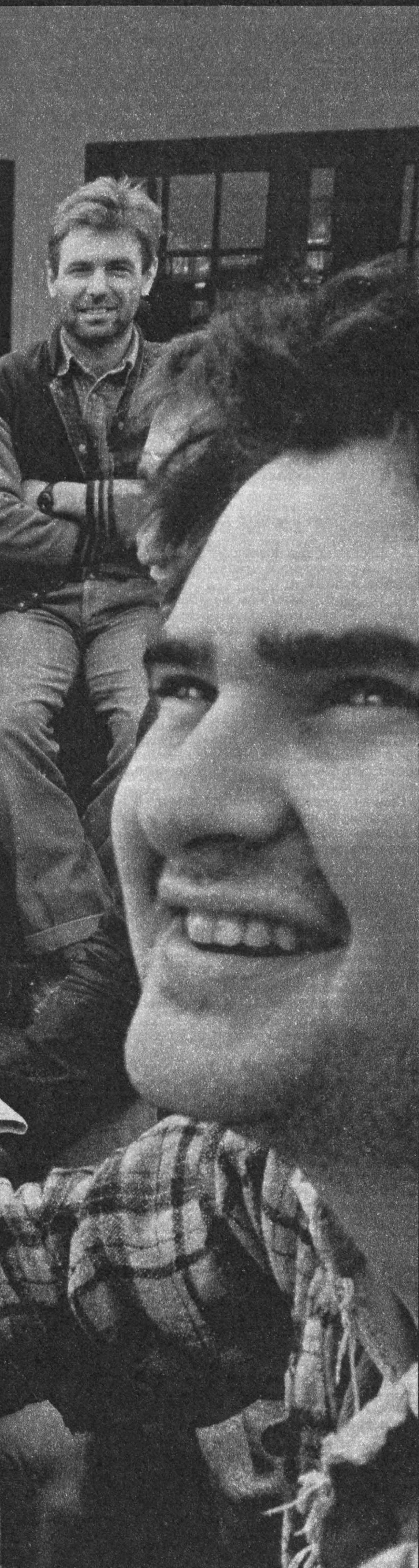

ДОБРАЯ СТАРАЯ
АНГЛИЯ

манием. Были и поездки по древнему Лондону, и к устью реки Темзы, и посещение Кембриджского университета, где училась Пен. А сколько впечатлений от посещения паломнического Малого Волсинхена, где у меня состоялась встреча с иконописцем Леоном и священником маленького православного храма Хиллом Норманом.

Дни пролетели незаметно. С радостным и светлым чувством к моим новым английским друзьям я покидал Англию. И мне представилась Британия красивым огромным замком с множеством больших и малых комнат. Я вошел только в первую...

На самой легкой лодке в мире вплыл в литературу Юрий Коваль. Правильно ли будет так сказать? Да нет, конечно. Детские его рассказы «Чистый дор», «Картофельная собака» и другие всегда были известны ценителям русской прозы. Но много ли их, ценителей музыкальной фразы, легкого прозаического дыхания, незамутненного конъюнктурой юмора, отстраненной от злобы дня философии? Верно, немного. Но дети есть у всех. А дети знали! «Приключения Васи Куролесова» и «Недопеска» если не по книге, то уж по фильмам — точно. «Самая легкая лодка в мире» — так называлась повесть Юрия Коваля, с которой началось другое — не окольное, не подпольное, а нормальное вхождение его прозы в обиход большой русской литературы. И хотя печаталась она в журнале «Пионер» (а после публикации железниковского «Чучела» это был, наверное, самый смелый поступок его тогдашнего редактора) — именно после этой публикации стало понятно, что пять, двадцать пять или сто страничек детской прозы могут быть намного дороже изданных «Совписом» или «Худлитом» многотомников. Юрий Коваль непохож на сегодняшнюю литературу. Дело даже не в стиле — в задаче, которую ставит перед собой художник. В задаче создания текста, свободного от любой заданности, схемы, идеологемы. Перед вами — новый неоконченный роман Юрия Коваля, вернее, главы из него. Новое путешествие по воде — такой бескрайней и прекрасной. Новая фантасмагория, а может быть, феерия, а может быть, другой какой-нибудь жанр, не открытый пока бдительными исследователями. Итак, в пергаменте, названном «Суер-Выер», действуют: великий Океан, старый фрегат «Лавр Георгиевич», капитан сэр Суер-Выер, мичман Хренов, старпом Пахомыч, лоцман Кацман, мадам Френкель и другие персонажи, включая мифических, фантастических и просто небывалых. Время и место действия — не выяснено. Выяснено только одно: читая Коваля, вы отправляетесь вместе с ним.

Борис МИНАЕВ

Юрий КОВАЛЬ

СУЕР-ВЫЕР

ПЕРГАМЕНТ

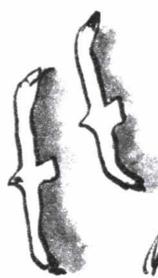

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

БЛУЖДАЮЩАЯ ПОДОШВА

Темный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

— Фок-стаксели травить налево! — раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов и тридцать три мозолистых подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в свое одеяло.

— Это становится навязчивым,— недовольно шепнул мне наш капитан сэр Суер-Выер.

— Совершенно с вами согласен, кэп. Невыносимо слушать этот шелест одеял.

— Шелест? — удивился капитан.— Я говорю про тридцать третью подошву. Никак не пойму, откуда она берется.

— Позвольте догадаться, сэр,— сказал лоцман Кацман.— Это одноногий призрак. Мы его подхватили на отдаленных островах вместе с хеймороем.

— Давно пора пересчитать подошвы,— проворчал старпом.— Похоже, у кого-то из матросов одна нога раздваивается.

— Эх, Пахомыч, Пахомыч,— засмеялся капитан.— Раздваиваются только личности.

— Но, извините, сэр,— заметил я.— Бывают на свете такие блуждающие подошвы. Возможно, это одна из них.

— Подошвы обычно блуждают парами,— встрял Кацман.— Левая и правая. А эта вообще не поймешь какая.

— Вероятно, она совмещает в себе левизну и правоту одновременно,— сказал я.— Такое бывает в среде подошв.

— Не знаю, зачем нам на «Лавре» блуждающая подошва,— сказал старпом.— Ничего не делает по хозяйству, только зорю и выбивает. Найду, нащекочу как следует и за борт выброшу!

— Попрошу ее не трогать,— сказал капитан.— Не так уж много на свете блуждающих подошв, которые охотно выбивают зорю. Если ей хочется, пускай выбивает.

По мудрому призыву капитана мы не трогали нашу блуждающую подошву и только слушали по утрам, как она выбивает зорю. Чем она занималась в другое время суток, мне неизвестно. Наверное, спала где-нибудь в клотике.

Боцман однажды наткнулся случайно на спящую блуждающую подошву, схватил ее и дал по шее подошвой зазевавшемуся матросу Веслоухову. Но потом аккуратно положил ее обратно в клотик.

ОСТРОВ ВАЛЕРЬЯН БОРИСЫЧЕЙ

— Остров Шампиньонов мы уже открыли,— сказал как-то Суер-Выер.— А ведь надо бы еще какой-нибудь открыть. Да вон, кстати, какой-то виднеется. Эй, Пахомыч! Суши весла и обрасопь там, что надо обрасопить!

— Надоело обрасопливать, сэр,— проворчал старпом,— обрасопливаешь, обрасопливаешь, а толку чуть.

— Давай, давай, обрасопливай без долгих разговоров!

Вскорости Пахомыч обрасопил, что надо, мы сели в шлюпку и поплыли к острову. На нем не было видно ни души. Песок, песок, да еще какие-то кочки, торчащие из песка.

— Ну это, конечно, обманные кочки,— сказал Суер.— Знаю я эти кочечки. Только подплывем, как из этих кочек вылезет черт знает что.

Шлюпка уткнулась носом в берег, и тут же кочечки зашевелились и каким-то образом нахлобучили на себя велюровые шляпы. Тут и стало ясно, что это не кочки, а человеческие головы в шляпах, которые торчат из пещерок.

Самая крупная шляпа заколебалась, и из пещерки вылез цельный человек. Сняв шляпу, он приветственно помахал ею и сказал:

— Добро пожаловать, дорогие Валерьян Борисычи!

Мы невольно переглянулись, только Суер поклонился и сказал:

— Здравствуйте, братья по разуму.

Шляпы в норках загудели, заздоровались:

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие Валерьян Борисычи!

А первый в крупной шляпе обнял Суера и расцеловал.

— Ну, как вы добрались до нас? — расспрашивал он.— Легко ли? Тяжело? Все ли Валерьян Борисычи здоровы?

— Слава Богу, здоровы,— кланялся Суер.

Меня всегда поражала догадливость капитана и его житейская мудрость. Но какого черта? Какие мы Валерьян Борисычи! Никакие мы не Валерьян Борисычи! Но спорить с туземцами не хотелось,

и я подумал: если капитан прикажет, мы все до единого дружно станем Валерьян Борисычами.

Между тем шляпа номер один продолжала махать когтистой лапой и весело лопотала:

— Мы так радуемся, когда на остров прибывает очередная партия Валерьян Борисычей, что просто не знаем, как выразить свое счастье!

— И мы тоже счастье выражаем,— сказал Суер и, обернувшись к нам, предложил: — Давайте, ребята, выразим свое счастье громкими кличами.

Мы не стали спорить с капитаном и издали несколько кличей, впрочем, вполне приличных. Кроме Пахомыча, который орал:

— Борисычи! А где же магарыч?

— Я надеюсь...— сказала шляпа номер один,— среди вас все истинные Валерьян Борисычи? Нет ни одного, скажем, Андриан или Мартемьян Борисыча? Не так ли?

— Ручаюсь,— сказал капитан, придирчиво осматривая нас.— Не так ли, хлопцы?

— Да, да, это так,— поддержали мы капитана.— Мы все неподдельные Валерьян Борисычи.

— Но мы маленькие Валерьян Борисычи,— влез в разговор лоцман Кацман,— небольшие Валерьян Борисычи, скромные.

Капитан недовольно поморщился. Лоцману следовало бы помолчать. Он сроду не бывал никаким Валерьян Борисычем, а как раз, напротив, по паспорту читался Борис Валерьяныч.

— Мы-то маленькие,— продолжал болтливый лоцман,— а вот он,— и лоцман указал на Суера,— он — величайший из Валерьян Борисычей мира!

Суер поклонился, и мы ударили в ладонь.

Самое, конечно, глупое, самое тупое заключалось в том, что я и вправду почувствовал себя Валерьян Борисычем и раскланивался на все стороны, как истинный Валерьян Борисыч.

— Дорогой Валерьян Борисыч,— сказал Суер, обращаясь к Главной шляпе,— позвольте и мне задать вопрос. Скажите, а вот эти люди, которые сидят в норках, все ли они истинные Валерьян Борисычи? Прошу говорить правду и только правду.

— Валерьян Борисыч, дорогой,— отвечала шляпа,— мы понимаем вашу бдительность и ответим на нее дружно, по-Валерьян-Борисычески. Эй, вэбы, отвечайте.

Тут Валерьян Борисычи зашевелились в норках и хотели было вылезать, но Главношляпый крикнул:

— Сидеть на месте! Кто выскочит — пуля в лоб! Начинайте.

И один носатый из ближайшей норы неожиданно и гнусаво запел:

О, океан!
О, тысячи
На небе дивных звезд!
Все Валерьян Борисычи
Имеют длинный хвост.

А хор из норок подхватил:

Имеют хвост, но он не прост,
Меж небом и землей он мост.

Гнусавое запевало выползло тем временем на второй куплет:

В душе изъян был высечен
На долгую науку.
Вам Валерьян Борисычи
Протягивают руку.

Все невольно отшатнулись, и даже Суер заметно побледнел. Он быстро оглядел нас и впер свои брови в меня.

— Валерьян Борисыч,— сказал он, похлопывая меня по плечу,— возьми руку друга из норы.

— Кэп, простите, меня тошнит.

Валерьян Борисычи в норках зашептались, заприметив наши пререкания.

— Иди, скотина, Валерьян Борисыч,— толкнул меня в спину Пахомыч.— Иди, а то меня пошлют.

СУТЬ ПЕСКА

В этот момент меня покинуло чувство, что я немного Валерьян Борисыч, но — подчинился капитану. Я уважал Суера, вам, впрочем, этого не понять.

Любезно гримасничая, как это сделал бы на моем месте истинный Валерьян Борисыч, корявой походкой я тронулся с места и пошел некоторым челночным зигзагом.

— Он просто стеснительный,— пояснил лоцман Кацман.— Но — истинный, хотя и мелковатый Валерьян Борисыч.

Подойдя к ближайшей кочке-шляпе, я схватил за руку какого-то Валерьян Борисыча и принялся трясть.

— Здорово, старый хрен Валера! — заорал я.— Ну, как ты тут? Все в норке сидишь? А мы тут плавали-плавали и на вас нарвались! Да ты сам-то хоть откуда? Я-то из Измайлова!

Схваченный мною Валерьян Борисыч тихо поскуливал.

— Ты с какого года? — орал я.

— С тридцать седьмого,— отвечал задерганный мною Валерьян Борисыч.

— А я с тридцать восьмого! Ты всего на год и старше, а вон какой бугай вымахал!

Валерьян Борисыч призадумался и наморщил лобик.

— Ты знаешь чего,— сказал он,— копай норку рядом со мной, мы ведь почти ровесники. К тому же я из Сокольников.

— Да! Да! Да! — закричал Главный Шляпоголовый.— Копайте все себе норки! Здесь очень хороший песочек, легко копается. И мы все будем дружно сидеть в норках.

И тут я подумал, что это неплохая идея, и мне давным-давно пора выкопать себе норку в теплом песке, и хватит вообще шляться по белу свету.

«Заведу себе велюровую шляпу,— думал я,— стану истинным Валерьян Борисычем, а там разберемся».— И я опустился на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

«В чем же суть этого песка? — напряженно думал я.— Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал.

Вдруг кто-то сильно дернул меня за шиворот и выволок из норы.

— Ты что делаешь, дубина? — сказал Суер, щипая меня повыше локтя.— Опомнись!

— Норку копаю, а вы разве не будете, кэп?

— Будем, но позднее.

— Позвольте, позвольте,— встрял Главный Шляподержатель,— откладывать копание не полагается. Копайте сразу.

Тут я заметил, что Валерьян Борисычи в норках надулись и смотрели на нас очень обиженно.

— Копайте норки, а то поздно будет,— приговаривали некоторые.

— Нам нужно вначале осмотреть достопримечательности,— отвечал Суер-Выер,— а уж потом будем копать.

— Какие еще достопримечательности? Здесь только песок да Валерьян Борисычи.

— А где же музей восточных культур? — спросил Суер.

— Мы его разграбили,— мрачно ответил Главный Валерьян Борисыч.— А вы, я вижу, не хотите норок копать! Бей их, ребята! Это поддельные Валерьян Борисычи! Их подослали Григорий Петровичи!

— Вот ведь хреновина,— устало сказал Суер.— Только приплываем на какой-нибудь остров — нас сразу начинают бить.

Головной Борисыч снял шляпу и метнул ее в капитана. Шляпа летела, вертясь и свища.

Капитан присел, и шляпа попала в лоцмана. Кацман рухнул, а шляпа, как бумеранг, вернулась к владельцу.

Все прочие Валерьян Борисычи засвистели поузбекски и стали принакручивать шляпами. Через миг несметное количество шляп загудело над нашими головами.

Волоча за собой, как чайку, подбитого лоцмана, мы отступили к шлюпке. Над нами завывали смертоносные шляпы.

Пахомыч изловчился, поймал одну за тулью, зажал ее между коленей, но шляпа вырвалась, схватила корзину с финиками, которая стояла на корме, и понеслась обратно на остров.

Эти финики спасли нам жизнь. Валерьян Борисычи, как только увидели финики, выскочили из норок. Они катались по песку, стараясь ухватить побольше фиников.

— А мне Валерьян Борисычи даже чем-то понравились,— смеялся сэр Суер-Выер, выводя нашу шлюпку на правильный траверз.— Наивные, как дети, хотели нас шляпами закидать.

Тут в воздухе появилась новая огромная шляпа. Она летела книзу дном, тяжело и медленно.

Долетев до нас, шляпа перевернулась, вылила на капитана ведро помоев и скрылась в тумане.

ОСТРОВ ТЕПЛЫХ ЩЕНКОВ

Линия холмов, оторочённая серпилиями пальм, впадины лагун, обрамленные грубоидальными ромбодендронами, перистые гармоники дюн, укороченные кабанчиками вокабул,— вот краткий перечень мировоззрения, которое открылось нам с «Лавра», когда мы подходили к «Острову теплых щенков».

Конечно, мы знали, что когда-нибудь попадем сюда, мечтали об этом, но боялись верить, что это начинает совершаться. Но это начинало.

Суер-Выер, который прежде бывал здесь, рассказывал, что остров сплошь заселен щенками разных пород. И самое главное, что щенки эти никогда не вырастают, никогда не достигают слова «собака». Они остаются вечными, эти теплые щенки.

— Уважаемый сэр,— расспрашивали матросы,— нам очень хочется посмотреть на теплых щенков, но мы не знаем, что с ними делать.

— Как чего делать? — ответил Суер.— Их надо трепать. Трепать — вот и вся задача.

— А щекотать их можно? — застенчиво спросил боцман Чугайло.

— Щекотание входит в трепание,— веско пояснял капитан.

Совершенно неожиданно трепать щенков вызвалось много желающих. Чуть не весь экипаж выстроился у трапа, требуя схода на берег...

— А мне хоть бы одну серпилию пальм понюхать,— говорил Вампиров.

— Отойди от трапа! — ревел Пахомыч.— А то привезу с острова кусок грубоидального ромбодендрона и как дам по башке!

— А серпилии пальм нюхать нельзя,— объяснял Суер.— Человек, который нанюхался серпилий, становится некладоискательным. Если у него под ногами будет зарыт самый богатый клад, он его никогда не найдет.

Это неожиданно многих отпугнуло. Все как-то надеялись, что когда-нибудь мы напоремся на остров с кладом.

Под завистливый свист команды мы погрузились в шлюпку и пошли к острову. Подплывая, мы глядели во все глаза, ожидая появления щенков, но их пока не было видно. Причалив честь по чести, первым делом мы побежали к ближайшей серпилии пальм, разодрали ее на куски, как французскую булку, и нанюхались до одурения.

Суер серпилию нюхать не стал. Он разлегся под грубоидальным ромбодендроном и смеялся, как ребенок, глядя, как мы кидаемся друг в друга остатками недонюханной серпилии.

— А клада нам не надо! — орал Пахомыч.— Нам серпилия роднее! К ней бы только стаканчик вермута!

Ну, я налил Пахомычу стаканчик. Я знал, что вермут к серпилии расположен, и захватил пару мехов этого напитка.

Лоцман Кацман тоже запросил стаканчик, но тут капитан сказал:

— Уберите вермут. Слушайте!

В тишине послышался тихий, щемящий душу жалобный звук.

— Это скулят щенки,— пояснил Суер.— Они приближаются.

Тут из-за ближайшего кабанчика вокабул выскочил первый щенок. Радостно поскуливая, взмахивая ушами, виляя хвостом, он уткнулся теплым носом в грубые колени нашего капитана.

— Ах ты, дурачок,— сказал Суер,— заждался ласк.

— Угу-угу,— поскуливал щенок, и капитан начал его трепать.

Поверьте, друзья, я никогда не видел такого талантливого и веселого трепания! Суер щекотал его мизинцем и подбородком, гладил и похлопывал по бокам, хватал его за уши и навивал эти уши на собственные персты, чесал живот то свой, то щенячий, распушивал хвост и играл им, как пером павлина, бегал по его спине пальцами, делая вид, что это скачет табун маленьких жеребцов.

Со всех сторон из-за кабанчиков и ромбодендронов к нам повалили щенки. Это были лайки и терьеры, доги и немецкие овчарки, пуделя и рейзеншнауцеры, дратхаары и ирландские сеттеры. И мы принялись их трепать. Вы не поверите, но иногда у меня оказывалось под рукой сразу по семь или по восемь щенков. Я катался с ними по траве и трепал то одного, то другого.

Пахомыч, нанюхавшийся серпилий, частенько путал щенков с лоцманом Кацманом, трепал его и подымал за уши над землей. Кацман совершенно не спорил и блаженно скулил, путая себя со щенками. Правда, поднятый за уши, он больше походил на кролика.

Должен заметить, что я трепал щенков, строго следуя примеру капитана, и за минуту оттрепывал по две, по три пары.

— Главная задача,— пояснял Суер,— оттрепать всех щенков до единого.

И мы трепали и трепали, и я не уставал удивляться, какие же они были теплые. Никогда в жизни не видывали мы эдакой теплоты.

У Пахомыча в карманах обнаружилась ливерная колбаса. Он кормил ею дворняг, одаривал такс и бульдогов. Вокруг старпома образовалась целая свора жаждущих ливера щенков. Лоцман Кацман, совершенно превратившийся в щенка, тоже выпрашивал кусочек. Пахомычу приходилось отпихивать лоцмана левым коленом.

До самого вечера трепали мы щенков, а на закате стали прощаться. Суер плакал, как ребенок. Он снова и снова кидался на колени и перецеловывал всех щенков.

С большим трудом погрузились мы в шлюпку, кроме лоцмана, который катался по траве, разделяя со щенками прощальный кусок ливерной колбасы. Тут к нему подскочил какой-то кабанчик вокабул, боднул его в зад, и лоцман влетел в шлюпку.

А в шлюпке мы обнаружили какого-то совершенно

неоттрепанного щенка. Ему ничего в жизни не досталось.

— Возьмем его с собою, капитан,— умолял старпом.— Оттрепем на борту, накормим. И команде будет веселей!

— Нельзя,— сказал капитан.— Ему нельзя жить с людьми. Ну, оттрепем, накормим, а там он превратится в собаку и скоро умрет. Нет.

И мы оттрепали по очереди этого щенка, отпустили его, и он вплавь добрался до берега.

К сожалению, на «Лавра» мы так ничего и не привезли — ни серпилии пальм, ни грубоидального ромбодендрона. Правда, Суер прихватил с собой одну небольшую перистую гармонику дюн. Мы подарили ее боцману, и Чугайло играл иногда на ней тоскливыми вечерами.

ДЫРКИ В ФАНЕРЕ

Недели, наверное, с две, а то и с три-четыре мы никак не могли открыть никакого острова. Ну не получалось! Острова-то, не означенные на картах, мелькали там и сям, но мы то обшивали палубу горбылем, то мочили яблоки, то попросту ленились.

Сэр Суер-Выер, утомленный открыванием все новых и новых островов, говорил:

— Невозможно открыть все острова на свете, друзья. Лично я открывать новые острова отказываюсь. Пусть на свете хоть что-нибудь останется не открытым мною.

И наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» пролетал мимо островов, с которых порой высовывались на берег фиги и тянулись в сторону «Лавра». На других островах из джунглей торчали туземные рожи, измазанные повидлом, а в пампасах пели хором какие-то младенцы без набедренных повязок. Все это мелькало мимо наших бортов, пролетало, не задевая души. Только на одном берегу задела душу стоящая на горе корова. Верхом на ней сидело штук двадцать человек, а с десяток других добровольцев сосали ее необъятное вымя. Я долго раздумывал о судьбе этой коровы, но скоро и корова позабылась, развеялась ветром океанов.

Наконец, запасы питьевой воды у нас истощились, и капитану пришлось согласиться на открывание какого-нибудь острова. И остров не замедлил появиться на горизонте.

— Не знаю, есть ли на нем вода,— говорил Суер.— Но, возможно, найдется хоть что-нибудь питьевое.

— А пресное необязательно! — поддерживали мы нашего капитана.

На берег мы взяли с собою бочки и баклаги, ведра и лейки, пустые бутылки и несколько матросов, которые должны были все это перетаскивать на борт. Не помню точно, кто там был из матросов. Кажется, Петров-Лодкин, Веслоухов. Возможно, и матрос Зализняк. А вот кочегара с нами не было. Впрочем, был. Конечно, был с нами и наш кочегар. Ковпак.

Новооткрываемый остров весь был перерезан рвами, в которых и подозревалась вода.

Рвы эти и земляные валы что-то ненавязчиво напоминали, а что именно, мы не могли понять. Рядом с капитаном мы стояли на берегу, стараясь справиться со своей памятью, как вдруг послышался какой-то треск, и из ближайшего рва показался человек. Он был ромбической формы и стоял на одной ноге. И нога эта была какая-то такая — общая нога. Вы меня понимаете?

— Человек,— сказал Суер и указал пальцем.

Выслушав капитана, ромбический человек на общей ноге повернулся боком и тут же исчез.

— Исчез,— сказал Суер, а человек снова появился, повернувшись к нам грудью.

Что за чертовщина! Ромбический туземец явно вертелся. То он поворачивался к нам боком — и тогда его не было видно, то грудью — и тогда он виден был.

— Батенька! — закричал Суер на языке Солнечной системы.— Кончайте вертеться и подойдите поближе!

— Не могу, сударь,— послышался ответ на языке Млечного Пути,— здесь как раз двадцать пять метров.

Высказав это, он опять завертелся.

Тут мы рассмотрели его поподробней. Скорее всего он был сделан из фанеры или другого древозаменителя, вот почему и не был виден сбоку. Вернее, был виден, как тоненькая черточка. Если это была фанера, то уж не толще десятки. Кроме того, туземец был весь в дырках, которые распределялись по телу, но больше всего дырок было на сердце и во лбу.

— Ну, что вы на меня уставились, господа? — закричал он на языке смежных галактик.— Стреляйте! Здесь как раз двадцать пять метров!

Мы никак не могли понять, что происходит, возможно, из-за этих диалектов. Галактический сленг припудрил наши мозги. Наши, но не нашего капитана!

— Отойди на пятьдесят метров,— строго сказал он на этот раз на русском языке.

Фанерный отбежал, дико подпрыгивая на своей общей ноге.

— Обнажаю ствол,— сказал капитан и вынул пистолет системы Макарова.

— Стреляйте! — крикнул Фанерный, и капитан выстрелил.

Пистолетный дым опалил черепушку какого-то матроса, возможно, Веслоухова, а пуля, вращаясь вокруг своей оси, врезалась в фанеру.

— Браво! — закричал простреленный, окончательно переходя на русский язык.— Браво, капитан! Браво! Стреляйте еще. Десятка!

Суер не заставил долго себя упрашивать и выпустил в фанеру всю обойму. Только один раз он попал в восьмерку, потому что лоцман Кацман нарочно ущипнул его за пиджак.

— Какое наслаждение! — кричал Фанерный.— Счастье! Вы не можете себе представить, какое это блаженство, когда пуля пронзает твою грудь. А уж попадание в самое сердце — это вершина нашей жизни. Прошу вас, стреляйте еще! В меня давно никто не стрелял.

— Хватит,— сказал капитан.— Патроны надо беречь. А вот вы скажите мне, любезный, где тут у вас колодец?

— Колодец вон там, поправее. В нем кабан сидит! Эй, кабан! Вылезай, старая ты глупая мишень! Вылезай, здесь здорово стреляют! Кабаняро! Вываливай!

Недовольно и фанерно похрюкивая, из колодца вылез здоровенный зеленый кабан, расчерченный белыми окружностями. Он повернулся к нам боком и вдруг помчался над траншеей, имитируя тараний бег.

— Стреляйте же! Стреляйте! — кричал наш ромбический приятель.— Делайте опережение на три корпуса!

Капитан отвернулся и спрятал ствол в карман нагрудного жилета. А лоцман Кацман засуетился, сорвал с плеча двустволку и грохнул сразу из обоих стволов! Дым дуплета сшиб пилотку с кочегара Ковпака, а сама дробь в кабана никак не попала. Она перешибла черточку в фамилии Петров-Лодкин, и первая половинка фамилии, а именно Петров, подлетела в небо, а вторая половинка — Лодкин — ухватила ее за ногу, ругая лоцмана последними словами, вроде «хрен голландский».

Кабан между тем развернулся на 630 градусов, побежал обратно и спрятался в свой колодец.

— Хреновенько стреляют,— хрюкал он из колодца фанерным голосом.

— Да, братцы,— сказал наш ромбический друг на общей ноге,— огорчили вы кабана. Не попали. А ты бы, кабан,— закричал он в сторону колодца,— бегал бы помедленней! Носишься, как будто тебя ошпарили!

— Эй, кабан! — крикнул Пахомыч.— У тебя там в колодце вода-то есть?

— Откуда? — хрюкал кабан.— Какая вода? Придумали еще! Дробью попасть не могут!

— Эх, лоцман-лоцман,— хмурился Суер,— к чему эти фанерные манеры? Зачем надо было стрелять?

— А я в кабана и не целился,— неожиданно заявил Кацман.— Я в черточку целился. Попробуйте-ка, сэр, попадите в черточку в фамилии Петров-Лодкин. Признаюсь, эта черточка давно меня раздражала.

— Ну, что ж,— сказал Суер-Выер,— благодарите судьбу, что вы попали не в мою черточку.

Между тем петров-лодкинская черточка болталась в воздухе на довольно-таки недосягаемой высоте.

— Эй ты, дефис! — орал матрос, лишенный черточки.— На место!

— Мне и тут хорошо,— нагло отвечал дефис,— а то зажали совсем. С одной стороны Лодкин давит, с другой — Петров. Полетаю лучше, как чайка.

— Ладно, хватит валять дурака,— решительно сказал Суер.— Эй, кабан, вылезай! Лоцман, одолжите ваш прибор.

Кабан выскочил и, недовольно хрюкая, побежал по прямой. Капитан пальнул, и кабан рухнул в траншею.

— Вот теперь неплохо,— хрюкал он.— Перебили мне сонную артерию! Давненько такого не бывало! А если вам вода нужна — пожалуйста. У меня тут в траншее сколько угодно. С дождями натекло.

На звуки наших выстрелов из соседних рвов и щелей стали вылезать все новые фанерные фигуры. Были тут солдаты и офицеры, немцы и русские, душманы и башибузуки и чуть ли не весь животный мир: слоны, косули, лебеди, утки, медведи, зайцы — черт знает что! Они маячили над своими рвами, явно приглашая нас пострелять.

— Некогда, братцы! — кричал Пахомыч.— Воду надо таскать!

Пока мы таскали воду с берега на борт, ромбический человек, простреленный Суером, успокаивал своих сотоварищей:

— Не волнуйтесь, ребята! Они еще постреляют, когда воды наберут.

— Мы потом по всем по вам картечью с борта жахнем! — уверял их Пахомыч.

— Вы уж жахните, пожалуйста! Не подводите меня.

Между тем вся эта фанерная пинакотека жалобно протягивала к нам свои простреленные десятки. Перепрыгивая рвы и траншеи, мы обошли с Суером этот трагический ряд мишеней. Я чувствовал, что капитан жалеет их и готов пострелять, но тратить даром патроны было некапитанской глупостью.

Суер-Выер гладил слонов, жал руки офицерам. Одного простреленного душмана он много раз прижимал к сердцу. Тот был до того жалок и так мало прострелен, что мы насчитали все 143 дыры.

— Пальните в меня, братцы,— просил душман.

Капитан не выдержал и с двух шагов пальнул ему в сердце.

А когда мы вернулись на корабль, Суер-Выер велел зарядить пушку картечью, и мы жахнули по острову. Выстрел получился на редкость удачным: многие мишени, разбитые вдребезги, были выбиты из своих траншей. От пушечного грома в небо взметнулась сотня тарелочек, ну, тех самых допотопных тарелочек, по которым когда-то мы стреливали влет бекасинником.

Стая тарелочек перепугала петров-лодкинский дефис. В ужасе ринулся он с поднебесья вниз и, расталкивая боками Петрова и Лодкина, встал на свое место.

ОСТРОВ ПОСЛАННЫХ НА...

Необычной какой-то неокеанической красоты, высоты, изящной длины открылся нам вдруг остров, стоящий посреди океана. Казалось — он вулканического происхождения, потом казалось — нет. И все же что-то вулканическое угадывалось в его мощных очертаниях.

Когда мы подплыли поближе, то с удивлением обнаружили, что остров весь уставлен людьми. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, и, казалось, втиснуться между ними не было никакой возможности. Подведя «Лавра» поближе, старпом крикнул в мегафон:

— Кто вы?

Островитяне обрадовались нашему любопытству и дружно прокричали:

— Мы — посланные на...

— Ничего не понимаю,— сказал Суер.— Давайте подойдем к острову с зюйда.

«Лавра» привели к другому берегу, и старпом снова проревел в трубу:

— Кто вы?

— Мы — посланные на...— дружно ответствовали островитяне.

— Приходится констатировать,— пожал плечами Суер,— что это действительно люди, посланные на...

— А за что вас послали? — крикнул старпом.

— А по разным причинам,— дружелюбно поясняли наши островитяне.

— Ну и что вы теперь делаете?

— А ничего особенного. Стоим на этом каменном... посреди океана. Иногда хлебопашествуем. Бортничаем. Выращиваем сахарную свеклу.

— Но позвольте,— развивал беседу сэр Суер-Выер,— признаться, меня самого не раз посылали на... Но что-то я не вижу среди вас, так сказать, себя. Я тут на корабле, а вы на острове.

— О, что вы, капитан,— ответствовали посланцы.— Где-то между нами, конечно, имеетесь не только вы, но и вся ваша команда.

— Эй, ребята,— крикнул кто-то из посланцев,— нет ли среди нас Суера-Выера или кого-нибудь из команды этого фрегата?

К нашему изумлению, островитяне слегка пораздвинулись, и к берегу протиснулись семь или восемь Суеров-Выеров в капитанских фуражках. За Суерами продирались лоцманы Кацманы, а за ними пятнадцать штук меня. Наши двойники замахали нам пилотками, восклицая:

— Да, да, это мы! А мы — это вы, посланные на... Вас посылают, а мы тут отдуваемся, сахарную свеклу выращиваем.

За Суером, за лоцманом, за мною стала продираться к берегу пожалуй что вся наша команда.

— Наши приехали, наши,— радостно гомонили они.— Хоть поглядеть на братьев.

Были тут, конечно, и многочисленные Хреновы и многократные Семеновы, но особенно много оказалось боцманов Чугайло. Он измерялся сотнями. Это неожиданно понравилось капитану.

— Позовите боцмана,— приказал он.

Чугайло явился на палубу в каких-то полупортах, в подтяжке, крайне раздраженный тем, что его разбудили.

— В чем дело, кэп? — ревел он.— Чья вахта? Поспать не дадут. В чем дело?

— А дело в том, господин Чугайло, что я хотел бы послать вас на...— И тут Суер, недолго думая, взял да и послал.

И что же вы думаете? Среди островитян немедленно объявился новенький боцман в полупортах и подтяжке. А старый Чугайло, хоть и посланный, остался стоять на борту. Тут все наперебой стали

посылать боцмана, и на острове становилось все больше и больше боцманов.

Чугайло терпел-терпел да вдруг взял да и всех нас послал на... и мы тут же очутились на берегу, хотя и оставались на борту.

Тут неожиданно разобиделись островитяне.

— И так места нет,— бубнили они,— а вы друг друга все посылаете и посылаете. А ведь вы не одни на свете. Вся планета, а в особенности Московская область, то и дело посылает кого-нибудь на... Если вы уж так хотите, то пошлите нам кого-нибудь из сановников или руководителей предприятий.

Ну, мы не стали спорить и дружно послали пару сановников и с десяток руководителей другого ранга. Островитяне охотно потеснились, и наши посланцы дружно выстроились в их рядах. Надо сказать, что они тут же стали демократичны, жали другим посланным руки и всячески братались.

— Ах,— сказал Суер,— надо отплывать, но все-таки напоследок я очень хочу послать такого-то товарища. Разрешите, братцы.

Мы дружно разрешили, и капитан послал.

Я крепился-крепился, а потом последовал примеру нашего великого капитана, взял да и послал одного там на... Послал, но тут же пожалел, такой уж у меня характер. Но отозвать посланного обратно, как вы сами понимаете, было уже невозможно.

ОСТРОВ СЦИАПОД

Приближаясь к острову Сциапод, мы несколько раз производили рекогносцировку и еще кое-какие действия.

Наши кое-какие действия сердили капитана, и он просил нас таких действий не производить. Но мы все производили и производили...

Тут Суер плюнул и произвел такое действие, что мы сразу напугались и наши действия бросили производить.

— Вот и молодцы,— хвалил нас капитан,— а то все производите и производите... Посмотрите-ка лучше в подзорную трубу, что это там виднеется на острове.

Я посмотрел в трубу и в зарослях кривандий заприметил большую человеческую подошву голой ноги. Как некая крыша сарая или пагоды, сверкала она среди пальм и кактусов. Пятка подошвы была обращена на зюйд, а мысок — на север. Подошва слегка поворачивалась то с зюйда на вест, то с норда на север.

— Весла на воду! — крикнул капитан.

Старпом кинул весла на воду, и мы попрыгали в шлюпку.

— Курс на пятку! — кричал Суер.

Вогнав наши весла в песок прибрежного ила, мы выскочили на берег и побежали в сторону подошвы, которая легко угадывалась среди пальм и кнуций.

— Осторожнее! — предостерегал Суер.— Не спугните ее. Он раним и легко убегаем.

Но мы все равно, как скоты, шумно ломали лианы и пили воду из растений кривандий, откуда хлестал жидкий голландский сыр.

Наши шумные отсасывания не испугали подошву, и мы вышли на поляну, на которой и находился невиданный нами прежде Сциапод.

Прекрасная улыбка мелькнула на его бородатом лице, когда он увидел нас. Детские его глаза ни секунды не затуманились, и мы поняли, что наблюдаем действительную редкость, которая случайно сохранилась под небом великого Океана.

Действительно, как прекрасен был Сциапод, как невинен и скромен был он, лежащий на спине! Его единственная нога с огромною подошвой обращена была прямо к солнцу, и, как зонтом, он прикрывался ею от палящих лучей раскаленного светила.

— О двуногийшие господа! — воскликнул он, когда мы приблизились.— Прошу вас скорее в тень моей подошвы, ибо даже ваши достойные ноги, собранные воедино, не смогут произвести тень моей ноги подобной.

Мы достали пиво, виски, помидоры и уселись вокруг Сциапода в тени его великой и одинокой ноги.

— Ну как? — добродушно спрашивал нас одноногий монстр.— В тени-то полегче будет?

— Весьма и весьма сладостная тень,— отвечал тенелюбивый лоцман Кацман.— В тени вашей подошвы куда приятней, чем под тентами ресторана «Савой-Берлиндер».

— А почему у вас всего одна нога? — спрашивал Пахомыч.— Что это? Боевые действия или хирургия?

— Да нет,— весело отвечал Сциапод.— Мы, Сциаподы, с детства рождаемся с одной ногой, чем и отличаемся от вас, двуногих, а также от трехногих марсиан и восьминогих моллюсков.

— Но простите, милостивый государь,— сказал Суер,— с ногою все ясно, но интересует один вопрос: чем вы, собственно, занимаетесь?

— Как то есть чем? — засмеялся Сциапод.— Лежу здесь и ногой от солнца прикрываюсь.

— А как снискиваете хлеб свой насущный?

— Позвольте, господа, а зачем мне хлеб? Вот вы сидите в моей тени, пьете пиво, виски, а мне ведь даже шампанского не предложили. Впрочем, я не обижаюсь. Никому еще не приходило в голову, что Сциаподам нужно что-нибудь, кроме тени от подошвы. Поверьте, я только защищаюсь от солнца, а на шампанское не рассчитываю.

— Так, значит, вы не сеете и не жнете? — строго спросил Суер.

— Не сею,— добродушно разъяснял Сциапод,— и жать не умею. Но, поверьте, дружок, не так уж просто следить за продвижением светила и поворачивать свою подошву вовремя. Это тоже работа, правда, приятная и не нарушающая сущности моей души.

— Не сеет, не сеет,— проворчал Пахомыч.— Небось отвези его куда-нибудь в Орехово-Зуево, сразу бы засеял и зажал.

Суер поднес шампанского работнику личной подошвы, Сциапод с удовольствием хлебнул.

— Я вижу, что вы достойные посетители и открыватели островов. Прошу вас, залезайте на мою подошву. И я покачаю вас над вершинами пальм и кривандий.

И мы, захватив пиво и помидоры, забрались на раскаленную подошву. Только тут я понял, что, кроме необходимой Сциаподу тени, он получает нужнейшее для его ноги тепло. Нога у него, очевидно, была мерзлянка.

Мы славно попили на подошве пивка и покидались помидорами в пролетающих попугаев.

Только под вечер попрощались мы с нашим единоногим другом, обещая прислать ему грубый шерстяной носок на более промозглые времена.

БОДРОСТЬ И ПУСТОТА

...Не сразу, далеко не сразу разобрали мы, что это за прямоугольники стоят повсюду на взгорках, дорогах и просто на траве открываемого нами нового острова. К прямоугольникам же, большей частию деревянным, приделаны были какие-то штуки, вроде дверей с ручками бронзового литья.

Только потом мы догадались, что это действительно двери, а прямоугольники — дверные косяки. К удивлению, никаких сооружений — домов, гаражей или сараев,— к которым эти косяки были бы пристроены, видно не было. Косяки с дверями стояли сами по себе, и двери были распахнуты. Они поскрипывали под морским ветерком, раскачиваясь на петлях.

Кое-где над открытыми дверями прямо в небе висели окна, также раскрытые настежь. На окнах колыхались занавесочки.

— Обычная островная чертовня,— сказал Пахомыч, зевнув в сторону острова.— Какой-то болван понаставил всюду косяков. Но вот как он в небо окна подвесил?

— На вашем месте, старпом, я бы поостерегся называть болваном неизвестное пока лицо,— сказал Суер-Выер.— А вдруг это божественный промысл?

— Свят-свят,— сказал старпом.— Да зачем же Господу заниматься такими пустяками, как дверные косяки?

— Косяки здесь ни при чем,— сказал Суер.— Главное — двери. Открытая дверь — это знак, это приглашение войти. Давайте же войдем в эти двери, раз уж нас приглашают.

На этот раз так получилось, что вместо старпома и лоцмана с нами на остров отправился мичман Хренов.

Оказавшись на берегу, Хренов взбудоражился. Спотыкаясь, вбежал он в ближайшую открытую дверь, кругом обежал косяк и кинулся нам навстречу.

— Я вошел в открытую дверь! Я вошел в открытую дверь! — кричал он, подпрыгивая, как ягненок.

Вслед за мичманом и мы с капитаном вошли в открытую дверь.

— Ну и что ты чувствуешь? — спросил меня капитан, когда мы оказались по другую сторону.

— Пока неясно, сэр. Кажется, прибавилось немного бодрости.

— Вот именно! — кричал надоедливый Хренов.— Именно бодрости! Бежим к другой двери!

Посетив следующую открытую дверь, мичман почувствовал совсем необыкновенный прилив бодрости.

— Мне чего-то очень хочется! — вскрикивал он.— Я чувствую такую бодрость! Такую зверскую бодрость!

— Чего именно хочется? — строго спросил капитан.

— Сам не знаю точно,— отвечал мичман.— Но, пожалуй, я бы хотел иметь почетный диплом королевского общества дантистов, два чемодана бахрала, дезабилье и собрание сочинений Декарта.

— Вполне понятные желания,— сказал Суер.— Даже удивительно, к каким великим замыслам приводит прилив бодрости. А тебе, друг мой,— обратился Суер ко мне,— ничего не хочется?

— Хотелось бы ясности, сэр. Обычно, когда входишь в открытую дверь, тебя что-то ожидает. Ну, скажем, бифштекс с луком или девушка с персиками. А здесь нету ничего — только бодрость и пустота.

— Но это тоже немало,— отвечал капитан.— Бодрость и пустота — целая философия. К тому же пустота, наполненная бодростью, не совсем чистая пустота, это пустота взбодренная.

— Извините, сэр,— возразил я,— но зачем нам бодрость в абсолютной пустоте? В пустоте я и без бодрости хорош. Бодрость всегда хочется к чему-нибудь применить.

— Да, да, кэп! — закричал и Хренов.— Давайте применим нашу бодрость, чего ей зря пропадать?

— Пожалуйста,— сказал Суер,— применяйте. Вон еще одна открытая дверь, можете войти.

Хренов, а за ним и мы с капитаном вошли в очередную открытую дверь.

— И здесь ничего нету,— сказал мичман,— а бодрости до хрена. Прямо не знаю, что и делать.

Мичман пригорюнился. Сел на порог, подперев щеку кулачком.

— Сломать к чертовой матери все эти двери! — сказал он.— Вот и применение бодрости! — И он пнул ногою косяк.

— Стоп,— сказал капитан.— Это уже бодрость, переходящая в варварство. Ладно, мичман, закройте глаза и считайте до двадцати сами. С окончанием счета прошу войти вон в ту открытую дверь.

Мичман послушно закрыл глаза, а капитан подмигнул мне, и мы обошли следующий дверной косяк и уселись на травку. Я достал из бушлата бутылку «Айгешата», лук, соль, крутые яйца и расставил бокалы.

Аккуратно просчитав положенное, мичман открыл глаза и вошел в открытую дверь.

— Ага! — закричали мы с капитаном.— Хренов пришел!

— Вот это дверь! — восхищался мичман.— Яйца! «Айгешат»! Вот уж бодрость так бодрость!

Мы хлебнули, съели по яйцу.

— Ну а теперь, мичман, ваша очередь ожидать нас за открытой дверью.

— Идет! Считайте до десяти и валите вон в ту квартиру напротив.

Честно прикрыв глаза, мы с капитаном досчитали до десяти и вошли в дверь, за которой таился Хренов. Он лежал на травке и, когда увидел нас, засиял от радости.

— А вот и вы! — закричал он.— А я-то давненько вас поджидаю! Скорее выкладывайте, что принесли.

— Погодите, в чем дело? — сказал я.— Мы вас встречали по-честному, а у вас даже стол не накрыт!

— А зачем его накрывать? Я же знаю, что у вас есть остатки «Айгешата».

— Мы его допили по дороге,— мрачно сказал я.

— Да как же это вы успели? — расстроился мичман.— Эх, надо было до трех считать.

Мичман поник, прилив бодрости сменился отливом.

— Все,— сказал он.— Больше я ни в какую открытую дверь не пойду.

Он уселся на песочек на берегу, а мы с капитаном прошли еще несколько дверей, и за каждой нас ничего не ожидало, кроме травы и мелких цветочков, океанской дали и прохладного ветерка.

— А это куда важнее, чем «Айгешат» с яйцами,— пояснял капитан.

— Я с вами согласен, сэр, но остатки «Айгешата» Хренову не отдам.

— Давай сами допьем его за какой-нибудь дверью.

И мы вошли в очередную дверь и чудесно позавтракали, овеваемые ветром и отделенные от мичмана десятками открытых дверей.

— Мы совсем забыли про окна,— сказал Суер-Выер,— надо бы заглянуть хоть в одно окно, посмотреть, что там за окном. Все-таки интересно.

— Высоковато, сэр. Никак не дотянуться.

— Давай-ка я заберусь тебе на плечи.

И капитан забрался ко мне на плечи, глянул в окно.

— Ну что вы там видите, сэр?

— Много-много интересного,— рассказывал капитан.— Я вижу камин, в котором пылает полено, вазы с цветами, бифштекс с луком и девушку с персиками.

— Ну а девушка-то, что она делает?

— Улыбается, на бифштекс приглашает.

— Так залезайте в окно, а мне потом какую-нибудь веревку кинете.

— Подсади еще немного.

Капитан подтянулся, повис на подоконнике и скрылся в глубинах окна.

Я, конечно, чрезвычайно опасался, что достойный сэр свалится по другую сторону подоконника и расшибется о землю. Но подобного не произошло. Сэр Суер-Выер исчез, а окно по-прежнему висело в воздухе, и колыхались его занавесочки.

Некоторое время я растерянно стоял под окном, осознавая исчезновение капитана.

Вдруг из окна высунулась рука и кинула мне веревочную лестницу. И я полез по этому трапу наверх.

Надежда АЖГИХИНА

де мы встречаемся? На лавочке возле почты? В два, когда автобус уже подошел, включая все варианты опозданий? Итак: челка до бровей, сарафан, плетеная сумка, ровно два, солнце палит, пыль, и неизменная очередь у телефонных автоматов («Мама! Ну, я. Вышли денег, рублей тридцать. Да хватит!» — «Добрались! Через месяц, наверное!» — «Кто меня искал? Никто? Будут искать — скажи, чтобы приезжали, чтобы все приезжали!»).

Или не так. Снова — два, автобус, тяжело приседая на кочках, отполз на заправку, и пятеро (шестеро, семеро) — на пятачке возле почты: кепки, соломенные шляпы, сумки, и впереди — брызги у пирса, изрезанная спина Хамелеона, дешевое вино и кукуруза на пляже возле ограды чопорного «литфонда» с теннисными кортами и призывающими к бдительности плакатами («Писатель должен быть народным»); впереди — танцплощадка в пансионате «Голубой залив», кораблик, болтающийся вдоль берега («по-татарски это называлось край синих гор»), сами горы с одуряющим травяным дыханием и розовым пухом рододендронов,— Лягушачья, Сердоликовая, рассыпающийся Карадаг с Золотыми воротами, и внезапная черная ночь с мохнатыми звездами, которые ныряют в море и вот-вот коснутся зелеными плавниками щеки...

— Куда ты на каникулы? — В Коктебель!.. В кружок у позднего костра, роднящий профессорских дочек и нищих принцев с тротуаров больших городов, юных поэтов и начинающих проходимцев; в очередь за лежаком, соединившую бывших жителей Москвы и Архангельска, Уфы и Целинограда в некое землячество — тех, кто выбирал из всех мест этот безалаберный приют и не желал иного, как вновь прикоснуться к нагретым камням в Городе мертвых и увидеть снова невысокую гору с человеческим профилем...

Быть может, тогда, в незапамятном прошлом, этот клочок берега между Карадагом и Хамелеоном притягивал самой своей несуразностью, неподвластностью духу суровой регламентации и предопределения, которыми был наполнен весь окружающий мир с университетами, общественными поручениями и ясными, как брошюра о Малой земле, перспективами. А может, дело было в том, что рядом с собой — кожей, пятками, затылком — мы ощущали другой Коктебель и осознавали, пусть не вполне явно, свою причастность к нему... Он выступал на набережной остргрудым домом с заколоченными ставнями, почерневшим, но не обветшалым, окутанным легендами, хранившим память о старой женщине с горделивой осанкой, вдове, и в нем неустанно трудился Владимир Купченко и перелистывали страницы другие сосредоточенные юноши, не надеясь, что скоро ставни откроются и девушка с пучком поведет в комнаты первых экскурсантов.

Этот второй Коктебель, как известно, начался в 1893 году, когда женщина, очень похожая на Байрона, любившая носить мужское платье, купила на берегу участок земли, чтобы поправить здоровье сына. Сын, как водилось в ту пору, учился в трех университетах, путешествовал по Европе и Азии, увлекался сочинением стихов, музыкой, живописью и многим другим, неудачно женился и все чаще возвращался на заброшенный по тем временам берег, пока не решил построить тут по собственному проекту дом — с «золотым сечением», с лучом света, пронзающим половицы в полдень и на закате, с «вышкой» на крыше для поэтических чтений и представлений, кабинетами и спальнями для гостей. Вместе с хозяином здесь поселился весь серебряный век, оставив по себе уникальный памятник, повторения которому нет ни в одном краю Востока или Запада,— Дом поэта.

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветр, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

Пройдем по Дому поэта? Пока отдыхает разместившаяся у входа, где некогда начинались вакхические шествия, ученая конференция по Волошину и хранитель Дома, неутомимый Борис Антонович, приглашает внутрь...

Пройдем в мастерскую, мимо мольберта и гипсового лика царицы Таиах, не задев усеянных сердоликами табуреток, которые мастерила женщина, похожая на Байрона,— легендарная мать поэта, Пра; остановимся возле обломка корабля Одиссея над диваном (на котором, как утверждают, и написано: помните — «Бессонница. Гомер. Тугие паруса»...), увидим ряд морских чертят — Габриаков, от которых произошла таинственная Черубина; поднимемся наверх — в библиотеку («историки, поэты, богословы»...) в девять с лишним тысяч томов (единственная сохранившаяся библиотека той поры, пояснит Борис Антонович), заглянем в верхнюю комнату, в нишах которой, скрытых живописным панно, спасались от белых и красных по очереди и Сергей Эфрон, и некий комиссар, приславший в награду за спасение большевика, согласно преданию, почетную грамоту, которую хозяин отверг («я не спасал большевика, я спасал человека»). Отсюда, с высоты, виден флигель и то окно, из которого смотрел Гумилев, сочиняя «Капитанов», а теперь гостит председатель мандельштамовского общества Павел Нерлер. И — еще выше — на крышу, знаменитую «вышку», где обращались к звездам и мирам Белый, Бальмонт и откуда открывается берег, где собирались купальщицы в легкомысленных одеждах, так возмущавшие важную соседку Дейшу-Сионицкую, писавшую жалобы на шумного домовладельца местным властям...

А несерьезные молодые люди, населявшие дом, не обращали внимания, расхаживали в шароварах и хитонах, обожали карнавалы и мистификации, пили вино, крутили романы, ссорились и мирились; они превратили искусство в игру, а игру вообразили выше жизни и оттого, быть может, так много напророчили и сами себе, и своей стране, где встретили поздно или чаще рано славу и погибель. Он был ослепительно молод, наш серебряный век, взорвавший нормы и каноны, сочинявший свою реальность наперекор голоду и разрухе, страху и неправоте — ту самую реальность, которая помогала выжить так многим юнцам и юницам на склоне дряхлеющего века, в рутине и лицемерии, в длительности уроков по «Малой земле» и многому другому...

Но нам пора спускаться, конференция ждет, и Борис Антонович запирает узкий проход на «вышку». Ученые мужи и дамы (понятное дело — кто обсуждает монографию, а кто просто выбрался к морю повстречаться с добрыми знакомыми) нетороплив заняли места на скамейках возле входа в музей.

При жизни о Волошине говорили немного и невнятно — «эстет с внешностью кучера», «галломан, пишущий по-русски, будто по-французски», величали коммивояжером от поэзии и мистиком. Он не вписывался в формулы даже склонного к плюрализму предреволюционного художественного мира. В формулы пореволюционные не вписывался тем более и был открыт заново лишь с выходом маленького томика «Библиотеки поэта» в 60-е (спасибо вдове писателя, Марии Степановне, подвижнически сохранявшей наследие и сам Дом все годы,— в войну закапывала вещи!). Спасибо друзьям Дома, и молодым, и много пережившим! Настоящие же открытия начинаются только сегодня. Каскад публикаций последних 2—3 лет знакомит с поэтом и мыслителем, публицистом и критиком, краеведом и просто загадочным персонажем нашей истории. Геологи, например, с интересом следят за публикациями — известно, что Волошин предсказал запасы полезных ископаемых в Крымских горах и в море, описал также весьма подробно вид темной стороны Луны... Фантасты внимательно вчитываются в строки его философских и теософских заметок...

Но, наверное, самое главное то, что сегодня Волошин предстает как поразительный пример современника, жителя XX столетия, противопоставившего силам распада и вражды личную стойкость, высокую духовность и силу добра. «Сознание общества в настоящую эпоху развития человечества стоит еще ниже сознания индивидуального»,— написал однажды он, и всей жизнью своей стремился способствовать утверждению животворного индивидуального начала, полагая, что, «встречаясь со злом», должно «не осуждать его, а постараться, по мере сил своих, превратить его в добро», переплавляя мукой собственного переживания. В статье о Льве Толстом Волошин возражал против принципа непротивления злу, как отделения зла от себя, но полагал, что сила веры и любви к человеку может расплавить само зло — ведь согласно его убеждению мысли и порывы не менее реальны, чем государства и города...

В основном для нашего столетия споре между личностью и государством Волошин являл удивительный образец, утверждающий возможность победы личности. «19-й год толкнул меня к общественной деятельности в единственной форме, возможной при моем отрицательном отношении ко всякой политике и ко всякой государственности...— к борьбе с террором, независимо от его окраски... Из самых глубоких кругов преисподней и Террора и Голода я вынес свою веру в человека»,— писал он в автобиографии. О том, скольких и как спасал поэт в страшные годы гражданской войны, известно немало. Почитайте недавно вышедший сборник воспоминаний, а если сможете — поезжайте в Дом поэта, это знание никому не будет лишним...

В дни, когда Справедливость ослепшая
меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает
о сущности братства —

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

...Но есть еще и третий Коктебель. Административная точка. Поселок на карте Судакского района Крымской АССР. То есть когда-то он значился на карте Феодосийского района, но в некие времена некий большой начальник решил его переадресовать, несмотря на то, что до Феодосии двадцать километров ровного шоссе, а до Судака, где и собес, и больница, вдвое дольше по горным дорогам.

— Ни одна роженица еще не доехала до райцентра,— рассказывает депутат поселкового Совета Иван Васильевич Петков. Иван Васильевич был среди инициаторов сельского схода в поддержку перехода Коктебеля к Феодосии. Теперь ожидают решения. Тем, как идет жизнь в поселке, Иван Васильевич недоволен. Купоны все запутали, в магазинах и так негусто было, а теперь просто стыдоба: приезжает отдыхающая с ребенком из России — нельзя соку купить, только для местных. С питанием на турбазе (где Иван Васильевич работает лет 25 — подавляющее большинство поселка живет курортом) тоже неважно. И новое наваждение: союзные здравницы обязаны выплачивать районным руководителям ежегодно несколько сот тысяч рублей за аренду земли. Значит, надо поднять стоимость путевок, значит, ухудшить и без того сложное положение...

— Кто придумал такую сумму — шестьсот тысяч рублей? — переспрашивает директор Дома творчества «Коктебель» Леонид Петров.— Я спрашиваю у руководства, руководство района ничего не отвечает. А ведь эта земля была передана Волошиным советским писателям, и никакой помощи мы не просим, все своими силами. Но местным начальникам литература не интересна.

Леонид Николаевич уверенно сидит за столом, уверенно отвечает на вопросы, и видно, что чувствует себя хозяином крепким. Конечно, и хозяйство ему досталось побогаче, чем у соседей. Пройдешь покойными аллейками мимо патриархальных домиков со следами сталинского классицизма в отделке, запущенных лужаек, где нет-нет да наткнешься на грядку с редиской (обслуга живет на территории, здесь же, пока не достроен многоквартирный дом),— и почувствуешь себя иначе, чем среди чахлой растительности и асфальта соседних пансионатов. Не зря стояли здесь забор и строгий вахтер с повязкой. Правда, вахтера сейчас не видно, а ребятишки из поселка вовсю гуляют среди коттеджей, и не стало бдительных плакатов, только бюстик Ленина скромно затерялся между аллей... Но и эти коттеджи теперь кусаются: самая дешевая путевка — за пятьсот рублей.

Что будет здесь, когда начнется планируемая реконструкция, потянут новые коммуникации, начнут строить двухэтажные дома? Директор считает, что ни парк, ни ландшафт не пострадают. Хочется верить...

Природа не может слишком долго дарить милостью тех, чья задача — взять все нахрапом. В этом мы успели убедиться. И в Коктебеле тоже. Древний Карадаг, почти до основания разрушенный ненасытными собирателями даровых яшмы и сердоликов, закрыт для дикого туризма. Правда, изредка под неусыпным оком проводника в последнее время по нему бредут экскурсанты, заплатив по 12 рублей на душу. Карадаг по-прежнему прекрасен, хотя до сих пор жужжит над ним электростанция некоего таинственного объекта на самой высокой точке. Сколько платит объект за эксплуатацию заповедника (и перестал ли сбрасывать ящики с мусором в заповедные бухты?) — никто ответить не мог.

А вот золотой песок, описанный современниками Волошина, можно увидеть теперь только на картинах, хоть и кричала литературная пресса о варварском вывозе его на нужды некоего стратегического объекта прямо из моря. Вместо песка теперь щебенка из соседнего карьера, которая не держит берег, и неимоверные средства уходят на новые и новые ее поступления. Как и на строительство чудовищной лестницы, укрепляющей откос с помощью бетона и разворошенных отмелей рядом с поселком. Увы, бульдозер теперь неотъемлемый атрибут этого берега...

Как и скучающие приезжие, шатающиеся по разделенной чьей-то сверхизысканной фантазией на клочки набережной между пансионатами, где два унылых ларька с открытками да редкие продавцы «агдама» и сувениров. Рассказывают, некие рэкетиры не дают развернуться предпринимателям, наладить нормальный досуг для отдыхающих. Но не очень в это верится, когда глядишь на полные безбрежной медлительности лица местных жителей. И те же рэкетиры не мешают владельцам частного транспорта сутками дежурить на пятачке и ожидать пассажиров до Феодосии (двадцать пять рублей «с души» за место) и до Симферополя (пятьдесят соответственно).

Что-то ушло из Коктебеля. С «дикарями» и студентами, которым не по карману цены и недоступны местные «купоны», с духом противоборства тому нормативу, который был разлит в обществе. Но — открылся наконец Дом поэта, и первый раз в эти места пустили иностранных специалистов: десяток — строить бассейн и троих — на конференцию по Волошину, о которой, кстати, раньше тоже никто и помыслить не мог. Иностранные машины в облаке пыли несутся по поселку. И по-прежнему глядит на нас гора с человеческим профилем, и подернуты предвечерним туманом фантастические, словно сошедшие с акварелей, холмы...

Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Что будет с тобой, Коктебель? Станешь ли ты вновь приютом талантов, аккумулируя энергию света и добра? Превратишься ли в третьеразрядный курорт, оставив былую славу? Возродишься ли из праха, и сумеем ли мы возродить тебя?..

...Жара спала. Из золотого с коричневым фиолетовыми стали ребра Хамелеона. К столовой Дома творчества ближе к ужину собираются продавцы ракушек и мельхиора. Хлопнула ставня в Доме поэта... Мир тебе, планета Коктебель, лети, как встарь, в звездных пятнах ночи, в ослепительном свете дня, прыгай со скал, уносись к иным мирам, соединяя прошлое с настоящим, подбирая в пыли на пятачке возле почты наши души, исчезай в пространстве и возвращайся — прекрасная, взбалмошная и непостижимая, как сама жизнь.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

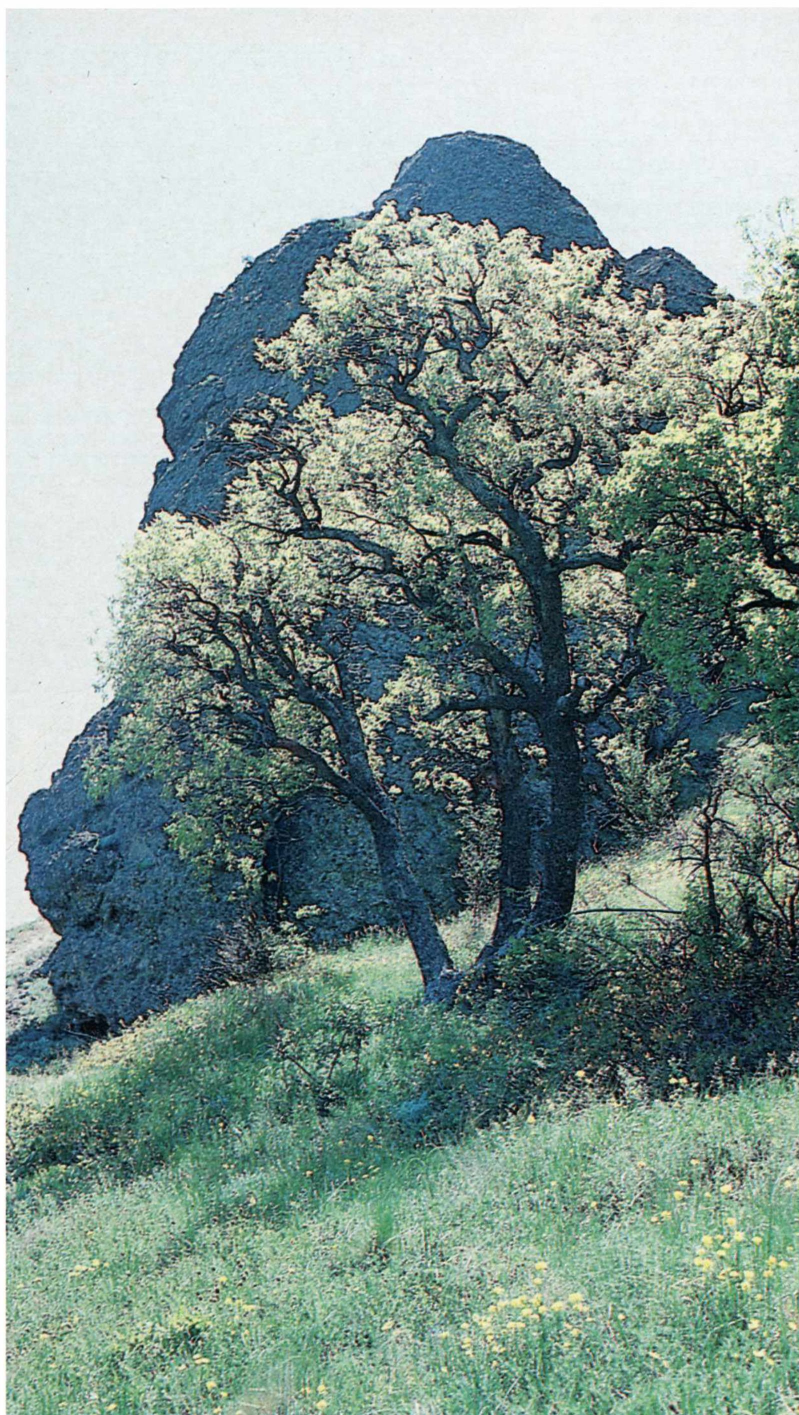

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны,—
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

М. ВОЛОШИН

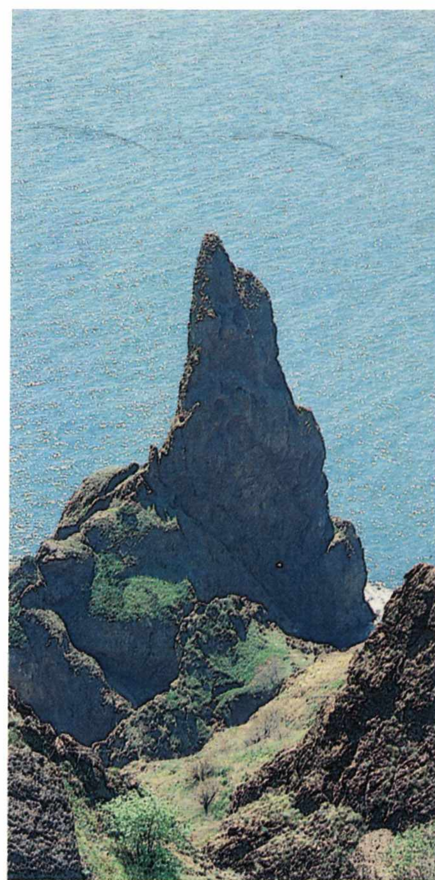

ТАНГО И КЕШ
ПРОЩАЙ, ЭММАНУЭЛЬ
ЭРОТИКА
в гл. роли Сильвия Кристель
-США-
н 22 15
Дом-музей М. А. Волошина
Институт мировой литературы имени А.М. Горького АН СССР
ВОЛОШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
10-15 мая 1991 г.
КОКТЕБЕЛЬ

СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

МММ

Объединение «МММ» предлагает:

компьютеры, совместимые с IBM PC/AT. XT с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор:
дигитайзеров, пишущих машинок, электронных записных книжек, калькуляторов и т.д.

Без предоплаты. **Оптовым покупателям предоставляется скидка.**

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?
МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 – 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) – 107000 руб.

ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат A3 – 31500–33000 руб.
Формат AI – 107000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» – 51000 руб.

«LASERJET III» – 85000 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» – 28000 руб.
«CANON FC-2» – 30500 руб.
Формат A3
«RICOH M 100» – 62000 руб.
«CANON 1215» – 80000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» – по 21500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» – 7750–8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ
«PANASONIC» –. 3400 руб.

Адрес: 109518 Москва,ул.Газгольдерная, 10
(проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97,173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88 , 412-95-06

Мы еще молоды, но уже опытны.

Выбирая АСС, вы выбираете лидера!

Только Агентство столичных сообщений выполняет полный цикл рекламных услуг:
- создание торгового знака, а на его основе фирменного стиля
- разработка и проведение рекламной кампании
- исследование эффективности вашей рекламы

АСС разместит вашу рекламу или объявление в любой газете или журнале страны, в любой теле- или радиопередаче, на автобусах и троллейбусах, в метро и на рекламных щитах...

Выбрав АСС, вы сэкономите:
ВРЕМЯ - Вам не нужно будет обращаться за чем-либо в другие рекламные агентства.
ДЕНЬГИ - вы нигде не найдете более низких расценок на рекламу.

МЫ СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТОБЫ ПОНРАВИТЬСЯ ВАМ! УВЕРЕНЫ, ЧТО НАШ ТАЛИСМАН - ЛИСЕНОК - ПРИНЕСЕТ ВАМ УСПЕХ И ПРОЦВЕТАНИЕ.

Совместное советско-американское предприятие

ПараГраф

представляет программный продукт года

Русское Слово

Русское Слово - это все необходимое для работы с русским текстом на персональном компьютере.
Русское Слово - незаменимый программный пакет для издательств, рекламных агентств, правительственных структур, учебных и научных заведений,предприятий.
Русское Слово - единственная возможность приобрести **MICROSOFT WORD 5.0** - ведущий в мире текстовый процессор.
Русское Слово включает:

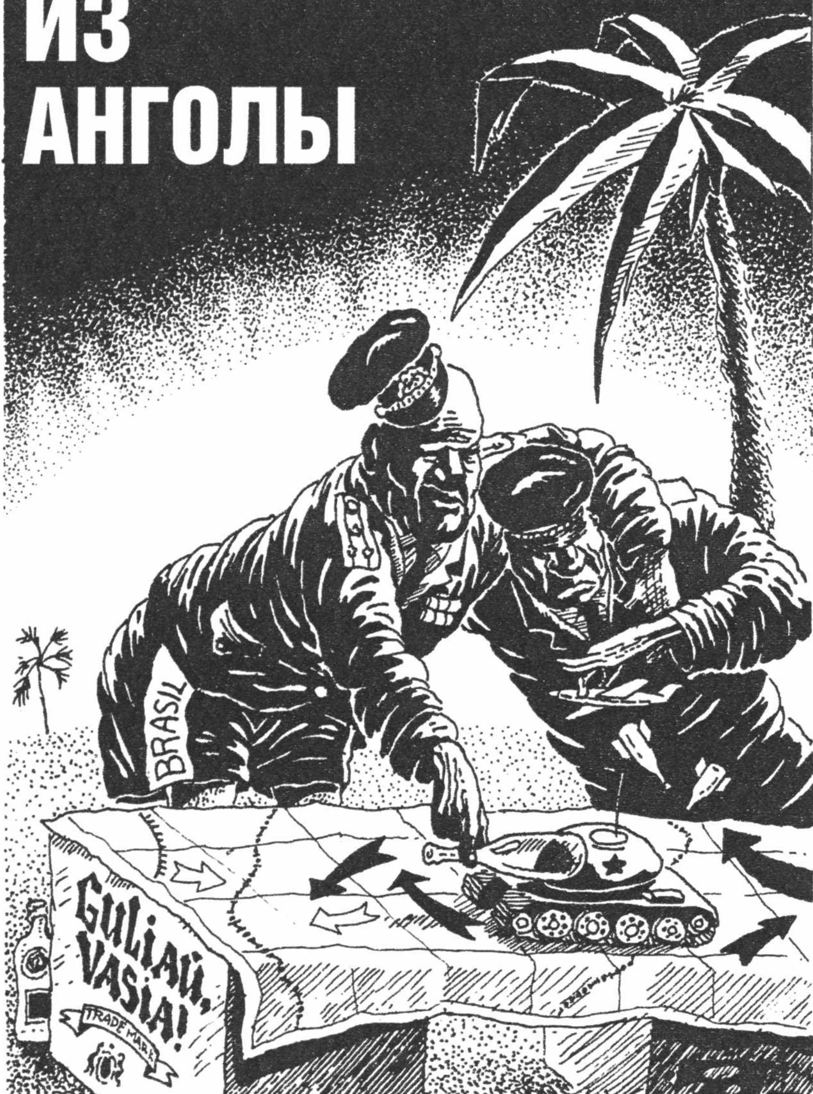
* текстовый процессор **MICROSOFT WORD 5.0**, поставляемый по лицензионному соглашению с американской фирмой **MICROSOFT**;
* комплект программ, обеспечивающих русскоязычную поддержку данного текстового процессора, куда входят:
* программа **BetaPlus**, которая автоматически русифицирует практически любой компьютер и принтер;
* **русификатор** текстового процессора **Microsoft Word 5.0**;
* программы, позволяющие редактировать шрифты и клавиатурные раскладки;
* **комплект шрифтов** для лазерных принтеров в формате LaserJet.

Наш адрес: 103051, Москва, Петровский бульвар, 23.
Телефоны: (095)-200-25-66; 924-17-81.
ФАКС: (095)-928-27-98.

Начало на стр. 15.

КАК МЫ УХОДИЛИ ИЗ АНГОЛЫ

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

мающие офицеры? Конечно! Да только узок был круг этих людей. К сожалению, прочих насчитывалось значительно больше, и если первых объединял бесспорный авторитет среди ангольского военного командования, то вторых в гораздо большей степени волновало отношение вышестоящего советского командования, со всеми неизбежно вытекающими последствиями — экзотическими дарами и подношениями, банями и буйными застольями. К тому же все это происходило в обстановке относительной бесконтрольности.

Я с трудом себе представляю, чтобы, скажем, португальский главнокомандующий в заморской провинции Ангола сотрясал красавицу Луанду трехэтажным матом, объясняясь с подчиненными в присутствии женщин и детей; таскал за шиворот младших офицеров; наживался за счет спекуляций и подлогов... Все это было присуще в разные годы главным военным советникам, представлявшим в Анголе честь и достоинство непобедимой и легендарной.

Поверьте, писать о диких выходках наших воинов-интернационалистов скучно. И если когда-нибудь мне зададут вопрос, какое самое тяжелое чувство мне пришлось испытать в первой командировке, то я, не задумываясь, отвечу — чувство стыда. Стыда за тех, кого присылали, за их убогий внутренний мир, чудовищное высокомерие, хамство, серость и бездарность. Почему именно в первой командировке? Да потому, что во второй это чувство атрофировалось.

Допустим, запустил наш полковник пассатижами в кубинского офицера-переводчика. Вспылил. Забыл на минуту, что перед ним не советский переводчик, а кубинский. Пришлось на следующее утро ехать извиняться к их генералу, чтобы чего не вышло. Все ж кубинцы, может, в их армии так не принято. Или другой, тоже полковник, тоже, естественно, наш, тискал за упругие попки секретарш-мулаток в штабе округа. Я сперва не понимал, почему при его появлении они, болезные, закрывали грудь служебными бумагами и все старались прижаться спиной к стенке. Но стоило им зазеваться, тут он их, шоколадненьких, и настигал, заливаясь гомерическим хохотом. А с офицерами-ангольцами обращался прямо по-варварски: хватал их при рукопожатии рукой за гениталии. Шутил.

А прийти утром в закрытый ресторан с ручной гранатой, чтоб похмелили гады! Это уже афганская школа — пока тяжело больного лечили красным вином, граната со снятой чекой находилась в стеклянном стакане, поставленном на самый край стола. А чего стоили пьяные разборки с женами — своими и чужими? А борьба за добычу спиртного любой ценой в те годы, когда объявленная у нас война со змием прогремела канонадой в загранколлективах? А там то жара, то дожди, то малярия, и выход за проволоку грозил высшей мерой социальной защиты — отправкой с ближайшим этапом в Союз! Тогда сверху была дана очень ценная директива: с местной стороной не пить, а крепить интернациональную дружбу путем проведения доверительных бесед о вреде империализма и всепобеждающей силе марксистско-ленинского учения. А бесконечное усиление и так доведенной до гипертрофированных размеров бдительности, когда добровольно приехавших в Анголу молодых преподавателей-коммунистов из Португалии велено было считать агентами ЦРУ!

Главное же заключалось в том, что на протяжении пятнадцати лет, охвативших застой, перестройку и постперестроечную фазу, весь без исключения советнический аппарат способствовал укреплению, а в конечном счете и падению коррумпированной олигархии МПЛА — ПТ *, чья власть была круто замешана на крови кубинских солдат, к чести которых будет сказано, что они в полной мере выполняли отдаваемые им приказы, не получая взамен ничего, кроме разве что усиленного пайка и ста боевых граммов плохого рома.

НАСТУПЛЕНИЕ НА МАВИНГУ

Последней отчаянной попыткой спасти разваливавшийся, одиозный режим от краха явилась операция по взятию Мавинги, о чем следует рассказать особо в силу ее размаха и нелепости.

Правящая в Анголе партия уже заметно агонизировала, но, будучи по сути своей прокоммунистической, готова была пойти на любые жертвы во имя торжества светлого будущего, не считаясь, само собой, ни с чем. Перед коллективом советских военных советников была поставлена задача эти жертвы обеспечить. Но был конец 1989 года, повстанцы занимали обширные районы на Севере, Востоке и в центре страны, отдельные разведывательно-диверсионные группы действовали в непосредственной близости от Луанды. Тем не менее основной удар было решено нанести на Юге, вернее, Юго-Востоке, дабы захватить незначительный населенный пункт Мавингу, с падением которой открывался путь к столице свободных территорий УНИТА **, ставке Жонаса Савимби, городу Жамба.

В политическом руководстве МПЛА — ПТ операция получила название последнего штурма. Ортодоксы из Политбюро, или, как их кличут в Анголе, твердолобые, полагали, что с выводом войск ЮАР из Намибии оппозиция лишилась военной поддержки Претории, а потому дрогнет при первых залпах артиллерийских орудий и лязге мощных советских танков. Думали также, что, войдя в Мавингу, правительственные части обретут наконец давно утраченный боевой дух, столь необходимый для продления пятнадцатилетней братоубийственной войны.

Так могло показаться лишь на первый взгляд человеку, весьма поверхностно разбиравшемуся в коллизиях ангольского конфликта. На самом деле обстановка была куда как более сложной. После провозглашения независимости Намибии УНИТА, проявив отменную стратегическую гибкость, произвела передислокацию основных ударных формирований, создав значительный перевес сил на Севере, ближе к границе с дружественным Заиром. Запад стал наращивать военную и гуманитарную помощь повстанцам через другие страны, кроме того, спецподразделения ЮАР оставались в приграничной полосе Каприви, откуда к оборонительным рубежам вокруг Жамбы продолжали поступать оружие, боеприпасы и горючее.

Не нужно было обладать фундаментальными академическими знаниями, чтобы предвидеть: в случае начала крупномасштабных военных действий США в кратчайшие сроки «наведут» воздушные мосты для оказания всесторонней помощи своим давним союзникам в Анголе. К тому же был, повторюсь, 1989 год и возможный захват Мавинги уже отнюдь не означал серьезного поражения для противника, а способен был лишь спровоцировать новую волну геноцида, вывести войну на очередной, еще более затяжной виток кровавой бойни.

Короче говоря, здравый смысл настоятельно подсказывал операцию не начинать, а декларированный высшим советским руководством принцип приоритета общечеловеческих ценностей во внешней политике вроде бы вообще заставлял наш генералитет от обреченной на провал идеи штурма отказаться. Но это «вроде». В народе же говорят: кому — война, кому — мать родна. И что такое для многих «наших», извините, здравый смысл? Крамола. А что до общечеловеческих ценностей, то это, согласитесь, что-то вроде гуманизма, от которого многих наших высокопоставленных военных просто мутит.

Один из них еще накануне операции не то чтобы советовал, а просто требовал, тыча пальцем в карту с обозначением объектов в тылу врага, непременно подвергнуть бомбово-штурмовому удару госпиталь повстанцев, в котором — я уверен, ему хорошо было известно — находились женщины и дети. Ну и, пожалуй, главное, грандиозность задуманного даже при минимальном, если не сказать отрицательном исходе, гарантировала получение орденов и медалей, а выезд в район, примыкавший к театру военных действий,— удостоверений участников боевых действий, вне зависимости от того, на каком удалении эти действия проводились.

Операция продолжалась около двух месяцев и шла довольно успешно до тех пор, пока правительственные войска не попали в окружение повстанцев в каких-то 20 километрах от намеченной цели. Случилось так, что именно там находился заброшенный, покинутый жителями поселок с развороченной взлетно-посадочной полосой, который наступавшие то ли по неосторожности, то ли от жары приняли за Мавингу. Так или иначе, но в генеральный штаб была направлена победная реляция.

Толком не разобравшись в топографических неточностях, Луанда стала праздновать победу, правда, в кромешной темноте. Повстанцы вместо того, чтобы колоннами сдаваться в плен и подписывать унизительное соглашение о прекращении огня, предпочли подорвать несколько десятков опор ЛЭП неподалеку от столицы.

О том, что Мавинга по-прежнему удерживается партизанами, заявил со ссылкой на данные разведспутников представитель госдепартамента США. Я, будучи переводчиком, отвечавшим за обработку информации в разведуправлении ФАПЛА, передал это сообщение по команде, но, как и следовало ожидать, уже ничто не могло омрачить победной эйфории, охватившей советско-ангольское военное руководство. Приказ партии взять Мавингу и поставить УНИТА на колени должен был быть выполнен. А то, что передовая группировка войск оказалась отрезанной и обреченной на полный хозрасчет и самофинансирование, в Луанде мало кого заботило. Подобный случай в истории ангольских военных кампаний был уже давно не первым и далеко не вторым. Еще в 1979 году в ходе малозначительной и безуспешной операции против повстанцев (тогда бандитов) в лесах Мошико затерялся, а затем вымер от голода, дизентерии и безысходности пехотный батальон ФАПЛА.

Луанда. Беззаботная и неповторимая, заплеванная и всегда единственная. Вечерами, когда газотурбины начинали гонять электроэнергию по кварталам, она освещалась местами и оглушала улицы ламбадами и кизумбами, спаивала прохожих дешевым пивом и дорогими выдержанными виски безо льда, ибо откуда было случиться льду, включала дискотеки, из которых белые ребята (не наши) вывозили на белых «Маздах» и «Тойотах» черных и светло-коричне-

* МПЛА — ПТ — Народное движение за освобождение Анголы — Партия труда.

** УНИТА — Союз за полное освобождение Анголы.

вых девчонок под утро на пляжи, и порой начинало казаться, что город живет последний день и последнюю ночь, а завтра наступит Страшный суд и, значит, сегодня надо успеть все...

Впрочем, наряду с другими были и районы, в которых нехватка электричества не ощущалась вовсе. В них жили лучшие из лучших, сверхравные среди равных — высшая ангольская номенклатура, крупные чиновники партийных, жандармских, военных и других государственно-политических ведомств, чье безбедное существование зиждилось на незыблемом лозунге: МИР — ЭТО ВОЙНА. Война питала и вскармливала олигархию. Война оправдывала наличие огромной военно-полицейской машины, на войну списывались голод, нищета, хаос и хозяйственная неразбериха. А главное — война оттеняла чудовищную коррупцию и беззаконие, в которых погрязли власти предержащие.

Тревожные сводки из района боевых действий стали поступать почти сразу после преждевременного сообщения об успехе наступления. Окруженную группировку, оставшуюся без запасов продуктов, бензина и воды, с незначительным количеством боеприпасов, повстанцы ежедневно обстреливали из минометов и разнокалиберных орудий. Тщетные попытки прорвать блокаду успеха не имели. Взорванная взлетно-посадочная полоса сводила на нет любые попытки дообеспечения частей. В конце апреля измотанные, голодные и выдохшиеся от больших потерь войска получили долгожданный приказ на отход в Куито-Куанавале. Новая техника советского производства, не способная двигаться из-за отсутствия горючего, подлежала уничтожению.

Буквально через несколько дней в Мавингу (настоящую) были приглашены иностранные журналисты на предмет осмотра окрестностей и ненарушенных фортификаций, а также присутствия на расширенной пресс-конференции, организованной лично Жонасом Малейро Савимби. Вечером того же дня состоялись помпезные торжества с салютом, фейерверками и фуршетами. Португальские журналы пестрели фотографиями разрушенной и брошенной техники, схемами с подробными описаниями всех этапов наступления и поражения, публиковались многочисленные интервью с солдатами и офицерами УНИТА, которые, между прочим, высоко оценивали тактико-технические характеристики наших БМП. Иностранные военные эксперты подсчитали, во что обошлась затея по взятию Мавинги стране, цифра оказалась внушительной — 800 миллионов долларов.

Штурм, как и предвидели несгибаемые борцы за принципы, стал последним. После него генеральный штаб ограничивался лишь проведением локальных операций и ограниченных рейдов. Наметилась было подобная авантюра на Севере, в направлении Кимбеле, но и там наступление захлебнулось, едва успев начаться.

Однако никто не смел вслух усомниться в победе. Все иностранные публикации на тему Мавинги были изъяты даже из секретной библиотеки разведуправления ФАПЛА, и мне удалось ознакомиться только с ксерокопиями и, как говорится, из рук. О том, чтобы взять в кабинет или сделать какие-либо выписки, не могло быть и речи. Спустя каких-то полгода (наградные листы ходят подолгу) СВС получали заслуженные ордена и медали.

Фактически неудача под Мавингой явилась и началом свертывания военного сотрудничества с СССР. Самые оголтелые коммунисты из МПЛА — ПТ и те поняли, что война зашла в тупик и, стало быть, необходим поиск альтернатив с наименьшими потерями для себя и своего благополучия.

БИЗНЕС

Вижу, вижу, что отвлекся, но ничего, увы, не могу поделать, настолько объемным и нетронутым представляется мне материал, и чем ближе подхожу я к финалу, тем более от него отдаляюсь.

Моя последняя командировка в Анголе продлилась недолго, всего полтора года, но по яркости красок, остроте пережитого не уступила той, что состоялась десять лет назад. Мне посчастливилось увидеть восход и закат, и эта моя статья — не более чем пестрый коллаж на темы советской небывальщины в Анголе.

Отбыв два месяца в Менонге и Куито-Куанавале, я снова вернулся в столицу. Первым ощущением в нашей Луанде было то, что я попал в опрокинутый мир с искаженным преломлением отношений, ценностей и понятий, мир, где беспощадно торжествовала теория товарного фетишизма, мир, в который СВС засылались как бы для эксперимента по выживанию — без денег и документов. И испытание это приносило самые непредсказуемые результаты.

Все же боюсь остаться непонятым, а потому детализирую. Загранпаспорт отбирался кадровиком или его подручными непосредственно в аэропорту, видимо, для того, чтобы кто-либо из вновь прибывших не надумал сигануть куда подальше, чем Ангола, причем взамен не выдавалось никакого юридического документа, подтверждавшего, так сказать, статус. Зато выдавалось ангольское военное обмундирование, а по прибытии на фронт — пистолет, автомат и патроны к ним. Теперь давайте вместе вспомним, как на языке международных конвенций называется иностранец, находящийся в чужой стране (да еще и в африканской!) без документов, но в военной форме и с оружием в руках. Не помните? Что же до денег, без которых, как известно, жизнь плохая, не годится никуда, то их просто не платили. Нет, не так, как кубинским воинам-интернационалистам. Это увольте. Зарплата в СКВ ежемесячно начислялась во Внешэкономбанке СССР. А там, в Анголе, каждый был волен выбирать сам: или, если совсем убогий, менять доллары в финчасти на неконвертируемые кванзы, сохраняя, таким образом, шанс скопить к концу командировки на южнокорейский телевизор, или, поступившись принципами, вступать на путь товарно-денежных отношений. И вступали...

Оговорюсь. Пили при всем том не меньше, чем тогда, в 1981-м, при Петровском*, когда в целях оздоровления коллектива урезали норму продажи водки до двух бутылок в неделю (на экзотические напитки типа виски, бренди, джина и т. д. лимит не распространялся), но как-то злее, с мордобоем без былой удали, беглой стрельбой из автоматического оружия или по крайности (в моей ангольской эпопее то был самый замечательный случай) с зачиткой смертного приговора ангольской охране. Утратили, одним словом, мои соотечественники душевность. Ушли в себя. Да и как не уйти, когда надломила коммерция, сделав их заложниками капитала.

Значит, так. В зависимости от высоты служебного положения, степени связей с местным деклассированным элементом и преступным миром, времени пребывания в стране и накопленного опыта, а также знания языка и прочих факторов советники, специалисты и переводчики могли посвятить себя либо бизнесу — большому и среднему, либо тривиальным, не сулившим больших доходов спекуляциям.

Про большой бизнес писать страшно. Им занимались большие люди, хотя и у них случались досадные срывы. Например, в начале 1990 года погорел по чистому недоразумению на контрабанде паркета из черного дерева главный замполит советской военной миссии. То есть он бы, конечно, ни за что не погорел, а продолжал бы и дальше служить, претворяя в жизнь идеи и помыслы КПСС, не вмешайся в это темное дело посол. Они, эти гражданские, вечно лезут куда не надо. Так что пришлось применить к бравому генералу высшую меру — отправить на Родину.

Я расскажу про средний. Итак, для начала нужно было создать стартовый капитал путем продажи добра, привезенного из Союза. (Я по возможности буду использовать устоявшуюся терминологию.) Лучше всего прочего — плиток, одеколона, часов и кипятильников и т. п.— покупался водяной электронасос «Малыш», за который местная сторона без колебаний отстегивала 500 тысяч кванз (указываемые цены существовали до денежной реформы в НРА в октябре 1990 г.). Далее следовало ехать на рынок с целью закупки большой партии пива и ждать того заветного дня, когда в одну из северных или восточных провинций полетит ИЛ-76. Затем товар привозился в аэропорт, грузился на транспорт и отправлялся к месту назначения, где груз встречал посредник из наших, продававший пиво уже вдвое, а то и втрое дороже, оставляя себе определенный процент. Если за дело брались люди серьезные, то сделка происходила без посредничества и намного быстрее. Груз сопровождался тертым переводчиком-экспедитором, который сдавал пиво в тот же день и возвращался в Луанду обратным рейсом.

Пивной бизнес считался в коллективе СВС элитарным. Далеко не все имели в своем распоряжении транспорт, выход на провинции, не говоря уже о достаточных начальных накоплениях. Высокая прибыль, получаемая с пивных дел, позволяла, в свою очередь, скупать доллары на черном рынке, что делало этот вид коммерции выгодным абсолютно. Доллары как бы материализовались из воздуха. Наряду с этим существовали и другие способы наживы, такие, как спекуляция большими партиями кофе и рыбы, однако для основной массы СВС они были труднодоступны и хлопотны.

Печальным же уделом остальных было продавать электроприборы, бакалею, предметы быта, повседневного и личного туалета, а равно и ворованное ангольское имущество. Хотя ненасытность советского человека поистине беспредельна: иная жена подпольного миллионера не могла удержаться от того, чтобы не впарить за гроши перед отъездом в Союз свой потрепанный бюстгальтер местной бомжихе.

И вся эта купля-торговля, это гнуснейшее унижение, этот советский рай происходили под палящим солнцем, в чадящем дыму и нестерпимой вони луандских рынков, напоминавших свалку великой цивилизации. Вот роется в едкой пыли среди кучи шмоток, свезенных в Анголу с лучших европейских помоек, жена полковника Н. Она выбирает себе покупку где дешевле. А напротив сам полковник Н., мокрый и толстый, в вышитой рубахе навыпуск и сандалиях «прощай, молодость» на босу ногу, растягивает, словно ухарь-коробейник, пестрый ситчик перед сморщившимся от брезгливости перекупщиком. Должно быть, Н. получил накануне из Союза с нарочным партию мануфактуры. Дальше слева заирские ряды, где наши с гиком и матом, навалившись на капоты ихних «ситроенов», скупают оптом контрабандный товар числом поболее, ценою подешевле. А вон вчерашний командир полка в майке, длинных трусах с надписью «О, Бразил» и мягких домашних тапочках решает вопрос, что сегодня пить. Тут все очень сложно. Все эти «белые лошади», «грансы», «хейги»... «Джони волкер» (в 1979-м переводилось как «Гуляй, Вася»)...

— Сергей, ты у нее спроси, а скоко будет градусов? Шо, выски, они же, Сергей, як буряковый самохон. Не, хуже буряковой. А водки нема?

Довольно. Можно было бы продолжать и продолжать, но, опасаясь окончательно заблудиться в путаных лабиринтах советской Луанды 1988—1991 годов, я предпочитаю подвести черту.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Конец не был неожиданным, пожалуй, ни для кого. И если я скажу, что он был предрешен еще в середине 70-х, то, ей-Богу, не погрешу против истины. Большая политика стоит больших денег, и когда в декабре прошлого года прибывшая в Луанду советская делегация впервые за 15 лет военного сотрудничества заговорила о деньгах, ангольский миф лопнул как мыльный пузырь.

Уже в январе мы начали уезжать и уезжаем по сей день. Так много нас там было. Только ли в суммах дело? Думаю, нет. Во-первых, и это немаловажно, в Анголе, несмотря на напор нашего генералитета, заканчивался самый длительный в истории Африки военный конфликт. Во-вторых, советская военная машина не смогла за все эти годы справиться с главной задачей — построить сильную, боеспособную армию, которая могла бы если не победить, то хотя бы локализовать действия вооруженной оппозиции. О слабости и недееспособности советнического аппарата не раз говорил в многочисленных интервью, особенно в последние месяцы, и сам Жонас Савимби. И, в-третьих, ангольские офицеры имели возможность рассмотреть СВС вблизи.

Во сколько же нам обошлась защита передовых рубежей Родины в Анголе? Теперь уже точно не знает никто, а если и знает, то либо соврет по привычке, либо не скажет. Если же верить западным источникам, то всего в каких-то десять миллиардов долларов. Хотя я сильно подозреваю, что они посчитали далеко не все.

И еще. Отгуляв положенные отпуска, я направился в ГУК с твердым намерением увольняться из рядов непобедимой и легендарной. Служить в этой армии мне больше не хотелось, что бы и где бы мне ни предложили, хотя мое ущербное социальное происхождение (отец — инженер, мать — учительница) никогда не сулило мне особых взлетов.

В том, что меня отпустят на свободу с чистой совестью, я почти не сомневался. Но... Уволиться? Пожалуйста — по несоответствию занимаемой должности. Но ведь можно, наверное, по сокращению? «Нет, по сокращению нельзя, у нас указание». В моем рапорте это выглядело так: «...от полковника П. получил разъяснение о том, что в соответствии с действующим ныне законом о прохождении воинской службы в СССР я не могу быть уволен по сокращению штатов, а потому настаиваю на увольнении в запас по несоответствию занимаемой должности».

Такие дела. Прослужив в этой армии 14 лет, я, офицер в чине капитана, владеющий двумя языками, с солидным опытом работы как в Союзе, так и за рубежом, в возрасте 33 лет оказался не соответствующим должности старшего переводчика.

Увольняюсь по последнему месту службы. В сердце сладко защемило — Одесса. Город, в котором я за четыре года сменил десяток квартир, скитался по хибарам и домам отдыха, но в котором есть Французский бульвар и родной Воронцовский переулок, Молдаванка и Па де Рояль, где живут самые лучшие люди на земле — одесситы.

Вот мое училище. Здесь в лучшие годы я наматывал по 150 часов (по 6 часов в день) двустороннего перевода в месяц. И было так: шесть часов до обеда, потом письменный перевод технологических карт, а вечером — два часа ремонтной практики в цеху. Всю осень, с обеда и до темноты изнуряющие подготовки к параду, чтобы 7 ноября бездомные, бесправные офицеры лихо чеканили шаг, держали строй в виду отцов городской мафии и членов их семей. И постоянные поиски жилья, угля, дров... Узнаю: в училище сегодня 200 бесквартирных офицеров.

Прощай, непобедимая и легендарная.

* Петровский, генерал-лейтенант, главный военный советник в НРА с 1980 по 1982 год. При нем пьянство в коллективе СВС достигло апофеоза, ходить по территории военной миссии без фонарика было опасно — на асфальте с наступлением сумерек лежали советские люди.

Ваиз ЮНИСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

СТАВКИ СДЕЛАНЫ?

В первый же день, поставив на гнедого жеребца Эльбарса, я проиграл свои первые пятнадцать рублей: победительницей стала рыжая кобыла Арабеска под управлением мастера-жокея В. Мельникова.

Круг был сделан, лошади финишировали, счастливцы рванули к кассам оплаты, а невезучие вновь выстроились у касс продажи, отдавая деньги на следующий заезд: ведь можно же, очень даже возможно выиграть. На днях один новичок, наподобие меня, поставил рубль на «тройном экспрессе» и выиграл 36 тысяч «фанеры». Собственно, на это «авось», на извечную надежду человека выиграть и рассчитан молох ипподрома — АСУ-тотализатор, компьютеризированная система по изъятию у фанатиков лишних совзнаков. Ежегодная прибыль ипподрома, который живет за счет тотализатора,— более трех миллионов рублей; миллионов десять оседает в карманах частных лиц, букмекеров, у которых свой тотализатор: голова и кошелек. Когда судья бьет в колокол, объявляя очередной старт лошадей, АСУ-тотализатор автоматически выключается, кассиры прекращают прием ставок, толпа бежит вновь к трибунам, ругаясь по-матери и потрясая программками. В этот самый момент и появляются букмекеры, завсегдатаи ипподрома. Они принимают ставки от распаренных на летней жаре болельщиков.

Если государственный тотализатор забирает двадцать процентов от выигрыша, то букмекеры кладут в карман всю свою прибыль.

— Бороться с ними практически невозможно,— размышляет Владимир Бусыгин, заместитель директора ипподрома.— Да, они обманывают своих, обманывают государство. Да, у них левые ставки, опустошающие наш тотализатор, но статьи в законодательстве, пресекающей этот вид жульничества, нет. На Западе — другое дело. Там букмекерство официально разрешено. Пожалуйста, открывай на ипподроме свою контору и не забывай платить налоги.

На памяти у Бусыгина выдающийся жулик бегов некий Мильман. Он был самым серьезным конкурентом тотализатора, равных себе не имел. Он, Мильман, каждого «своего» игрока помнил в лицо, мог от нескольких десятков «тотошников» принять ставки, знал, кто сколько дал и кому какой выигрыш вернуть. Бывали случаи, когда Мильман покупал сразу всю толпу, выписывая каждому игроку по сторублевке, но с одним условием, чтобы тот ставил на нужную лошадь. Таким образом купленные игроки блокировали все кассы. Публика, ошарашенная таким ажиотажем, бежала назад, к другим букмекерам, и тоже ставила на новоявленного фаворита.

Мильман, впрочем, за несколько дней знал, какой жеребец придет первым сегодня, в этом заезде, и преспокойно ставил на него крупную сумму. Словом, это был великий путаник и махинатор.

— Где же теперь этот человек?

— Не знаю.— Бусыгин разводит руками.— Его уже несколько лет нет на ипподроме. Говорят, сел за какие-то другие аферы.

А жаль: в наше время мог бы стать блестящим биржевым маклером.

Бега рысистых и верховых лошадей между тем продолжались. Проиграв еще один червонец, я выиграл сумасшедшую сумму: два рубля двадцать копеек!

Вот судья объявил со своей «голгофы» (так они между собой называют судейскую башенку) проминку, то есть показ зрителям экипажей очередного заезда. Под звуки традиционного марша лошади с наездниками в качалках вышли на беговую дорожку; заядлые игроки записывают каждое их движение, поворот головы в свои «молитвенники»: ведь это целая наука — определить предстартовое состояние животного, его силу и резвость. И вовсе не обязательно, что жеребец, который залихватски гарцует на проминке, победит в скачке, а унылая, не в духе, кобыла ее проиграет: у последней могут неожиданно проявиться бойцовские качества.

«Какая лошадь придет первой?» «На какой номер сделать ставку?» Многие из зрителей по тридцать — сорок лет ходят на ипподром и не могут дать на эти вопросы стопроцентного положительного ответа. Годами изучают повадки лошадей, разрабатывают у себя дома бесчисленные вариации побед и проигрышей, коллекционируют программки — словом, имеют довольно обширное досье. Конечно, они не такие специалисты по четвероногим красавцам, как доктора наук из ВНИИ коневодства и коннозаводства, они не шибко разбираются в премудростях селекции и отбора, но будьте уверены: психическое и физиологическое состояние животного перед стартом они порой определяют невооруженным взглядом или при помощи бинокля.

Этих людей на ипподроме называют «профессорами».

Делают суперставки «профессора» крайне редко, но, как говорится, метко. В отличие от полупьяного люмпена, которому все равно, на кого ставить, на таракана или на лошадь, «профессор» знает толк в лошадях. И за деньгами не очень-то гонится: деньги, дарованные Судьбой, все равно уйдут в песок, сама Судьба их же и отнимет здесь.

Но все же чья лошадь придет первой? Чью голову зафиксирует беспристрастный фотофиниш?..

Мой сосед в зрительской ложе парикмахер Володя:

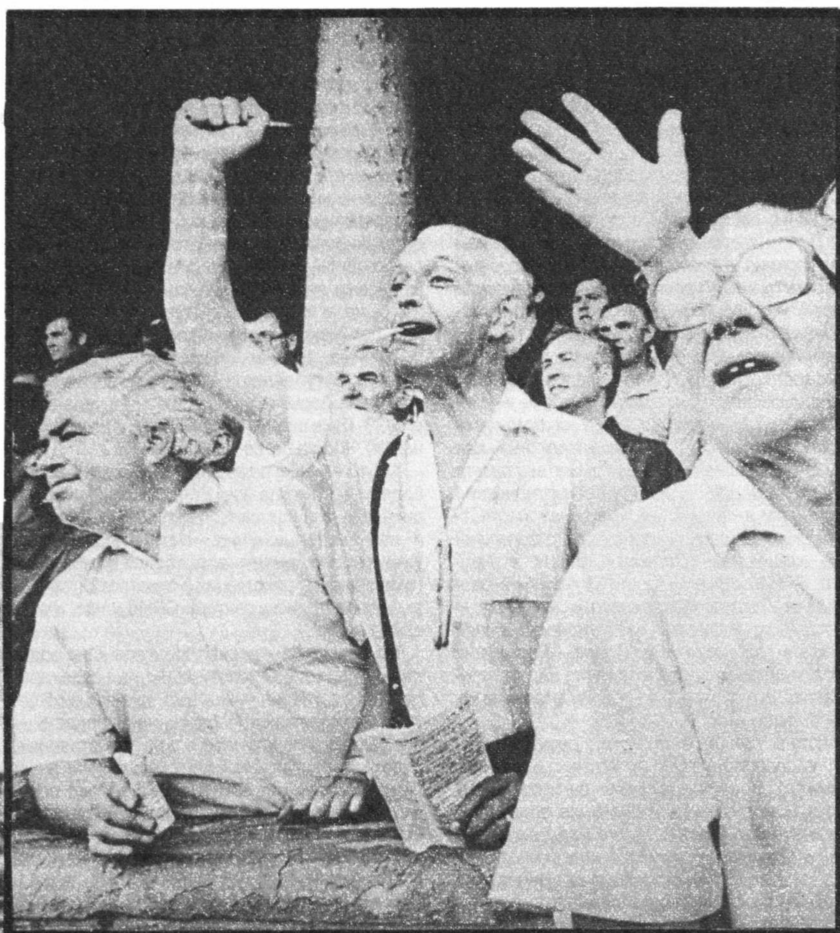
— Ну, давай сыграем вдвоем на одну комбинацию, скинемся, что ли?

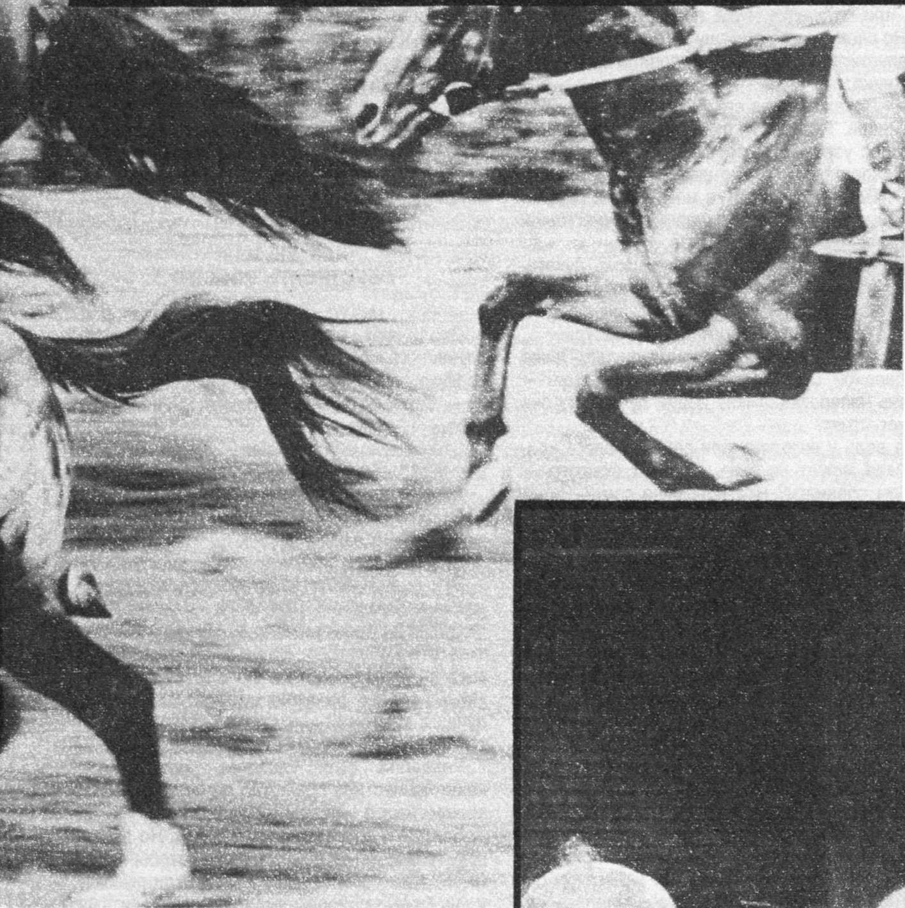
— Я пока не буду играть. Я уже четвертной проиграл,— отвечаю.

— Эх, старик! Сегодня я уже шестьдесят упустил. Вообще за семь лет я здесь проиграл все — мебель, телевизор, сбережения тещи. Жена вот ушла, детей забрала. Значит, и семью я проиграл. Так-то. Давай поставим вон на того серого в яблоках..

Народ на ипподроме суеверный, нервозный. Каждое объявление, изрекаемое с судейской «голгофы», оценивает еще с каким-то другим, доходящим порой до бреда подтекстом, делая при этом пометки в программках и даже на ладонях. Оцениваются и анализируются даже объявления справочного бюро. Так, перед девятой скачкой голос в репродукторе объявил, чтобы водитель машины 2956 марки «Жигули» срочно явился на автостоянку. Через минуту диспетчер расширила информацию, сказав, что «Москвич» 2967 мешает «Жигулям», и чтобы его водитель тоже вышел на стоянку. Что тут творилось! Зрители стали складывать объявленные четырехзначные номера машин, вычитать, умножать, будучи уверенными, что руки всесильной мафии дошли аж до справочного бюро, дав набором цифр необходимую информацию букмекерам, жокеям и даже администрации.

В «одинаре» все, конечно же, поставили на кобылу под номером 2, устроив настоящее столпотворение у касс. Ставили и по рублю, и по десятке, и по сотне. «Черная касса» мошенников-аристократов играла на галерке по тысяче с носа.

Кобыла и в самом деле считалась фавориткой скачки, всю дистанцию галопировала второй, чувствовалось, что на финишной прямой жокей мог бы ускорить ее ход, но, увы, неожиданно лошадь тормознула, чуть сдержав стремительный свой галоп, пропустила вперед двух конкурентов. Тысячеголовая толпа заорала, затопала, обвинила судей, жокея и даже кобылу в том, что они жулики и шпана и что всадника надо отправить на мыло, а его темную лошадку — на мясо в зоопарк.

Жадный и равнодушный молох тотализатора проглотил очередные 40 тысяч рублей и объявил на табло победителя — жеребца, рожденного в Ирландии,— Энтерпрайза.

Следующая скачка была признана недействительной. Случилась весьма нелепая, аварийная ситуация. На повороте дорожки откуда ни возьмись нарисовалась заблудшая собачонка, загавкала на коней. Те шарахнулись от псины, смешались в кучу, раздавили дворнягу насмерть, попадали, поскидав с себя ездоков.

Ставки были возвращены игрокам. «Нештатная» ситуация: деньги обычно отдают только после фальстартов.

Однако, думается, подлинный фальстарт довольно часто делают не на беговой дорожке, а в конюшнях, в гостинице «Бега», где живут командированные жокеи,— там конникам предлагают «приз», в несколько раз превышающий сумму официального, указанного в буклетах. Если учесть, что зарплата советского наездника триста — четыреста рублей, а работа с лошадьми с раннего утра и до позднего вечера и что победивший получает лишь тридцать пять процентов от суммы грошового приза, то нетрудно догадаться, почему порой спортсмены сдаются дельцам. А почему бы, собственно, при сегодняшних ценах не взять сто или тысячу рублей, когда тебе говорят: «Приди последним»,— тем более что ты и не рассчитывал и вообще не мог прийти первым.

Не надо полагать, что администрация, тренеры об этом не знают. Знают, но ничего сделать не могут, потому что это недоказуемо: сделки происходят без стороннего взгляда.

Успокою московскую «лошадиную» общественность: отнюдь не все заезды и дерби спланированы мафиози и далеко не все конники получают от них мзду. Лишь самая небольшая часть ездоков сделала ставку на деньги, а не на собственную репутацию. Например, мастера международного класса никогда не пойдут на криминальный сговор. Лично мне ни один хитрющий жокей не встретился за барьером и общаться приходилось лишь с асами рысистых испытаний — с такими, как Николай Насибов, воспитавший легендарного скакуна Анилина, или с Антоном Тарабуевым, специалистом по «русским тройкам». Эти люди никогда не разменяют свой авторитет даже на самую сногсшибательную сделку. Влезая в такие отношения, ты становишься «своим» в этой темненькой публике, и тогда относятся к тебе соответственно.

Когда убили наездника Кожаева, сбросив беднягу с моста, никто из его коллег особенно не удивился. Человек получил приличную сумму, но не пришел к финишу на «оплаченное место».

И все же не забудем общечеловеческой слабости к деньгам и унизительного положения советских конников по сравнению с их западными коллегами.

— На бегах в Париже,— рассказывает лучший наездник ипподрома Миша Козлов,— я с горечью узнал о тамошних призах и понял, что ни один уважающий себя наездник и даже конюх не пойдет на тайный сговор. Во-первых, это скандал, потеря своего имени, лицензии. Во-вторых, призы там гарантированы почти каждому. В отличие от наших соревнований там разыгрываются не три, а пять платных мест. Представляешь, из шести участников заезда пятеро получают денежные премии, и немалые. Последнему, пятому призеру вручают 500 долларов, чтоб не заплакал от обиды.

— А вы сами играете в тотализатор?

— Нет, это категорически запрещено инструкцией ипподрома. У нас никто не играет, потому что, как говорит высокое начальство из Минсельхоза РСФСР, возможна утечка служебной информации. Но это очень глупый запрет. В Швеции, к примеру, программки бегов более обширны: специалисты, ученые и сами конники определяют шансы каждой лошади-участницы.

— А к тебе приходили игроки узнать о шансах скакунов?

— Миллион раз. Эти делопуты слоняются в конюшнях ежедневно, домой звонят, деньги предлагают: народ-то нынче разбогател неизвестно на чем — взятки выросли в несколько раз. Лично я их отфутболиваю. Мне эти намеки, честно говоря, осточертели, потому что делают их люди низкого полета, для которых холявный чистоган — смысл жизни. Они не понимают, что есть нечто более важное, ради чего не поступишься совестью. Для них, например, неведомо, что благодарный и доверчивый взгляд любимой лошади дороже этих грязных рублей. По их разумению выходит, что из-за «деревянных» я должен либо загнать лошадь на финише, либо сорвать ей сухожилия, пропустив умышленно кого-то вперед. Если честно, то мне уже давно с лошадьми общаться интереснее, чем с человеческой породой: люди злы, алчны, обманчивы. Лошади — нет. Жаль, что этого не понимает публика на трибунах. Игроки ведь в случае своего проигрыша всех нас под одну гребенку чешут.

...Существует два ипподрома: ипподром денег и обмана и ипподром, где любят и поклоняются ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ ЛОШАДИ. Это особенный, с запахом конского пота и навоза, необычный мир доброго и вечного союза человека с животными, мир, о котором удачно выразился Александр Куприн: «Кто полюбил наше конное дело, то уж на веки веков! Отстать от него нельзя... Истинного любителя лошади всегда будет восхищать ее стремительный бег...»

...И вновь удар в колокол — потекли рубли, побежали рысаки по тому же самому кругу, по которому мчались их предшественники последние 158 лет.

КРУГОМ

Александр МИНКИН

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Помните, ПП (Приятель Подруги) велел Наташе лететь из Варшавы не раньше понедельника? Подполковникам это страшно не понравилось.

— Почему?

— В субботу — воскресенье улицы пустые.

Когда безлюдно — негодяям трудно наблюдать за жертвой, оставаясь незамеченными. Многие детали говорили, что работают профессионалы. Требование прилететь в будний день — такая деталь.

Но все — домыслы, догадки, фантазии.

Реально подполковник С. (МУР) и полковник Л. (КГБ) и их начальники НИЧЕГО не знали. Где похищенный? Кто похитил? Как ловить? Пойди туда — не знаю куда.

Кстати, о фантазиях. В Польше в банке Наташа получила, как и говорила, 10 000 долларов, а не 19 000. Кому-то померещилось, а наши подполковники Бог знает что думали из-за «лишних» 9000.

Теперь оставалось только тянуть время и рассчитывать на ошибку негодяев. И на кое-что еще (тут, разумеется, дырка).

Наташа (по инструкции) наврала ЖПП номер поезда. Уехали из Варшавы на два часа раньше. В надежде избавиться от встречи на вокзале в Москве. Не исключалась вероятность, что нападут и ограбят по дороге домой.

Однако двухчасовой запас не гарантирован. ЖПП могла пойти на вокзал провожать. И, не обнаружив Наташу, телефонировать в Москву. Но если ЖПП и не сообщница — от этого не легче. Негодяи вполне могут встречать все поезда подряд.

На всякий случай Наташу увезли в «МОСТ». Там ей опять внушали: главное — сначала муж, потом деньги. Наконец отвезли домой.

Ее ждали. Еще до ее прихода звонили дважды. Только вошла — сразу звонок:

— Сколько собрала?

— 96 000 долларов.

Так условились. Некруглое число — достовернее.

В реальности же было 40 000 (10 тысяч из Варшавы и 30 тысяч, которые дал «МОСТ»).

Негодяи посовещались:

— Добирай. Ищи деньги. Или...

Наташа послушно обзванивала знакомых, просила в долг. Вполне вероятно, что кто-то из адресатов был причастен к похищению. И Наташа надеялась, что негодяи убедятся: она ищет недостающую сумму.

Поздно вечером звонок:

— Давай, сколько есть. Остальные — потом.

Наташа плакала:

— Я вас боюсь! Я вам не верю! Я умираю! Идти не могу! Ноги отнялись!.. Может, вы мужа уже убили!..

Чувствовала она себя ужасно. Жить ей уже не хотелось. Да и какая психика выдержит? Вторую неделю на нее давили с двух сторон: «отдай» и «не отдавай» — а на карте жизнь мужа.

В полночь позвонил муж:

— Положи деньги в сумку, поставь на окно и столкни вниз.

Мужу отказать она не смогла.

Все эти дни заложник жил в полной темноте. Сразу после удара по голове ему заклеили глаза. Как советский человек мог выжить 12 дней без телевизора и газет — непонятно.

Кормили «из ресторана». Прогулки — исключительно на машине — к очередному телефону-автомату. Постоянно под наблюдением двух «качков». Наедине с собой заложник оставался только в туалете. Пару раз были неплохие шансы на побег. Соблазну не поддался. Убежишь — а потом? Всю жизнь прятаться? Не гулять с собакой? Удрать в Польшу? Найдут и там. Тем более что домашний телефон в Варшаве негодяям известен. Сразу дал и телефон жены, и телефоны всех, кто мог помочь найти деньги для выкупа. Скорее заплатить и оказаться на свободе. А там посмотрим. Еще рассчитывал: чем больше контактов бандиты установят, тем больше шансов, что их поймают. Его не били, не оскорбляли. Но постоянно твердили: думай, где найти деньги. И поскорее. Не найдешь — отдадим тебя нехорошим людям. Они тебя будут держать в яме. Будут очень плохо обращаться, потеряешь здоровье. Конечно, он надеялся, что «органы» работают, но чем все это кончится?.. И из классической дилеммы: кошелек или жизнь — он сразу выбрал то, что дается человеку только один раз. И не хотел, чтобы ему было мучительно больно.

Поэтому, когда негодяи решили немедленно забрать 100 000 («Остальные отдашь потом!»), он безропотно позвонил жене. Да и грех жаловаться: требовали 250 тысяч, а соглашаются отпустить за сто. По дешевке. За три миллиона рублей (по реальному курсу).

— Поставь сумку на окно. Выключи свет. И через минуту столкни вниз.

Внизу была очередная горячка.

НОЧЬ КОРОТКА

Наши почему-то были уверены, что в этот вечер ничего не произойдет. Может быть, дикая усталость внушала подсознанию эту уверенность. Но и логично: Наташе велели искать недостающие 50 000, обещали звонить утром — значит, будут ждать.

Дом, где живет Наташа, охранялся серьезно: трое — в квартире, вокруг — десятка два, на дальних подступах — семеро. И дом оцеплен, и квартал. Бояться нечего. Подполковники поехали спать. Кончились десятые сутки, полные злотых, долларов, тринадцатых номеров, флюсов, вежливых поляков и наглых проводников.

С. отмокал в ванне. Л. уже спал. В этот момент «контора» услышала требование: готовь деньги. Разбудили Л., а машину-то он уже отпустил. А ехать на край света...

Подняли с постели генерального директора «МОСТ». Тот сам сел в машину, помчался к Л. и не доехал. По дороге машина сломалась.

С. уже сидел на телефоне. После приказа бросать деньги из окна стало ясно: негодяи едут к Наташе.

С. скомандовал группе захвата: «На выезд!» Группа похватала амуницию, попрыгала в машины, рванулась к воротам и ...

...Тут — дырка. С огромным сожалением я вычеркнул 14 строк. Эпизод, способный украсить самый роскошный голливудский боевик, но, увы, недопустимый в «огоньковской» публикации о живых людях.

При первой моей встрече с полковником Л. и подполковником С. они рассказывали, а я записывал. При второй встрече — они читали, а я вычеркивал. Видя их огорчение и обеспокоенность, я рассказал им, как в 1988-м в Ташкенте ученая дама выложила мне информацию о детской и материнской смертности в связи с дефолиацией хлопчатника. Милую даму уволили на следующий день, как номер «Огонька» пришел в Ташкент. Л. и С. почему-то эта история не рассмешила. Зато теперь, сказал я, эта дама — доктор наук, эксперт ООН по экологии и член комитета по спасению Арала. Полковник и подполковник не повеселели. Видно, перспектива стать экспертами ООН огорчила их еще больше.

Мотивы бандитов понятны: рискуют жизнью и свободой ради богатства. А мотивы сыщиков? В момент захвата бандиты очень злятся и могут убить. А в случае провала — оставшегося в живых сыщика могут разжаловать, а при скандальном провале и посадить.

...Примчались, окружили дом. Через час перехватили очередной звонок:

— Сейчас подъедем. Или выбросишь сумку, или получишь мужа по частям.

Но сломленную Наташу к телефону уже не подпустили. С негодяями говорила сестра заложника:

— Покажите мне его. Чтобы я видела, что он живой. Темно? Ну, пусть крикнет со двора, я голос узнаю и выброшу сумку.

Подполковник С. по радио скомандовал:

— Всем спрятаться, в машинах не сидеть.

Подъехавшие за выкупом должны были увидеть пустой ночной двор.

Ночью на окраине Москвы тишина. Духота. Даже птички не поют. Бандитов может неприятно удивить шум. Писк, треск, шипенье и голоса, хрипящие: «Сокол! Я — Незабудка!»

По этой примете даже юный пионер, даже в дневной суете определяет: мент идет — прячь наперстки. Тихие рации лучше, но они денег стоят.

А ведь у негодяев при себе никакого криминала может не быть. Если их схватить — в чем обвинять? Что ночью не спят?

Команда: с приближением посторонних — рации отключать. Это правильно, чтоб не спугнуть. Но это и ужасно: ближайший к бандитам ОМСНовец не может получить указаний, не может сообщить, что происходит рядом с ним.

По огромному двору, набитому выключенными рациями и затаившимися ментами, слоняются три тени, лиц не видно.

Брать? Но им не только не предъявишь никаких обвинений, они и в самом деле могут ничего не знать. Было же предупреждение: за деньгами приедет посредник. Брать его бесполезно — он не знает, что будет в сумке.

А в сумку, кроме долларов, велено положить брюки и рубашку. Мол, вещи приятеля выручаем от любовницы.

Бог его знает, чем бы это кончилось, но наши получили нежданное подкрепление. Во двор въехала «канарейка» — обычная районная желтая патрульная машина.

Ее увидели все: и затаившаяся группа захвата, и предполагаемые бандиты.

Патрульные не заметили ничего. Во дворе было не менее 20 вооруженных людей. Двор голый, без кустов...

Конечно, в данном случае хорошо, что патруль ничего не заметил, ничего не испортил. Но и грустно. После таких историй беззащитность ощущается несколько отчетливей.

Начался рассвет. Все рассосалось само собой.

КТО ВИНОВАТ?

Мне, как и всякому журналисту, хочется написать: мол, организованная преступность — как СПИД. Мол, если не будем готовиться к отпору — эпидемия неминуема. Увы, я где-то уже это читал.

Однако и о СПИДе первые статьи появились достаточно рано, чтобы предупредить об опасности. А если кто-то и поверил, будто СПИД вырастили в Пентагоне,— тем более следовало отнестись серьезно. Не отнеслись. Именно **после** многочисленных статей дети и роженицы начали заражаться СПИДом в государственных больницах. Под разговоры о гуманности, под торжественные речи о дареных шприцах, под наглую торговлю этими шприцами на черном рынке.

То же и с мафией. Статьи-предупреждения, полицейские «мерседесы» (поступающие в личные гаражи министров и замминистров)... Вступление в Интерпол так же мало поможет борьбе с мафией, как членство в ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения) — борьбе со СПИДом.

СПИД — еще полбеды. Во-первых, им заболеют далеко не все. Во-вторых, когда американцы придумают вакцину — подарят и нам (если, конечно, к тому времени не начнем опять махать водородной бомбой, организовывать революции на островах свободы и сажать диссидентов). СПИД у нас, к счастью, общий.

Мафия у нас, к несчастью, своя. Она родилась и выросла в условиях, не имеющих аналогов. Она так же уникальна, как наше общество. У советских собственная гордость — это так. Но и преступность у нас собственная, отдельно взятая. Не хочу сказать, что наши бандиты родом из Октября. Но только потому, что все мы оттуда родом. И колхозное крестьянство, и трудовая интеллигенция, и гегемон. Оттуда и «Огонек», и «Наш современник». Оттуда все и вся. Американская полиция уже сформулировала отличие русских гангстеров: исключительно жестоки, применяют оружие не раздумывая.

Больное общество. И мафия — одна из болезней. Другой вопрос, ощущает ли горбатый свой горб как болезнь?

Если все дают взятки всем — как выделить мафию? Когда гангрена пошла по всему телу, уже не отрежешь больное место. Ну и так далее.

КАК БЫ НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

Около трех утра во вторник, 9 июля, после случайного проезда патрульной «канарейки» прошел негодяйский звонок:

— Так мы не договоримся. Пеняйте на себя.

Стало ясно: на сегодня — отбой. Вероятнее всего — до следующей ночи.

Л.: Это хорошо.

С.: Это плохо.

Л.: Ночью нас не видно.

С.: Ночью им убежать легче.

Эти разногласия понятны. Для КГБ главное — наблюдение. Для МУРа — захват. КГБ любит наблюдать годами. МУР предпочитает схватить побыстрее. Разные объекты, цели, задачи определяют и различный стиль. «МОСТ», как Мичурин, мечтает скрестить лучшие качества.

Почему «МОСТ»? Сейчас разберемся.

Разделим (для удобства рассуждений) наше несчастное общество на четыре части: вожди, народ, милиция, бандиты.

Бандиты, конечно, плохие люди. Но взглянем трезво: кто заинтересован, чтобы их не было? Само собой, не вожди. Вожди высоко, у них большая хорошая охрана, с бандитами они никогда не сталкиваются. Та же ситуация, что с продовольствием. Для народа это проблема, для вождей — программа. Ни один вождь еще не столкнулся с отсутствием сыра. В этом все властители одинаковы, даже если не так откровенны, как Мария Антуанетта. (Она блестяще сформулировала королевскую продовольственную программу: «Если народ не имеет хлеба — пусть он ест пирожные». Ее печальная участь отучила вождей откровенничать.)

Заинтересована ли милиция в уничтожении преступности? Вероятно, да. Но бандиты вполне способны платить милиционеру в день больше, чем тот получает от государства в месяц. И платят. В этой ситуации остается рассчитывать на идеалистов. Видимо, ими и укомплектован ОБХСС.

Народ ненавидит насильников, воров, хулиганов, но денег на охрану у народа нет.

Окончание. См. «Огонек» № 31.

И это понятно. Народ содержит и правительство,и охрану правительства. На себя просто не остается.

Но довольно энергично в среде народа возникает новый слой. Как ни назови (кооператоры, предприниматели, бизнесмены), но эти люди не любят бандитов. Богатые ненавидят бандитов сильнее, чем бедные. Богатым есть что терять, а бандиты хорошо знают, где найти.

Расслоение, происходящее в нашем обществе, вызывает у народа гнев и отвращение. Эмоции сильны, спорить бессмысленно. Даже многие ученые, писатели и депутаты (все недавно вышедшие из народа, но не ушедшие далеко) считают, будто кооператоры порождают преступность. Неудивительно. И великий Аристотель, и средневековые гиганты мысли были убеждены, что черви в мясе заводятся от солнечных лучей. Иное мнение считалось ересью.

Итак, расслоение. По опыту развитых стран видим: слой обеспеченных людей растет. Слой люмпенов — сокращается (а если растет, то за счет иммигрантов).

У нас слой обеспеченных начал расти сам. А вот люмпенов мы, похоже, выращиваем.

На государство, которое начинает регистрацию безработных, имея в Конституции «Право на труд»,— на такое государство рассчитывать нечего.

Выброс людей с работы при стремительном росте цен можно в некоторой степени интерпретировать как государственную поставку кадров в бандитские формирования.

К богатству только два пути: заработать самому или отнять у другого. Первый путь долгий. Второй — мгновенный, а главное — идеологически родной.

И все-таки большинство работает. А тот, кто работает, хочет порядка. Порядка требуют шахтеры, авиадиспетчеры и даже народные депутаты (сам слышал по ТВ).

Но, как видим, и забастовки, и парламентские дебаты, требуя порядка, только увеличивают беспорядок. Заботясь о процветании, усугубляют хаос и нищету. В этом народ и Павловы — едины.

Бурно растущая преступность. Бурно растущий класс предпринимателей. И та, и тот развиваются опережающими темпами. Кого опережают? Естественно, государственные структуры, которые даже нельзя назвать медлительными, они просто буксуют.

Росту новых экономических структур государство постоянно препятствует: безумная чехарда тарифов, налогов, запретов, мобилизация народного гнева...

С преступностью же борются статьями в газетах. Кажется, не слишком эффективно.

В реальности (пусть это досадно и противно) есть только одна надежда на некоторое укрощение преступности. И это не ТВ-беседы о прекрасном (беседы хороши, жаль, бандиты не смотрят). Крупные частные корпорации, большие производственные кооперативы, СП, акционерные компании более всего заинтересованы в стабильности и порядке. Пусть они новые, но по своей природе они консервативны. Их деятельности противопоказаны и налеты, и революции.

Эти структуры в состоянии организовать собственную охрану и готовы субсидировать государственные спецслужбы. Тогда и перестанут хрюкать рации группы захвата.

СТРАНА ЧУДЕС

Во вторник, 9 июля, в полдень состоялось совещание в Прокуратуре Москвы с участием КГБ СССР и МУРа. Обсудили стратегию предстоящей операции. Оценив ночную нервотрепку, поняли, что двор и окрестности дома, из окна которого может в любой момент вывалиться сумка, набитая валютой, должен живьем увидеть руководитель операции — начальник МУРа полковник Егоров.

В 12.30 участники совещания двинулись на рекогносцировку. Понимали, что негодяи непрерывно наблюдают за домом. Поэтому, подъехав, все выключили свои рации.

Именно в эту минуту КГБ наконец добился успеха: есть адрес заложника!!!

(Тут дырка для читателей, не для меня.) Немедленно туда помчалась дежурная группа захвата. Задача одна: секретно обложить дом и более ничего. Ждать указаний.

Одновременно с отправкой группы спешно искали по радио руководителей операции, чтобы доложить потрясающую новость и принять решение. В эфире была тишина. Все были возле дома Наташи и все (в этот момент) с выключенными рациями.

Наконец связь прорезалась. Во главе с начальником МУРа попрыгали в машины, понеслись к заложнику.

Ситуация труднейшая. Окружить совершенно незнакомый дом. Откуда подъехать? Где спрятаться? И все — на глазах у бандитов.

Теперь эфир был совершенно забит переговорами. Насколько далеко от дома следует покинуть машины? Как, не привлекая внимания, занять позиции?

Следующий этап еще сложнее. Хорошо: знаем, где заложник. Плохо: как войти, чтоб его не убили?

Неслись как на пожар.

И напрасно.

Заложника в квартире не было. Уже не было. «Органы» этого не знали и знать не могли.

Такое впечатление, будто сценарий писали в Голливуде (серьезнейшим образом предупреждаю кинематографистов о своих правах).

Заложника перевезли — случайно! — как раз в тот момент, когда ради конспирации пришлось выключить рации.

Представьте, группа мчится выручать заложника, а он в это время звонит жене из очередного автомата:

— Сейчас за деньгами приедет Е. (хороший знакомый.— А. М.).

Перехваченную новость немедленно сообщают по рации в машину полковника Егорова — начальника МУРа. В этой же машине подполковник С. Летят к заложнику. Резко затормозив, полковник высаживает подполковника на дорогу:

— Возвращайся!

С. остается на улице с рацией (под рубашкой) и с пистолетом (в маленькой сумочке с непристойным названием). Пытается позвонить, автомат не работает. Продавщица («Соки — воды») двушку не дает, ругается. Знала бы она, на кого, но С. в штатском.

С. бежит к дому Наташи.

Егоров по рации приказывает:

— Придет Е.— берите!

Егоров говорит из машины. Рация С. трещит и свистит. Взмыленный, он переходит на шаг. И тут, возле самого дома, перед С. возникают двое — здоровенные, угрюмые — типичные «качки».

С. локтем прижал рацию под рубашкой к телу, чтобы заглушить свист (лезть за пазуху — выключать — было поздно), и услышал:

— Мужик, дай прикурить.

...Взятый Е. остался совершенно спокоен. Сидел, ел воблу, объяснял свое задание. Ему позвонил заложник, попросил взять у жены сумку с деньгами и в назначенное время принести ее к автобусной остановке. Передать посреднику.

— Кому?

— Тому, кто подъедет и возьмет. Сумка должна быть большая. Кроме денег, рубашка и брюки.

Это понятно. Чтобы в случае ареста сказать: ничего, мол, не знаю, послали за вещами. Не исключено, впрочем, что это будет посредник, действительно ничего не знающий.

Наташе, конечно, шепнули: мы знаем, где Саша! Она обрадовалась. Но ненадолго.

КОГО БЕРЕМ?

Начинается неприятное. Приказ: взять посредника, взять шофера (если посредник не сам за рулем). Кроме того, постараться заместі (теперь говорят «свинтить») тайных наблюдателей. Они наверняка будут следить за передачей сумки и, увидев арест, предупредят банду.

После такого предупреждения жизнь заложника, с точки зрения банды, теряла смысл.

Но что было делать? Профессионалы двух ведомств спешно анализировали ситуацию.

Сейчас к Наташе придет за деньгами Е.— хороший знакомый. Придет он к тому же по личной просьбе Саши. И жене Саша сказал: все передай Е.

Как в этом случае быть? Отказать? Не пустить на порог? Если Е. выйдет из дома без сумки — бандитам станет ясно: их водят за нос, денег не получить. Что они сделают с заложником?

Если же Е. впустить в квартиру, он увидит рядом с Наташей крутых парней из ОМСН. Но у «органов» по поводу Е. большие сомнения. Его поведение очень подозрительно. Если он член банды (или пособник), тогда он, конечно, расскажет о «квартирантах». Дальнейшее — понятно.

Ничего не оставалось, как принять Е. и очень убедительно сказать: вот вам сумка, идите, отдайте и возвращайтесь. И не вздумайте валять дурака.

В назначенный час Е. с сумкой вышел из квартиры и пошел на рандеву. Внешность его описали по рации; агенты «вели» Е. от самых дверей. Иногда на доли секунды теряли его в дневной уличной толпе. «Ведя» Е., попутно пытались определить, кто из прохожих «пасет» его с неведомой стороны.

...Квартира, где держали заложника, была окружена.

Заложник, никем не окруженный, валялся с заклеенными глазами в машине. Где именно — скажу потом. Скучал. Не знал, что жизнь его кончается. (Если б я играл в шахматы, то написал бы «флажок повис».)

В 16.00 к автобусной остановке подъехало такси. Произошла передача сумки с барахлом.

Е. отдал сумку и пошел назад.

Получатель сумки сел обратно в такси и поехал. Ему дали отъехать на километр и взяли.

Тут сразу несколько дырок. Подождем, пока кончится следствие.

Допускаю, читателей могут раздражать дырки (скажите «спасибо», я еще не о всех сообщаю). В утешение могу рассказать о блестящей удаче: свинтили негодяйских наблюдателей! Обоих! Один был (тут крошечная дырочка), а второй (.......). Надо вообразить себе предвечернюю уличную толчею (рядом огромный магазин). В этой толчее надо пасти Е. по дороге от дома к автобусной остановке, куда подъедет за сумкой посредник. Пасти так, чтобы бандитские наблюдатели не заметили хвоста. Проследить за процессом передачи. Дать посреднику спокойно уехать. (Его нельзя взять с поличным — наблюдатели сразу сообщат о захвате. Затем проследить за возвращением Е., не подходить к нему, не трогать. И при всем этом по каким-то неуловимым деталям в толпе прохожих выявить негодяев-наблюдателей. Могу ошибаться, но склонен считать, что эту удачу обеспечила квалификация тех, кто оттачивал свое мастерство на более утонченных соперниках, чем молодые рэкетиры (надеюсь, я достаточно ясно выразился?). Однако рассказчики утверждают, что это общий успех двух «контор» и всех участников: от генералов до рядовых. Разница в том, что С. поименно называет и своего непосредственного начальника, подполковника Р., и руководивших операцией генерала Бугаева и полковника Егорова, а Л., хваля свое начальство, не называет ни должностей, ни фамилий, ни даже букв.

— Знаете, лучше не надо.

В руках милиции было пятеро: два наблюдателя, посредник, таксист посредника и Е. Но никто из пяти ни в чем не сознавался. Все утверждали, что друг друга видят впервые.

Но тут Фортуна, наконец, повернулась лицом к измученным сыщикам. Трое из пяти задержанных были в Польше. Более того, одновременно. Более того, жили в одной гостинице. В одном номере. Въедливый сыщик при обыске не пропустил «визитку» с тремя фамилиями.

Радость, однако, была невелика. Заложник-то у банды.

Наблюдателей свинтили. Они не смогли сообщить банде об аресте. Но что толку? Все равно через какое-то время негодяи, не дождавшись посредника с деньгами, поняли бы: сорвалось. С этого момента заложник из ценности превращался в опасного свидетеля. Единственный выход: убить, труп уничтожить — и никто никогда не докажет, что он вообще был у них в руках. Нет трупа — нет преступления.

ГДЕ ИГРАТЬ В ЖМУРКИ?

У Л. и С. и их начальников из КГБ СССР и ГУВД Мосгорисполкома были все основания считать, что бандой руководит профессионал. (Брифинг МВД назвал главарем бывшего майора милиции. Не станем спорить.)

Профессионалы применяют свои навыки везде. Недавно, покидая ресторан «Метрополь» (где самый скромный и невкусный обед стоит клиенту не меньше сотни, кофе — пятерку, а поллитровка «Пшеничной» — 120 рэ), я разговорился со швейцаром. Сытый мужик средних лет не так давно был капитаном КГБ СССР, служил в «девятке», охранял Гришина, потом Ельцина, потом Зайкова. Теперь он охранял меня (пока я ел) и получал за это больше, чем за охрану членов Политбюро. Мило, не правда ли? И мотивы капитана просты, как мычание.

Есть иные мотивы. Амбиции или, скажем, профессиональная честь.

Через 10 дней после описываемой операции в Верховном Совете РСФСР состоялось закрытое совещание. В нем участвовали: зампред Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью; председатель подкомитета по международным делам; большие начальники из центрального аппарата КГБ СССР, из ГУВД Мосгорисполкома, а также генеральный директор СП «МОСТ». Всех их, волею судьбы, объединили бандиты, захватившие заложником Сашу — представителя «МОСТ» в Польше. Обсуждались стратегия борьбы с советскими гангстерами дома и за рубежом, проблемы защиты советских граждан за границей и организация совместных действий с соответствующими службами Запада.

Участников совещания было бы 12. Законы жанра заставили пригласить на это совещание **тринадцатого** — автора этих строк. (Кажется, в тот момент не все совещавшиеся знали, кто это скромно сидит, помалкивает.)

Конечно, многие читатели возмутятся: зачем это защищать богачей от бандитов? Пусть перережут друг друга. Это правильно. Весь советский народ долго учили относиться к богатым с подозрением и ненавистью.

Я отношусь к богачам с подозрением, поскольку тоже вышел из народа. Но поскольку я вышел из малого народа, то вторая составляющая — это не ненависть, а любопытство. И хочется узнать у богача, как же он добился такого успеха, что за ним стали охотиться? Это же замечательно, когда один человек отвлекает на себя 50 грабителей, и они целый месяц занимаются им, вместо того чтобы снимать с нас часы и шапки в темных и грязных подъездах.

Берегите богатых. Когда с ними опять покончат — опять возьмутся за нас.

...Вечер кончался, близилась ночь. Окруженная квартира, где (по данным КГБ) находился заложник, не подавала признаков жизни. С каждым часом усиливалось ужасное подозрение: нехорошая квартира пуста.

Конечно, еще утром просчитывали всякие варианты. Но решительные действия начались тогда, когда появилась уверенность, что в любую минуту можно ворваться и спасти заложника.

А заложник с заклеенными глазами весь день валялся в машине на улице. Рядом двое качков. Пару раз Сашу водили к телефону. И все это время (как и в предыдущие дни) заложник был на глазах у сотен людей. И никто не обращал внимания на человека с черными наклейками на глазах, сопровождаемого двумя «товарищами».

Нет, советские люди, конечно, участливы. Советские люди своим постоянным стремлением помочь, когда их не просят, дадут сто очков вперед любому буржую. Но кругом были десятки людей с заклеенными глазами. Возле клиники Федорова это нормально. Ход настолько блестящ, что я колеблюсь: то ли бандиты сами такие мудрецы, то ли кто-то из них читал Г.-К. Честертона. ...Все возможные места, где могли появиться бандиты, были перекрыты.

Засаду вокруг пустой квартиры на всякий случай оставили. В двенадцатом часу ночи в квартиру вошли трое. Кто — неизвестно. Лиц в темноте не разглядеть. По рации сообщили С. Тот позвонил Егорову, доложил. И — телефон взорвался от егоровского рыка «Бррррать!!!» Пока думали: вежливо постучать или врываться — подошел четвертый. Его взяли у подъезда.

Заложник с заклеенными глазами (12 дней без света в темном царстве) лежал на диване. Он услышал грохот падающей двери. Неприличные слова. Затем мягкий шум двух падающих тел. Его тюремщики лежали на полу. Теперь им тоже было темно.

* * *

Продолжение следует. Это обещают вам и гангстеры, и «органы», и я.

Валерие ВОЛОНТИР
Фото автора

СТИХИЯ

В шолдэнештских жилищах плавали телевизоры и мебель; речки Чорна и Рэут уносили погибших лошадей, коров, собак...

В ту ночь, когда вода поднималась подобно пене над вскипевшим молоком, взрослые и дети стучались в двери и окна соседей, призывая всех спасаться. Ночь провели кто где мог, многие бодрствовали на ногах до утра. Одна семья из Шолдэнешть — муж и жена — все же не покинула родное гнездо. Когда вода нахлынула и стала затапливать дом, они залезли сначала на табуретки, на стол, а затем поднялись на чердак. «Почему вы не спаслись бегством, как все?» «Только с полгода. как

въехали в новый дом,— отвечала сквозь слезы женщина.— Даже не можете себе представить, с каким трудом нам удалось достать кирпичи, цемент, песок. Кучу денег потратили на транспорт, строительство дома. И теперь не в силах были покинуть его...»

Затопленное Рэутом село Требужень на четыре дня потеряло связь «с внешним миром». На одном берегу стояла мать с пирогами в руках, на другом находился сын с ребенком. Два мальчугана на автомобильной камере осуществляли связь между двумя берегами, переправляя с одной стороны на другую почту, деньги, хлеб и другие продовольственные продукты.

...Как это принято при несчастных случаях, пришли на помощь соседи, родственники, друзья, селяне. Однако не смогли спасти унесенных водным потоком людей... Нашлись и такие, кто, бросив все дела, кинулся вылавливать из воды тряпье, тумбочки, глиняные кувшины...

И сегодня в некоторых пострадавших поселениях, даже находящихся на возвышенности, селяне спят с открытыми окнами — не раздастся ли гул воды?

Молдова

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

●

Один человек пришел к директору цирка с двумя большими чемоданами и продемонстрировал директору свой номер.

Раскрыл первый чемодан, он полон кирпичей. Человек клал кирпич на голову, а его ассистент кувалдой разбивал кирпич. За десять минут он перебил все кирпичи. Директор заявляет:

— Я беру вас. А что у вас во втором чемодане?

— Пирамидон.

●

У Волка родился волчонок. Он его укачивает:

— Спи, мой мальчик! Спи, мой серенький! А чьи у тебя глазки? Мамины. А чьи у тебя зубки? Папины. А чьи у тебя ушки?.. Ну, Заяц... погоди!!!

●

Машинист увидел на рельсах лежащую парочку, еле затормозил, выбежал ругаться. Поднимается парень и говорит:

— Мосье, один из нас должен был остановиться. Я не мог.

●

В квартире свадьба. В самый разгар веселья — звонок. Открывают дверь. На площадке стоят два здоровых лба.

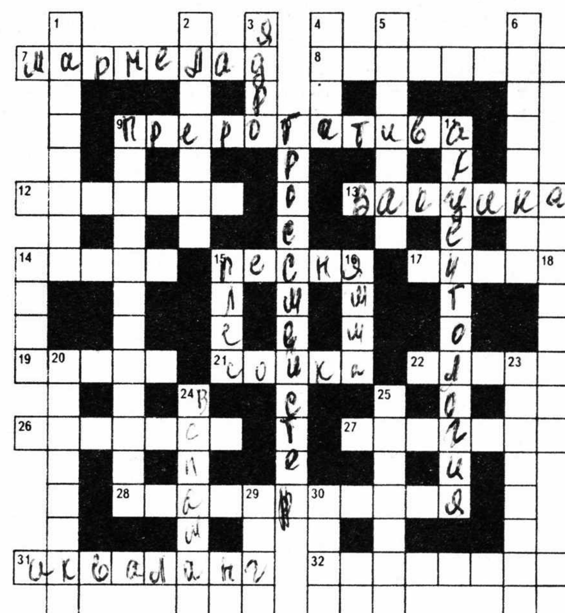
— Мы из бюро добрых услуг. Вы драку не заказывали?

●

В ресторане посетитель официанту:

— У вас в меню дикая утка?

— Нет, сэр, но для вас мы можем разозлить домашнюю.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Кондитерское изделие. 8. Поперечный брус прочности в корпусе судна или самолета. 9. Исключительное право государственного органа, должностного лица. 12. Оперетта И. Кальмана. 13. Препарат для предохранительных и лечебных прививок. 14. Участок реки, на котором располагаются сооружения гидроузла. 15. Музыкально-поэтическое произведение. 17. Залив Охотского моря. 19. Остров в Балтийском море. 21. Лесная птица семейства вороновых. 22. Опера С. В. Рахманинова. 26. Французский драматург XVII века. 27. Государство в Южной Америке. 28. Соперничество, борьба за достижение выгод, преимуществ. 31. Устройство для дыхания человека под водой. 32. Прибор для очистки воздуха.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вид земной поверхности. 2. Часть математики. 3. Спортивный снаряд для метания. 4. Двуглавая вершина Большого Кавказа. 5. Офицерское звание. 6. Русский писатель. 9. Растение с крупным желтым соцветием. 10. Высшее спортивное звание в шахматах и шашках. 11. Раздел языкознания, изучающий системы ударения в языках. 14. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 15. Город в Ивановской области. 16. Разновидность кварца, декоративный и поделочный камень. 18. Река в Италии. 20. Миниатюра в прозе или стихах шутливого характера. 23. Русский живописец. 24. Глубокая обработка почвы. 25. Наиболее яркая звезда в созвездии Малого Пса. 29. Порт в Корейской Народно-Демократической Республике. 30. Пушной зверек с ценным мехом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Штраус. 4. Жиклер. 7. Эренбург. 8. Иллинойс. 11. Магнитогорск. 12. Атом. 16. «Аида». 18. Афганистан. 19. Люменометр. 20. Осло. 21. Кони. 25. Миттельшпиль. 28. «Прометей». 29. Флиндерс. 30. Тарань. 31. Неодим.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Шарманка. 2. Ринг. 3. Сержант. 4. Желтков. 5. Луна. 6. Рейсшина. 9. Фармакология. 10. Искандеркуль. 13. Теннис. 14. Санаев. 15. Эстамп. 17. Дуайен. 20. Озокерит. 22. Ипподром. 23. Степень. 24. Аполлон. 26. Амур. 27. Удод.

1 руб. Индекс 70663

PHILIPS

ФИЛИПС:
МАЛЕНЬКИЕ ШЕДЕВРЫ БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

Официальный дистрибьютер фирмы «ФИЛИПС» в РСФСР
совместное советско-бельгийское предприятие
«ТОРГОВЫЙ ДОМ «АЛИСА»
193036, Ленинград, Суворовский пр-т, 2.
Тел. 277-22-95. Fax. 277-00-13.